

Михаил Кондратенко

Лексика народной метеорологии

Опыт сравнительного анализа
славянских и немецких наименований
природных явлений

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des
eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und
Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche
Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

Begründet von
Alois Schmaus

Herausgegeben von
Peter Rehder

Beirat:

Tilman Berger · Walter Breu · Johanna Renate Döring-Smirnov
Walter Koschmal · Ulrich Schweier · Miloš Sedmidubský · Klaus Steinke

BAND 394

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 2000

Михаил Кондратенко

Лексика народной метеорологии

Опыт сравнительного анализа
славянских и немецких наименований
природных явлений

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 2000

*Das dieser Veröffentlichung zugrundeliegende Vorhaben
wurde im Rahmen des Stipendienprogramms für Mittel- und Osteuropa
und den Ländern der Gemeinschaft Unabhängiger Staaten
durch die Union der deutschen Akademien der Wissenschaften
– gefördert von der Volkswagenstiftung –
finanziell unterstützt.*

ISBN 3-87690-765-9
© Verlag Otto Sagner, München 2000
Abteilung der Firma Kubon & Sagner
D-80328 München

Gedruckt auf alterungsbeständigem Papier

700

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная часть работы была написана в 1998 году, когда автор состоял стипендиатом Конференции немецких Академий Наук при Институте славистики Университета Эрланген-Нюрнберг.

При этом особую ценность представляла научная и организационная помощь профессора Клауса Штайнке, что в значительной степени обеспечило успешное завершение проекта.

Выражаю также признательность доктору Альфреду Клеппшу и всем его коллегам, работающим над созданием Атласа Средней Франконии, за возможность использования различной справочной литературы и ценные консультации по вопросам этимологии немецких диалектных наименований.

Я благодарю издательство «Otto Sagner» и господина профессора Петера Редера за согласие осуществить публикацию.

Издание обеспечено стипендией Конференции немецких Академий Наук при финансовой поддержке Фонда Фольксваген.

СОДЕРЖАНИЕ

Вводная часть	9
I. Лексемы, обозначающие природные явления в славянских и немецких говорах	11
1. Семантическое поле «дождь»	11
2. Семантическое поле «снег»	22
3. Семантическое поле «лёд, ледовый покров»	36
4. Семантическое поле «облака»	40
5. Семантическое поле «перемещение воздушных масс, ветер»	45
6. Семантическое поле «атмосферные световые и акустические явления»	52
7. Семантическое поле «общее состояние атмосферы»	55
II. Аналитические номинативные единицы, обозначающие природные явления	60
1. Устойчивые обороты в названиях природных явлений	60
2. Свободные словосочетания, обозначающие природные явления	70
III. Некоторые виды семантической мотивации названий природных явлений	91
1. «Животная» тема в названиях природных явлений	91
2. «Растительная» тема в названиях природных явлений	97
3. «Цветовая» тема в обозначениях природных явлений	98
4. «Национальная» тема в обозначениях природных явлений	100
Заключение	102
Список сокращений	113
Литература	114

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Наименования природных явлений в славянских языках традиционно представляют интерес для лингвистов, фольклористов, этнологов. Среди различных направлений в их изучении уже в XIX веке наметилась тенденция к определению роли метеонимов, астрономов в системе воззрений славянских народов на окружающий мир. В уходящем столетии это направление получило продолжение, развивается оно и в настоящее время, в частности, в рамках этнолингвистики. Одной из актуальных задач в работах, связанных с данной проблематикой, является опыт моделирования языковой картины (или отдельных её фрагментов) мира славянских народов. В этом отношении изучение метеорологической лексики представляется особенно полезным, поскольку, с одной стороны, наименования отвлечённых понятий самым непосредственным образом (по сравнению с конкретной лексикой) характеризуют особенности народного мышления, а, с другой стороны, названия природных явлений (осадков и их последствий, облаков, перемещения воздушных масс, световых и акустических атмосферных явлений) отличаются древним происхождением и относительной стабильностью на протяжении многих веков, а также достаточной репрезентативностью в лексикографических источниках.

Однако изучение особенностей языковой картины мира даже одной этнической группы невозможно вне сопоставительного анализа, поскольку, ограничиваясь материалом одного языка, можно описать тот или иной аспект его структуры, но нельзя выявить его специфику. Поэтому в целях максимально возможного решения проблемы описания особенностей обозначения метеорологических явлений в различных славянских говорах были использованы лексические данные некоторых немецких диалектов, а именно: немецких говоров в Силезии, Чехии, а также некоторых франконских и баварских говоров. Выбор именно этих немецких говоров обусловлен их пограничным положением по отношению к славянским.

Для достижения системности и большей исторической достоверности представляется необходимым максимально точно охарактеризовать территориальную отнесённость диалектного явления, то есть соотнести его с определённой диалектной микрзоной. В качестве таких микрзон из русских говоров были выбраны брянские, ладого-тихвинские, псковские (подразделяемые далее на южно-, средне- и

севернопсковские), ярославские; из белорусских говоров – полесские, северо-западные (Гродненская область и прилегающие районы) и восточные (восточные районы Витебской и Могилёвской областей). Среди говоров Украины выделяются слободские, степные, среднеподнепровские, волынские, подольские, поднестровские, бойковские, покутские, буковинские, гуцульские, закарпатские, посанские, лемковские. Говоры польского языка делятся на мазовецкие, великопольские, малопольские, силезские, варминско-мазурские, или севернопольские. Говоры Чехии представлены собственно чешскими и моравскими. Болгарские говоры делятся на мизийские, балканские, северо-западные, переходные, юго-западные, родопские, рупские (восточно- и западнофракийские). Недифференцированно представлены кашубские, верхне- и нижнелужицкие, словацкие говоры, а также спорадические данные македонских, сербохорватских и словенских говоров. Важным фактором, повлиявшим на выбор указанных языковых микрозон, является степень изученности их словарного состава и, соответственно, имеющаяся лексикографическая база.

Для исследования особенностей обозначения природных явлений в славянских и немецких диалектах был выбран метод изучения структуры семантических полей, отражающих в говорах определённый круг реалем, а также способов семантической мотивации (внутренней формы) наименований. Отдельно рассматриваются лексемы и составные наименования природных явлений, одна глава посвящена тем способам семантической мотивации, которые имеют особое значение для характеристики воззрений носителей диалектов на природу.

I. ЛЕКСЕМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ И НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ

1. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ДОЖДЬ»

В составе семантического поля «дождь» выделяются две основные группы семантем, обозначающих, соответственно, субстанцию, то есть осадки в виде капель воды, и процесс выпадения этого вида осадков. Чаще семантемы представляют в структуре семантического поля разновидности дождя, выделяющиеся на основании разнообразных актуализируемых признаков: интенсивности, длительности выпадения, наличия или отсутствия сопутствующих метеорологических явлений, времени и последствий проявления.

1.1. «Дождь, осадки в виде капель воды»

Наименования дождя как родового явления не столь многочисленны и в славянских, и в немецких диалектах. Как правило, в этом значении употребляются лексемы, для которых метеорологический статус является основным: в славянских диалектах это, главным образом, лексемы, восходящие к праславянскому *dъždь; одно из немногочисленных исключений составляет лексема *дан*, зафиксированная в северо-западных белорусских говорах; в немецких говорах Силезии в этом значении нами отмечены следующие лексемы: *Gelatscher*, *Himmelsträne*, *Pläderig* (Mitzka: 389,539,1006). Из этих наименований своей внутренней формой выделяется лексема *Himmelsträne* (небесные слёзы). На славянской языковой территории сходный тип семантической мотивации в обозначениях дождей представлен в некоторых украинских говорах: *сльозотеч* (Усачёва: 219) «длительный дождь», а также *божа матір плаче* (Могила: 26) в западнopolесских и *божі сльози* (Могила: 26) в среднepоднепровских говорах в значении «тёплый дождь в солнечную погоду».

1.1.1. «Сильный проливной дождь»

Эта семантема обладает самыми различными способами семантической мотивации как в славянских, так и в немецких диалектах. Среди славянских обозначений выделяются лексемы, мотивированные глаголами со значением «лечь»: *ляя* в полес. бел. (Тур.Сл, 3:

27) и сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел, 2: 648), ср.-полес. укр. (Могила: 22), *leja, lejawa, lejawica* в н.-луж. (Мука, 1: 815-816), *лёва* в яросл. (ЯОС, 5: 123), *lewa* в мал.-пол. и сев.-вост. части маз. говоров (Кур. 1969: 33), *liwa* в варм.-мазур. (Кур.-Więg.-Jan. Sł. Warm.: 55), *lejba* в варм.-мазур. и пограничных с ними районах маз. говоров (Кур. 1969: 33); *уливень* в яросл. (ЯОС, 10: 13) и лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах, *вуліў* в полес. бел. (Тур.Сл., 1: 165), *улева* (Сл.П.-Зах.Бел, 5: 203), *улюха* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 506) в сев.-зап. бел., *улев, улива* в вост. бел. (Нос.: 656-657), *ulewa* повсеместно в польских говорах (Кур. 1969: 55); *залева, залива* в полес. бел. (Тур.Сл., 2: 104), *залива* в ср.- и зап.-полес. укр., степн., бойк., бук., зак. (Могила: 22), *zalewa* в варм.-мазур. говорах (Кур.-Więg.-Jan. Sł. Warm.: 55) и др.

В нем. говорах сильный дождь также может быть представлен как «пролитие»: *Geflä(e)tzer* в силез. (Mitzka: 1099) и *Giess* (Dallshammer: 48), *Guss* (Reinfelder: 98) во франк.

В названиях сильного проливного дождя могут использоваться и другие виды семантической мотивации. Ливень может быть представлен как секущий, хлещущий, бьющий дождь: *siekawica, siećba* в подгальских говорах Польши (Кур. 1969: 34), *ubijak* в кашубских, *хлюшча* в говорах Киевской и Ивано-Франковской областей Украины (Могила: 41).

Эта разновидность дождя может получать наименование и по его воздействию на различные объекты окружающей действительности: *замочка* в ср.-пск. (Карт. ПОС) и *макун* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 250) говорах. Во франк. говорах этим наименованиям соответствует *Nassauer* (Reinfelder: 143) (*nass* – «сырой», *sauen* – «сильно лить (о дожде)»).

Из способов семантической мотивации, представленных только в славянских диалектах следует отметить обозначение сильного дождя по предполагаемой причине его происхождения – *хмаролом* в гуц. говорах (Могила: 24), по сопутствующему явлению – *туча* в полес. бел., ср.-полес. укр., волын., подол., *та́ча* в каш. говорах, а также по субстанции осадков – *водолив* в яросл. (ЯОС, 3: 26) и *вода* в ср.-пск. (ПОС, 4: 71) говорах.

Во франк. говорах отмечен не свойственный славянским говорам способ представления ливня как дождя, стирающего кители – *Kittlwäscher* (Berthold: 112).

1.1.1.1. «Неожиданный проливной дождь»

Эта семантема представлена на славянской языковой территории в каш. – *doražnica* (*doraza* - сейчас, сразу, в настоящий момент) и в чеш. – *úliča* - говорах.

В нем. силез. говорах данный вид дождя может быть назван *Ausche* (неожиданность) (Mitzka: 69), *Dusche* (Mitzka: 225), *Huscher* (лёгкий удар) (Mitzka: 579), *Klatschregen* (Klatsch-удар), *Kotz* (Mitzka: 715). Дополнительной семой «неожиданный» может обладать и лексема *Kiddlwascher* (Maas: 136) во франк. говорах.

1.1.1.2. «Кратковременный проливной дождь»

Лексемы с таким значением отмечены из славянских в каш. говорах – *psotavica*, *střikovka*, *tača* и н.-луж. – *zliwk*.

В немецких диалектах эта семантема представлена более широко: в силез.-*Duschbad*, *Fluhe*, *Husch*, *Platz*, *Plo* (Mitzka: 225,327,578,1011,1017) и др., во франк. – *Dusche*, *Guss*, *Kittlwascher*, *Platzregen*, *Schmatzregen* (*schmatz* - кусачий), *Schutt*, *Spritzen* (Wört.Ufr: 197) и др.

1.1.2. «Моросящий дождь»

Названия этого вида дождя отражают в славянских говорах чаще всего небольшой размер капель: *ситоша* в яросл. (ЯОС, 9: 33), *ситничек* в яросл. (Карт. ЯОС) и лад.-тихв. (Карт. СРГК), *ситняк* в ю.-зап. болг. (Koseska: 60) говорах, *дpибн'е* в бойк., гуц. говорах (Могила: 33). Более опосредованно с размером капель дождя связаны такие наименования, как *сынун* в бр. (Карт. СБГ), *перепрыски* в ю.-пск. и сев.-пск. (Карт. ПОС), *брызканне*, *брызок*, *брызочек* в вост. бел. (Нос.: 36), *рочхропеіе* (от лексемы со значением «капля») в н.-луж. (Muka 1: 503), *попpашка* в родоп. и ю.-зап. болг. (Koseska: 56), *рось* в вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 390), *орóсек* в мор. (Kott: 131), *роса*, *росоляк* повсеместно в болг. (Koseska: 58-59), *порос(н)ица* в серб.-хорв. говорах (Кар.: 563).

Достаточно распространённым в географическом отношении является представление моросящего дождя как «сеющего»: *сейва*, *сyвeц* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 428,474), *сiянец* в ср.-поднепр. (Могила: 33), *posiewacz* в варм.-мазур. (Кур.-Wieg.- Jan. St.Warm.: 54), *posiewaczka* в говорах Острожского воеводства Польши (Кур. 1969: 29).

Как «вытряхивание» капель называется мелкий дождь в вел.-пол. говорах – *trzęsionka* (Кур. 1969: 29).

На воздействие, вредное или полезное, этого вида дождя на природу указывают такие его названия, как *gnojarcz* в маз. (Кур. 1969: 40), *zgnilak* в варм.-мазур. (Кур.-Wieg.- Jan. Sł. Warm.: 54), *kapuśniak* повсеместно в польск. (Кур. 1969: 27), *brukevniak* в каш. (Sychta, 1: 73) говорах.

Своеобразное сравнение с мукой содержится в названиях *мукосей* в яросл. (ЯОС, 6: 66) и *mačnik* в каш. (Sychta, 3: 123) говорах.

В сев.-зап. бел. говорах мелкий дождь уподобляется кустарнику – *смыза* (Сл.П.-Зах. Бел., 4: 508). Длительный морозящий дождь в вост.-полес. укр. говорах получает наименование также на основании сравнения с другой реалией – *кляча* (Могила: 41).

Единственным примером обозначения морозящего дождя по состоянию неба является яросл. лексема *хмурица* (Карт. ЯОС).

Во франк. говорах морозящий дождь может обозначаться как капающий: *Drobftm*, *Gedröbfl* (Reinfelder: 54,83); специфическим для Франконии наименованием мелкого дождя является *Schnagabrunser* (Steinmetz-Hoffmann: 150-151) (*Schnag* - комар, *brunsn* – «üginieren»). В нем. силез. говорах лёгкий дождь называется «тихим»: *Sachterege* (Mitzka: 1156) (*sachte* - тихо), используются, кроме того, и другие лексемы, например, *Regengespröde* (распыление дождя) (Mitzka: 1099).

1.1.2.1. «Дождь, мелкий, как туман»

В славянских языках данная семантика представлена в яросл. говорах лексемой *лежачка* (ЯОС, 5: 125), в бр. – *мга*, *мжичка* (Карт. СБГ), в пол.- *mżawka*, *mżonka* и др.

В нем. силез. говорах в этом значении зафиксирована лексема, содержащая в себе уподобление дождя туману – *Nebelregen* (Mitzka: 924).

1.1.3. «Длительный, затяжной дождь»

Обозначения затяжного дождя, нередко совпадающие с обозначениями дождливой погоды, составляют значительную часть славянской метеорологической лексики. Длительное выпадение осадков в виде дождя может получать наименование по его «увлажняющему» воздействию: *замока* в яросл. (ЯОС, 4: 86), *мокруша* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *мокреда* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *мокродзінье* в полес. бел. (Тур.Сл., 3: 85), *макросць* (Нос.: 288) и *моча* (Бяльк.Сл.Маг.: 266) в вост. бел., *мокроть* в гуц., *мокрота* в слоб., *мокротеча* в полес. укр., *моква* в степ., ср.-полес. укр., ср.-поднепр., волын., подол. (Могила: 38), *tokroś* в некоторых пол. (Кур. 1969: 40), *tokwa* в мал.-

пол. (Кур 1969: 29), *mokva* в каш. (Sychta, 3: 101), *moczychala* в маз. (Кур. 1969: 29), *močixalka* в каш. (Sychta, 3: 98), *влажняк* в болг. (Koseska: 39) говорах.

В основу наименований длительного дождя также может быть положен такой признак, как продолжительность выпадения: *суточник* в яросл. (ЯОС, 9: 89) и лад.-тихв. (Карт. СРГК), *trzydniówka* (от «три дня») в маз., *tygodniówka* (от «неделя») в маз., мал.-пол., сев.-пол. (Кур. 1969: 40) говорах.

О характере проявления этого вида осадков, а именно: о пролитии или выпадении – говорят такие названия, как *полива* в яросл. (ЯОС, 8: 50), *залевы*, *заливанне*, *уліва* в вост. бел. (Нос.: 272,173,657), *заливи* в гуц. (Могила: 23), *padanina* в маз., *padaczka* в силез. (Кур. 1969: 81), *padavica* в каш. (Sychta, 4: 7), *валевица* в различных болг., *валява* в балк. болг. (Koseska: 28) говорах.

В ряде случаев длительный дождь представляется в диалектной лексике как «обкладывающий»: *за(об)кладень* в ю.-пск. и ср.-пск. (Карт. ПОС), *абложник* в полес. бел. (Янк.: 14), *обложник* в миз. болг. (Koseska: 54) говорах.

Иногда продолжительный дождь характеризуется в наименовании как «кислый»: *кисле* в укр. карп. (Koseska: 47), *kwasińiucha* в мал.-пол. (Кур. 1969: 40) говорах, этой же семантической мотивацией обладает болг. и серб.-хорв. лексема *киша* (Koseska: 40).

В основу наименования может быть положен и отрицательный характер воздействия на различные объекты природы: *ржа* в яросл. (ЯОС, 8: 132), *гний* в волын. (Могила: 32) говорах.

В нем. силез. говорах для обозначения длительного дождя используется лексема *Nieselregen* (Mitzka: 931) (*nieseln* – один из наиболее употребительных диалектных глаголов для обозначения морозящего дождя).

1.1.4. «Кратковременный дождь»

В славянских говорах представлено некоторое количество наименований непродолжительного дождя, не содержащих указания на интенсивность его выпадения. Как правило, они говорят о «проходящем» характере этого вида осадков: *перевалка* в яросл. (ЯОС, 7: 91), *перелёт(ка)* в сев.-пск. (Карт. СРГК), *рантіўка* в гуц. (Могила: 25), *přerivk* в каш. (Sychta, 4: 189), *přeháňka* в чеш. (PSJČ, 4/2: 198) говорах.

В чеш. говорах для наименования кратковременного дождя используется также лексема *možna*, обозначающая прежде всего сумку.

В исследуемых немецких говорах указание на незначительную длительность обычно сочетается с указанием на интенсивность выпадения.

1.1.5. «Дождь, идущий с перерывами»

Эта семантема представлена только в некоторых славянских говорах: *перемачка* в бр. (Карт. СБГ), *прэрва* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 388), *рѣрадавіца* в каш. (Sychta, 4: 188) говорах.

1.1.6. «Тёплый дождь в солнечную погоду»

Наименования солнечного дождя занимают значительное место в славянской метеорологической лексике. Как правило, при номинации этого природного явления актуализируются следующие его признаки: воздействие на растительный мир, сопутствующее испарение, особенности внешнего проявления.

К первому типу семантической мотивации относятся следующие обозначения: *грибник* в яросл. (ЯОС, 3: 108), *грыбнік* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 119), *грибничок* в сев.-пск. (ПОС, 7: 27), *грибовик* в бр. (СБГ, 4: 61), яросл. (ЯОС, 3: 108), *грыбавік* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 119), *грибовник* в яросл. (ЯОС, 3: 108), *грыбасей* и *дабрасей* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 119,123); помимо положительного воздействия, в названии может отражаться и отрицательное: *сеногной* (ЯОС, 9: 27) и *сушило* (ироничн.) в яросл. (ЯОС, 9: 91), *руда* (ржавчина) в гуц. (здесь, кроме того, *рудовина*), зак., покут. (Могила: 27), *ruda* в некоторых пол. (Linde, 5: 60) и чеш. говорах.

На тёплую погоду и сопутствующее ей испарение указывают такие названия этого вида дождя, как *припарок* в бр. (Карт. СБГ), гуц., поднестр. (Могила: 27), *припарица* в ю.-зап. болг. (Koseska: 57), *пригревкі*, *препаркі* в укр. карп. (Усачёва: 218) говорах. Блеск солнечных лучей подчёркивается в лексемах *блискавиці* в бойк. и *проблескі* в некоторых укр. говорах (Усачёва: 217).

В немецких говорах Силезии используются сходные средства номинации: *Gifstregen* (ядовитый дождь, то есть наносящий вред растениям) (Mitzka: 1099); зафиксирована, кроме того, лексема *Sonnenregen* (солнечный дождь) (Mitzka: 1099).

1.1.7. «Дождь, сопровождаемый ветром»

Данная семантема представлена только в славянских говорах лексемами *труба* (наименование дано по акустическому признаку) в зак. (Могила: 180) и *bija* (акциональный признак) в каш. (Sychta, 1: 111) говорах.

1.1.8. «Дождь в безветренную погоду»

Наименование этой разновидности дождя зафиксировано только в моравских говорах: *šiprot* (шёпот) (Осташ: 71).

1.1.9. «Дождь с градом»

Лексемы с таким значением фиксируются в яросл. – *голуха* (ЯОС, 3: 92), *моголюха* (ЯОС, 6: 49), пск.- *градобой* (Карт. ПОС), подол. и поднестр. – *туча* – говорах.

В нем. силез. говорах подобный вид дождя обозначается как апрельский – *Priller* (Mitzka: 1038).

1.1.10. «Весенний дождь»

Данное природное явление обозначается, главным образом, при помощи составных наименований. Специальные лексемы отмечены в яросл. говорах – *градь* (ЯОС, 3: 104), а также в слоб. – *траўневец* (по названию мая в укр. языке).

В нем. силез. говорах этой семанте соответствует семантема «дождь в апреле»: *Apriller* (Mitzka: 50).

1.1.11. «Осенний дождь»

В славянских говорах это значение репрезентируется в яросл. говорах при помощи лексем *морех* (ЯОС, 6: 58) и *паморось* (ЯОС, 7: 80) с дополнительной семой «морозящий» и лексемы *солуха* (ЯОС, 9: 58).

В нем. силез. говорах данная разновидность дождя представлена лексемой *Laubschwemme* (*lauben* – срывать листву с деревьев) (Mitzka: 795).

1.1.12. «Летний дождь»

Дождь летом с дополнительным значением «кратковременный» получает самостоятельное обозначение в яросл. говорах – *перевалка* (ЯОС, 7: 91).

1.1.13. «Дождь, прошедший утром»

В сев.-зап. бел. говорах это значение передаётся лексемой *досветнік*, а в нем. силез.-
Morgenregen (Mitzka: 894).

1.1.14. «Дождь, подмывающий землю»

Лексема с таким значением зафиксирована только в каш. говорах – *namulník, podmi-
vajk*.

1.1.15. «Дождь, наносящий вред растениям»

В говорах болгарского языка в этом значении выступают две лексемы: *балсара*
(сдополнительной семой – «вредящий винограду») и *мана* (с дополнительной семой –
«вредящий фруктовым деревьям»).

1.1.16. «Один приём дождя»

Данная семантика представлена в некоторых славянских говорах: в яросл. – *напуск*
(ЯОС, 6: 108), в полес. бел. – *перэгон*, в н.- луж. – *lěneńe*.

1.2. «Выпадать (о дожде)»

Данное значение передаётся как в немецких, так и в славянских диалектах, главным образом, при помощи глаголов, которые, как уже подчёркивалось в исследованиях, обладают не абсолютным, а относительным знаковым значением (см., например, Языковая номинация. Виды наименований. М. 1977.). Однако, поскольку значение лексем, репрезентирующих в языке природные явления, связано, как правило, с тремя типами референта: субстанцией (например, туча, снег), процессом (моросит) или состоянием (холодно, жарко) – и значение процесса передаётся обычно именно глаголами, их рассмотрение является необходимым в рамках настоящего исследования. Глаголы не всегда выступают в качестве самостоятельных обозначений. Они могут входить в состав устойчивых выражений, а также различных предикативных единиц, называющих субстанцию и её проявление, реализуя тем самым значение процесса. Кроме того, встречаются такие глаголы, которые можно отнести к собственно

метеорологическим (*verba meteorologica*). Эти глаголы обладают метеорологическим значением независимо от существительного, указывающего на субстанцию, и поэтому способны, в отличие от глаголов другого класса, называемых функциональными, к самостоятельному употреблению, в частности, в безличных предложениях. Именно *verba meteorologica* представляют особый интерес для изучения метеонимов, поскольку глаголы, входящие в состав устойчивых выражений в той или иной степени десемантизированы, а функциональные глаголы, встречающиеся в метеорологических наименованиях, с точки зрения семантики в основном типологически адекватны, так как их использование основано чаще всего на предметно-логических связях предметов и явлений: так, дождь может идти, падать, валиться и т.п.

Для обозначения процесса выпадения дождя в славянских говорах используются глаголы, производные от прасл. *dъždь: рус. *дождить* или пол. *deszczować*. В ряде случаев к *verba meteorologica* можно отнести глаголы, которые способны к самостоятельному употреблению за счёт постоянно подразумеваемой семы, обозначающей субстанцию и потому не требующей формального выражения. В значении «идти (о дожде)» это глаголы *лететь* в ср.- и сев.-пск. (Карт. ПОС), *лети* в балк. болг., родоп., фрак. (Koseska: 50); *навалиться* в яросл. (Карт. ЯОС), *наваливать*, *валиться* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *valěc* в каш. (Sychta, 6: 48-49), *вали* повсеместно в болг. говорах.

В нем. силез. говорах в этом значении зафиксированы глаголы. *gurgeln, latschen, lortschern, nässen, sauen* (Mitzka: 793,820,1099). Некоторые из этих глаголов сохранили довольно прозрачную внутреннюю форму: так, глагол *nässen* обозначает процесс выпадения осадков по его «увлажняющему» воздействию на природу.

1.2.1. «Выпадать (о сильном дожде)»

В славянских говорах не зафиксированы специальные лексемы, для которых данное значение являлось бы основным. Обычно процесс интенсивного выпадения дождя передаётся с помощью предикативного сочетания, в состав которого входит глагол, обозначающий какое-либо интенсивное действие вообще, например: *дождь нахлобучил* в яросл. (ЯОС, 6: 120), *дождь grabанул* в ю.-пск. (ПОС, 6: 161), *дождь взбунтовался* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *дождж рубанул* в вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 390), *дождж дубасит* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 99) говорах.

В немецких говорах эта семантика представлена очень широко. В нем. силез. говорах отмечены следующие лексемы в данном значении: *gossen, herunterprasseln*

(Mitzka: 438,531) и др.; во франк. – *bleschn* (Berthold: 24), (Dallhammer: 20), *sauja* (Berthold: 89), *dröbfln* (Reinfelder: 54), *duchn*, *kübln* (Reinfelder: 61,125), *geisn* (Berthold: 66), *schiffm* (Maas: 173), *schittn* (Berthold: 197), (*abig*) *hauen* (Wört.Ufr: 197) и др. Некоторые из этих глаголов обладают статусом «метеорологических» в диалекте, например, *sauja*. Другие представляют значение при помощи особого образа: *gossen* раскрывает выпадение сильного дождя как его пролитие; *bleschn* – обозначает процесс битья, аналогично: *schittn* – трясти, *hauen* – рубить, второе значение глагола *prasseln* – «бить руками или ногами по воде»; глагол *dröbfln* является производным от наименования капли; глагол *schiffm* имеет в диалекте ещё одно значение – «Harn lassen, urinieren»; *kübln* связан по значению с сущ. *Kübel* (чан, бадья, кадка) и соответствует по своей семантике сравнительным оборотам с тем же значением в славянских языках: *лить как из ведра* в рус., *ліць як з ведра* в бел., *leje jak z kubla* на мазовецко – кашубском пограничье.

1.2.1.1. «Выпадать (о сильном продолжительном дожде)»

В нем силез. говорах в этом значении зафиксирована лексема *kleckern* (Mitzka: 667), обозначающая, кроме того, пропитывание чего-либо жидкостью.

1.2.1.2. «Выпадать крупными каплями (о дожде)»

Данным значением в нем силез. говорах обладают глаголы *latschern*, *patschern*, *ploschen* (Mitzka: 793,973,1018) и др., для которых метеорологическое значение является основным.

1.2.2. «Выпадать (о мелком, морозящем дожде)»

Процесс выпадения морозящего дождя обозначается в славянских диалектах при помощи достаточно большого количества глаголов, обладающих различными видами семантической мотивации наименования.

Это могут быть наименования, мотивированные маленьким размером капель: *брызгать* в бр., ю.- и ср.-пск., *брызгаць* в сев.-зап. и вост. бел. говорах; *накрапать* в яросл., *покропить* в бр., *кропить* в сев.-пск., *краниць* в полес. бел., *краниць* в сев.-зап. и вост. бел., *кropić* в пол. говорах; *пырнуть* в бр., *прыскать* в ю.-пск., *попрыскивать* в ср.-пск., *пырскаць* в сев.-зап. и вост. бел., *pryskać* в пол., *priskac* в каш., *prskat* в чеш., *пръска* в болг. говорах; *ситить* в яросл. и бр. говорах.

Часто на славянской языковой территории морозящий дождь по особенностям проявления получает наименование «сеющего» дождя: *сеять* в ср.-пск., *сеяць* в вост. бел., *дошч сіе* в вост.-полес. укр., волын., *sieje* в вел.-пол. и маз. говорах.

Морозящий дождь может быть в славянских говорах также дождём «сыплющим»: *сыпать* в бр., ю.-пск., *сыпаць* в сев.-зап. и вост. бел. говорах ; «летающим»: *лететь* в сев.-пск., *lecieć* в пол., *lecес* в каш. говорах.

В различных славянских говорах название морозящего дождя является производным от *-gos-: *росіць* в полес. бел., *росит* в бук. и гуц., *rosi* в пол., *řasěc* в каш., *rositi* в чеш. и словац., *роси* в болг. говорах.

Непосредственно к метеолексике можно отнести обозначения морозящего дождя, производные от корня - морос -/- морех - в вост.-слав. языках: *моросить* в рус., *моросіць* в полес. бел., *марасіць* в сев.-зап. бел., *мырасіць* в вост. бел., *марясит* в вост. и ср.-полес. укр., *моросит* в зап.-полес. укр., волын., бук. говорах; а также производные от корня * тьgl- в восточно- и западнославянских: *мжить* в бр., *мізлець*, *міжаць* в полес. бел., *імжэць*, *мгліць* в сев.-зап. бел., *імжыць* в вост. бел., *(i)мжить* в вост.-полес. укр., *мжить* в ср.- и зап.-полес. укр., волын., *mglić*, *mžyc* в пол., *mžec* в каш., *mžiti* в чеш. говорах.

В немецких диалектах обозначения процесса выпадения морозящего дождя также могут обладать различной семантической мотивацией. В нем. силез. говорах отмечен глагол, указывающий на «распыляющий» характер этого вида дождя: *sprühen* (Mitzka: 1099); глагол *drieseln* (Mitzka: 213), выступающий в том же значении, обозначает, кроме того, полусонное состояние и процесс на(раз)матывания ниток, глагол *noscheln* (Mitzka: 936) – невнятную речь, а глагол *fieseln* (Mitzka: 306) - длительное, равномерное выполнение какой-либо работы. Ряд лексем можно отнести к диалектным *verba meteorologica* : *meiseln*, *mieseln*, *saupern* и др.

В нем. силез. и пол. говорах в данном значении отмечены глаголы, производные от существительного со значением «дождь»: *dźdźyc* в пол. и *regneln* в нем. силез. (Mitzka: 1100).

Во франк. говорах проявление морозящего дождя может обозначаться как «увлажнение» природы – *nasseln* (Wört.Ufr: 197); в основу наименования может быть положено также указание на форму выпадающей субстанции – капли: *tröpfeln* (Wört.Ufr: 197).

2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СНЕГ»

В составе семантического поля «снег, снежный покров» как в славянских, так и в немецких говорах выделяются три группы семантем, обозначающих, соответственно, снег как разновидность осадков, снежный покров и процесс выпадения снега.

Как и в обозначениях дождей, в обозначениях снега преобладают названия его разновидностей, в основе которых обычно лежит указание на величину снежинок, время выпадения, сопутствующие метеорологические условия и другие признаки.

2.1. «Снег, падающий в безветренную погоду»

В славянских говорах этот вид снегопада может обозначаться по способу его проявления как валящийся, падающий, крутящийся или веющий:

- *валюга* (ЯОС, 2: 47), *вывал* (ЯОС, 3: 49), *повалиха* (ЯОС, 8: 14) в яросл., *завала* в лемк. (Могила: 59), *валеж* повсеместно в болг. (Koseska: 38) говорах;
- *падъ* в ср.-поднепр., *опадъ* в гуц. говорах (Могила: 71);
- *круча* в ср.- и зап.- полес. укр., а также в волын. говорах (Могила: 74);
- *zavej* в слвц. говорах; в в.-луж. говорах снегопад без ветра обозначается как метущий – *mjetel*.

В нем. говорах Силезии отмечены такие наименования «тихого» снегопада (здесь он рассматривается как «лёгкий»), как *Armeleuteschnee* (Mitzka: 51) (букв.: снег бедных людей) и *Hasenschnee* (Mitzka: 492) (букв.: заячий снег).

2.1.1. «Снег, падающий большими хлопьями»

В славянской народной метеолексике подобный вид снегопада может быть представлен как «залепляющий»: *ляпиха* ю.-пск. (Карт. ПОС), *лепошки* в лад.-тихв. (Карт. СРГК); «закидывающий»: *закідъ* в ср.-полес. укр., *окидъ* в зап.-полес. укр. (Могила: 71,62), *вокидъ* в бел. говорах.

В обозначениях снежинок на славянской языковой территории достаточно часто используются метафоры. Снег, падающий большими хлопьями, может уподобляться в названии различным реалиям, например, крупным кускам чего-либо: *klęby* (букв.: клубки) в маз., *oplatki* в маз. и вел.-пол., *platki*, *platy* повсеместно в пол. (Kur. 1969: 83,85), *пърцали* в балк. болг. (Арх. СУ) говорах; предметом внутреннего сравнения, кроме того, могут быть, во-первых, цветы: *kwiaty*, *floki* в вел.-пол. и маз. (Kur. 1969: 83), *floček* в чеш. говорах (PSJČ, 6: 1069); во-вторых, пух и перья: *puch* в силез. говорах

и на зап. землях Польши, *pierze* в вел.-пол. и мал.-пол., силез., *pióra* в мал.-пол., маз. и на зап. землях Польши (Кур. 1969: 84), *p'óra* в каш. (Sychta, 5: 285), *p'eluchy* в н.-луж. (Мука, 2: 474), *mazderko* в мор. (Malina: 56) говорах; в-третьих, животные и некоторые другие реалии: *koniaki* в маз., *koty* в маз., мал.- и сев.-пол. (Atl. maz., 1: 4), (Кур.1969: 84), *зайцы* (Карт. ЯОС), *лопуха* (ЯОС, 6: 14) в яросл., *rekwawice* (рукавицы) в силез. говорах.

В нем. говорах Силезии крупные снежинки обозначаются как снежные кошки: *Schneekatze* (Mitzka: 1231).

2.1.2. «Снег, падающий в виде мокрых хлопьев»

В нем. силез. говорах для обозначения процесса выпадения этого вида осадков используется лексема *Schnees Schlag* (букв.: снежный удар) (Mitzka: 1231). Для наименования крупных мокрых снежинок используется, кроме того, оноματοпоэтическое образование *Klakutschen* (Mitzka: 661).

2.1.3. «Сухой, мелкий снег»

Этот вид снежных осадков получил довольно большое количество наименований в славянских говорах. Повсеместно на славянской языковой территории сухой снег называется «крупой»: *крупянка* в яросл. (ЯОС, 5: 95), *крупя* в бр. (Карт. СБГ), лад.-тихв. (Карт. СРГК), *крупы* в вост.бел. (Нос.: 255), *крупенке* в ср.-полес. укр., *крупяница* в подол., *крупы* в зак. (Могила: 54), *krupa*, *krupu* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 85,86), *krěpě* в каш. (Sychta, 2: 247), *kšupy*, *kšupki* в н.-луж. (Мука, 1: 717), *krupice* в чеш. (Осташ: 269), *krupí*, *krupica* в слов. (Atl.slov.jaz, 4: 18), *крупявица* в сев.-зап. болг. (Арх. СУ), *крупя* в серб.-хорв. (Кар.: 308) говорах.

В ряде случаев сухой, мелкий снег сравнивается с кашей: *кашка-голышка* в яросл. (ЯОС, 5: 26), *kasza* повсеместно в пол. (Кур.1969: 84) говорах. Эта мотивационная тема, которую условно можно назвать «съедобной», продолжается маз. лексемами *tanna*, *ryż* (Кур. 1969: 86), а также лексемой, отмеченной на Украине – *горох* (Могила: 54).

В некоторых пол. говорах сухой снег сравнивается с дробью – *śrut* (Кур. 1969: 86).

На периферии славянских диалектных зон отмечены в данном значении производные от корня *gol-: *голуха*, *наголовка* в яросл., *golomraznica* в словен. говорах. В южнославянско-чешско-словацком ареале в данном значении представлены производные от *rogx-: *poprach*, *popraška*, *prach* в чеш. (PSJČ, 4: 716), *popraška* в слов. (Могила: 57), *попрах* (Иванов БДА, 2: 243), *попрашица* (Архив СУ) в ю.-зап. болг,

опрашка в макед. говорах и, с другой стороны, *prěpruška* в каш. (Sychta, 4: 200). Многие диалектные лексемы представляют данное явление природы как нечто сыплющееся: *сипучка* в бр. (Карт. СБГ), *сыпун* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел, 5: 53) говорах.

Такой признак, как «сухость» положен в основу наименования *сушец* в болг. и макед. говорах.

Как следствие мелкого размера сухой снег может быть тем, что набивается в сени – *сенечнік* в сев.-зап. бел. говорах (Сцяшк.Сл.Гродз.: 429).

Особый мотивационный тип представлен в гуц. – *хміль* (в словц. говорах лексема *chmel* употребляется в значении «град»), каш. – *maqniško* (аналогично: *maqnik* в значении «мелкий дождь»), макед. – *којзоморац* говорах. В маз. говорах мелкий сухой снег называется *iskierki* (Atł.maz., 1: 5).

В говорах Нижней Франконии мелкий снег представлен как снежный дождь – *Schneeregen* (Wört.Ufr: 197).

2.1.4. «Град»

Явлением, близким сухому снегу по восприятию, в диалектных обозначениях может быть град, то есть осадки в виде маленьких зёрнышек льда. В яросл. говорах довольно часто используются производные от корня – гол - : *голуха, голыша* (кроме того, *головед(н)ица, головл(н)янка, головаица*) (ЯОС, 3: 88, 90, 92-93). В мал.-пол. говорах зафиксированы производные от корня - wał - : *nawalnica, uwał* (Кур. 1969: 73,82). В чешских говорах град – это то, что сыплется: *supky* (Осташ: 83); в болг. говорах град представлен как «сухие» осадки: *сушец* (Koseska: 62), кроме того, в балк. говорах – *су(х)оградица*, а в ю.-зап. болг.-*су(х)отрошица* (Koseska: 62).

По субстанции град может называться как лёд: *ледянки* в ю.-пск., *ledovec* в чеш., *lad, ladovec* в словц., *лед* в серб.-хорв. – или снег: *sněžnice* в чеш. говорах. По смежному метеорологическому явлению в карпатско-южнославянском ареале град может получать следующие наименования: *туча* в бук. и гуц., *туча* в серб.-хорв., *toča* в словен. говорах.

В нем. силез. говорах наименования града не обладают, как правило, прозрачной внутренней формой: *Graupel* (Mitzka: 449), *Prellen* (Mitzka: 1037).

2.1.5. «Первый снег»

Значительную часть славянских диалектных лексем, связанных с обозначением снежных осадков, составляют названия первого снега. В их составе выделяется несколько групп наименований.

В первой из них указанный вид снега отражается как новый, молодой: *понова* в зап.-полес. укр., гуц., посан., *молодюк* и *скоросніг* в зак., *обновець* в лемк. (Могила: 53,56-58) говорах.

Другую группу названий первого снега составляют лексемы, представляющие его как мелкий: *пороша* во всех исследуемых русских, а также в полес.бел. (Тур.Сл., 4: 185) говорах, *пароша* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 141), в сев.-пск. говорах встречается форма *пороха* (Карт. ПОС), *пороша* и *порошка* отмечены во всех полес. укр., в ср.-поднепр., степ., волын. говорах (Могила: 57), в ср.-полес., кроме того, *папорошка* и *папороть* (Могила: 57,58); лексема *ропрох* зафиксирована в каш. (Sychta, 4: 138), *попраха* – в родоп., руп., миз. и ю.-зап. болг, а *попрашка* – в родоп. и зап.-фрак. говорах (Koseska: 56). Сходный мотивационный признак реализуется в ср.-полес. укр. говорах с помощью лексемы *прітерушок* (Могила: 58).

Первый снег может быть назван по влиянию на домашний скот – *којзоморъц* в макед. говорах (Архив СУ), по указанию на запорошенную поверхность земли – *позем* в бр. говорах (Карт. СБГ).

Ещё одним приёмом номинации, используемым при обозначении первого снега, является наименование по характерному для выпадения времени года – *ззимок*, *ззимье* в яросл., *ззімак* в полес. бел., *адзімак* в сев.-зап. бел., *ззимки*, *ззимок* в полес. укр. (кроме того, *призимок* в вост.-полес. укр.), *ззимок* в волын., *від(од)зимок* в бойк. и зак. говорах – или более короткому отрезку времени: *каляднік* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 194-195), *пилиповиць* в зак. (Могила: 59) говорах.

2.1.5.1. «Кратковременный снег»

Эта семантика на славянской языковой территории представлена только в каш. – *tvěra* и чеш. – *přehanka* говорах.

2.1.6. «Весенний снег»

В названиях весеннего снега может содержаться указание на время выпадения: *вешник* на Псковщине (Даль, 1: 187), *веснавік* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 85) и *Prillerschnee* (апрельский снег) (Mitzka: 1038) в нем. силез. говорах.

В бойк. говорах отмечено название весеннего снега по сопутствующему фенологическому явлению – *вербовиця* (Могила: 80), в каш. говорах на снег поздней весной переносится название песчаной, неурожайной местности – *věmnotki* (Sychta, 6: 74).

2.1.7. «Снег с дождём»

В славянских говорах для обозначения данного вида осадков используются лексемы оноματοпозитического характера: *шлякоть* в бр. и ю.-пск., *шлякіць* в полес. бел., *шлякоць* в вост. бел., *хлякоть* в вост.-полес. укр., *хляпаниця* в полес. укр., *хляпа* в волын., поднестр., *chlapa(nie)* в пол., *pluskotnica* в каш., *seplechta*, *chlast* в чеш., *хляпавица*, *шляпавица* в болг., *лапавица* в серб.-хорв. и макед., *lapavica* в словен. говорах.

Кроме того, название может отражать такие признаки данного природного явления, как его основную субстанцию – снег: *снежница* в ю.-пск., *снеговиця* в вост.-полес. укр., *сніговиця* в ср.- и зап.-полес. укр. и поднестр., *сніжиниці* в поднестр., гуц., посан., *сніжниця* в поднестр., бук., покут., *сніжняниця* в бойк., *сніжниця* в лемк. говорах; а также сырость, влажность: *мокруза* в ю.-пск., *мокрота* в полес. бел., *мокровиця* в вост.-полес. укр., *мокряниця* в ср.-полес. укр., *мокрець* в степ., *мокриця* в волын., *мокрятниця* в ср.-поднепр., *мокреж* в болг. говорах.

В качестве мотивационного признака может использоваться указание на «кислый» характер этого вида снега: *квась* в полес. укр., *kwaźba* в пол., *кишавиця* в болг. и макед., *kišica* в серб.-хорв. говорах.

Кроме того, отмечены случаи употребления в этом значении лексем, обозначающих плохую, ненастную погоду вообще: *паморга* в ср.-пск., *слота* в полес., сев.-зап. и вост. бел., *зала* в вост. бел., *зола* в ср.-полес. укр. и волын., *шарга* в поднестр., бойк., бук., гуц., *pluga* в каш.говорах, а также другие виды осадков: *облой* в ю.- и сев.-пск., *а(о)бліваха* и *ожеледь* в полес. укр., *облівень* в вост.-полес. укр., *окідзь* в полес. бел., *окіць* в сев.-зап. бел. - или разновидность ледового покрова на земле: *гололедица* в бр. *наледниця* в лад.-тихв., *поледица*, *поледняк* в болг. говорах.

В полес. бел. говорах снег с дождём получает наименование на основании сравнения с другой реалией – *меzza* (другое значение – «древесина сразу под корой») (Тур.Сл., 3: 72).

В нем. силез. говорах этот вид осадков может обозначаться по времени его проявления: *Prille* (Mitzka: 1038).

2.1.8. «Снегопад с ветром, метель»

Снегопад представляет собой одно из самых многочисленных по количеству наименований природных явлений. В качестве его семантической основы могут использоваться самые разные мотивационные признаки, в частности, тот или иной характер проявления метели с точки зрения говорящего. Это могут быть такие действия, как

- драть, продира́ть: *дѣра*, *дерунья*, *деруха* (ЯОС, 3: 61, 129, 131), *дранина* (ЯОС, 4: 18), *подеруз(х)а* (ЯОС, 8: 26) в яросл., *dřeni(ca)* (Kott: 18), *třenica* (Bartoš: 449) в мор. говорах;

- дуть: *дуйка* в яросл. (ЯОС, 4: 25), полес. бел. (Нар.лекс.Гомель.: 48), вост. бел. (Касьп.Виц.Сл.: 100), бойк. (Могила: 163); *дую* в вост. бел. (Касьп.Виц.Сл.: 101), *дуювица* в зак., лемк. (Могила: 163), *dujawica*, *dul* в мал.-пол., *zadmucha* в мал.-пол. и маз. (Кур. 1969: 91,92) говорах;

- веять, вить: *вея* в ср.-пск. (Карт. ПОС), полес. бел. (Тур.Сл., 1: 124), вост. бел. (Бяльк. Сл.Маг.: 108), *vijá* в каш., *веяник* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *вьялица* в ср.- и сев.-пск. (Карт. ПОС), *веялица* в миз., сев.-зап. и ю.-зап. болг., *виелица* повсеместно в болг., *виавица* в миз., руп., вост.-фрак., ю.-зап. болг., *виулица* в макед., *vejavica* в серб.-хорв. (Koseska: 12) говорах; *вьяга* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *вейка* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл. Гродз.: 84), *війка* в подол. (Могила: 75), *wiejka* в вел.-пол. и силез., *wiejatyka* в силез. (Кур. 1969: 89), *vijovka* в каш. (Sychta, 6: 147), *завея* повсеместно в бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 173), (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 189), (Тур.Сл., 2: 85), *завія* в ср.- и зап.-полес. укр. (Могила: 75), *zawieja* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 89), *zavejǎ* в каш., *zavej(e)* в чеш. (Осташ: 73), *ровія* в мор. (Bartoš: 322), *новитуха* в яросл. (ЯОС, 8: 16), *vivijanka* (Sychta, 6: 87) в каш. говорах; указание на процесс может сопровождаться указанием на субстанцию (снег): *снеговей* (Карт. СБГ), *снегавей* в сев.-зап. бел. (Сцяшк. Сл. Гродз.: 446), *сніговій* в вост. полес. укр., степ., ср.-поднепр., бойк. (Могила: 70), *сніговія* в поднестр., *сніговійниці* в бойк (Могила: 71) говорах;

- мести: *метель* во всех исследуемых русских, *мецель* в полес. бел. (Тур.Сл., 3: 79), *мяцель* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 110), *метіль* в полес. укр., ср.-поднепр., волын., бук., бойк., зак. (Могила: 66), *metel(e)* в мор. (Bartoš: 199), *метелюга* в яросл. (ЯОС, 6: 44), *метелюха* в вост.-полес. укр. (Могила: 67), *tesonka* (Sychta, 3: 163) в каш., *metějlice* в чеш. (Осташ: 91), *metelica* в слвц., *метелица* в болг. (Геров, 2: 61), *m`otav`ica* в каш. (Sychta, 3: 118) говорах и др.;

- *kuriti: *кура* в бр. (Карт. СБГ), *куря* в вост.-полес. укр., слоб. (Могила: 69), *курга* в яросл. (ЯОС, 5: 108), бр. (Карт. СБГ), пск. (Карт. ПОС), *курева* в яросл. (ЯОС, 5: 109), *куря(i)ва* в вост.- и ср.-полес. укр., слоб., волын., подол., гуц, бук., покут., поднестр., лемк. (Могила: 69), *куряви* в бойк. (Онишк. 1984, 1: 398), *kurjawa* в мал.-пол. (Кур. 1969: 90), *kuřava* в каш. (Sychta, 2: 307), мор. (Bartoš: 171), *kurřava* в слвц. (SSJ, 1: 795) и др.;

- *kutiti: *кутель(ба)*, *кутелица* (ЯОС, 5: 112), *закутиха* (ЯОС, 4: 78) в яросл., *кутиха* в ср.-пск. (Карт. ПОС) и лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах и др.

В севернорусских и лехитских говорах достаточно широко представлены производные от *viġ-: *завируха* в яросл. (ЯОС, 4: 59), ю.- и ср.-пск. (Карт. ПОС), *завіруха* повсеместно в бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 191), (Нос.: 162), *zav'arucha* в вост.-слав. говорах района Белостока (Atl. Biał.: 105), *заварюха* во всех полес. укр., *завіхура*, *завіхурница* в подол. (Могила: 66), *zawierucha* повсеместно в пол., *zawi(e)chura* в силез., зап. землях Польши и на пограничье мал.-пол. и укр. говоров (Кур. 1969: 88-89), *zav'erucha* в каш. (Sychta, 6: 193), *za(o)v'e(o)rucha* в слвц. говорах.

В ряде случаев вьюга получает наименование по крутящему, вертящему действию ветра: *круча* в полес. бел. (Тур.Сл., 2: 240), сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 535), зап.-полес. укр., волын., *кручава* в зап.-полес. укр. (Могила: 74) говорах, *круцелица* в полес. бел. (Тур.Сл., 2: 240), *крутуха* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 553) и вост. бел. (Касьп.Віц.Сл.: 167), *крутелица* в ср.-полес. укр., *крутавія* в волын., *крутавіна* в вост.- и зап.-полес. укр., *крутава* в зап.-полес. укр. и волын. (Могила: 73) и *krętawa* в маз. (Кур. 1969: 92), *кружіль* в зак. (Могила: 74); *вертелица* в ср.-полес. укр. (Могила: 74), *вѣртуна* в вост.-фрак., *вѣртушка* в ю.-зап. болг., *вѣртешка* в макед., *вѣртуница*, *вѣртунка* в различных болг. говорах.

Метель может быть представлена в народной метеорологической лексике как своеобразное «просыпание» или падение снега: *сипуга* в бр. (Карт. СБГ), *сипуга* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 429), *usëpniste* (Sychta, 6: 34), *sypanice* и *padanice* (PSJĀ, 4/1: 998) в чеш.говорах.

Некоторые способы семантической мотивации представлены только в отдельных языках: *забой*, *збитница* в полес. укр. (Могила: 79), *мочава* в болг. (Геров, 2: 84), *старун* в полес. бел. (Янк.: 239), *сиверг(к)а* в яросл. (ЯОС, 9: 30) говорах.

Среди славянских названий метели встречаются примеры опосредованной номинации. В таких случаях особенности проявления этого природного явления обозначаются посредством указания на особенности его эмоционального восприятия

говорящим: *суматоха* (ЯОС, 9: 86) в яросл., *кутерма* в яросл. и лад.-тихв. (ЯОС, 5: 112), (Карт. СРГК), *beda* (Sychta, 1: 104-105) и *ńevola* (Sychta, 4: 251) в каш. говорах.

В нем. силез. говорах это природное явление может обозначаться различным образом, в том числе при помощи особых лексем, например, *Buwelwetter* (Mitzka: 177), *Gekerbl* (Mitzka: 387), *Jawetter* (Mitzka: 593).

2.1.9. «Снег, поднимаемый с земли ветром, позёмка»

Среди славянских наименований этого природного явления преобладают лексемы, которые семантически мотивированы пространственным признаком, а именно - указанием на непосредственную близость к земле: *назём*, *назёмка* в яросл. (ЯОС, 6: 95), *подзёмница*, *подземелица*, *поземка* в бр. (Карт. СБГ), *поземок* в вост.- и ср.-полес. укр., степ., волин. (Могила: 77), *стелечка* в яросл. (ЯОС, 9: 72), *нізіўка* в ср.-полес. укр., степ., подол. (Могила: 77) говорах.

Снег, поднимаемый с земли ветром, может характеризоваться в наименовании его «ползушим» способом проявления: *наползунья* в яросл. (ЯОС, 6: 107), *поползунья*, *поползуха*, *поползучка*, *поползушка* в бр. (Карт. СБГ), *пыпаўзуха* в вост. бел. (Бяльк.Сл. Маг.: 371) говорах.

Иногда позёмка получает то же наименование, что и метель: *замет(ь)* в бр. (Карт. СБГ), *заметіль* и *заметелица* в ср.-полес. укр., *заметеля* в бук. и поднестр. (Могила: 67), *курява* в ср.-полес. укр. (Могила: 69), *завірюха* в ср.-полес. укр. (Могила: 66) говорах.

В нем. силез. говорах в этом значении используются особые лексемы *Schneediemen*, *Schneegewebel* (Mitzka: 1230).

2.2. «Снежный покров»

Способы семантической мотивации этого явления природы могут быть различны: с точки зрения говорящих, снежный покров обозначается как нечто упавшее – *upad'* в чеш. говорах (PSJČ, 6: 534); это может быть что-то целое, нетронутое – *цаліна* в вост. бел. говорах; проявляющееся в определённый момент времени зимой – *zapustě* в каш. говорах (Sychta, 6: 185). В н.-луж. говорах для обозначения снежного покрова используется лексема со значением «покрывало» - *pokšydlo* (Muka, 2: 115).

2.2.1. «Сугроб»

Разновидностью снежного покрова является большое количество наметённого на поверхности земли снега, сугроб. Данное природное явление обладает на славянской языковой территории различными по мотивирующему образу наименованиями. В частности, это производные от глагола *vějati, представляющие сугроб как нечто навешное: *заувея* (ЯОС, 4: 109), *сувой* (ЯОС, 9: 83) в яросл.; *сувей* в сев.-зап. бел. (Сл. П.-Зах.Бел., 5: 8), *навеша* в вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 273); *zawieja* повсеместно в пол. и *iwiewu* в сев.-зап. районах маз. говоров (Кур.1969: 94); *навеш* в родоп. и вост.-фрак., *навешце* в сев.-зап. болг., *навешца* и *навешци* в родоп., *навеш* в миз., вост.-фрак. и родоп. (Koseska: 52), *превешце* в сев.-зап. болг. (Koseska: 57) говорах.

Сугроб в славянских говорах может быть обозначен как нечто наметённое: *омёт* (ЯОС, 7: 44) и *сумёт* (ЯОС, 9: 86) в яросл, во всех пск. (Карт. ПОС), *намецъ* в полес. бел. (Тур.Сл., 3: 142), *namiotu* в мал.-пол., *smiot* в каш. (Кур. 1969: 94), *zamiet* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 230), *замёты* в вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 178), *zamiéc* повсеместно в пол., *zamiécia* в мал.-пол., *zamięta* в силез., *zamiety* в маз., мал.-пол. говорах и зап. землях Польши (Кур. 1969: 94); *mietły* в н.-луж (Schuster-Śewc, 12: 928) говорах.

Названия толщи снега могут мотивироваться и результатом таких действий, как падение или заваливание: *западъ* в ср.-полес. укр., волын., поднестр., гуц., бук., покут., зак., *опадъ* в гуц., *завала* в бук. говорах (Могила: 59).

В названиях сугробов можно выделить ещё несколько мотивационных признаков в зависимости от типа действия природных сил, положенного в основу наименования: сугроб как нечто «набитое» или «насыпанное»: *naboje* в мал.-пол., *wyboje* в маз. (Кур. 1969: 95), *naspy*, *zasep* в мал.-пол., *zaspisko* в маз., *zas(y)py* повсеместно в пол., *wuspy* на пограничье Малой Польши, Мазовше и Ленчицкого края, *wusury* в зап. землях Польши (Кур. 1969: 93).

Единичные проявления мотивационных признаков отмечены в мал.-пол. говорах – *zakору* (Кур. 1969: 94), а также на Украине – *уброд* (от глагола *бродити*) в вост.-полес., ср.-поднепр. и степ. говорах (Могила: 59).

Лексема *сугроб* зафиксирована в бр. (Карт. СБГ), ю.-пск. (Карт. ПОС), вост. бел. (Сл. П.-Зах.Бел., 5: 10) и, вероятно, в контаминационной форме *сугорб* в яросл. (ЯОС, 9: 83) говорах.

Из названий, мотивированных величиной как основой образа указанного природного явления, следует отметить лексемы *тоўшча* в ср.-поднепр., степ., волын., подол. (Могила: 59) и *gromady* в маз. (Кур. 1969: 99) говорах.

Такое значение, как «большое количество наметённого снега, сугроб» может быть представлено в славянской метеорологической лексике посредством скрытого сравнения с другой реалией, обладающей сходным внешним видом: *kozyрёк* («свешивающаяся часть сугроба»), *косуца* («длинный и узкий сугроб») (ЯОС, 5: 75), *улысы* (ЯОС, 9: 13) в яросл., *гребень* в ю.-пск. (Карт. ПОС), *пирог* в сев.-пск. (Карт. СРГК), *kopieluchy* в вост.-слав. говорах района Белостока (Atl.Biał.: 105), *mogity* в говорах переселенцев из Малой Польши на западные земли (Кур. 1969: 94), *курган* в ср.-полес. укр. (Могила: 59) и сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 580), *кора* в вост. слав. говорах района Белостока (Atl.Biał.: 105), *kurhany* на крайнем северо-востоке Польши и в западных её землях (Кур. 1969: 94), *колода* в бук. (Могила: 59), *burty* в маз. говорах и зап. землях Польши (Кур. 1969: 95), *валёк* в ю.-пск. (Карт. ПОС), *wały* в некоторых пол. (Кур. 1969: 95), *валяци* в вост.-фрак. (Koseska: 38) говорах.

В нем. силез. говорах манифестируется с помощью особой лексемы большое количество снега, который трудно преодолеть – *Schneegebichte* (Mitzka: 1230).

2.2.2. «Плотный, слежавшийся снег»

Лексика славянских говоров отражает различие плотного, слежавшегося снега и ещё не тронутой снежной поверхности. Плотный, слежавшийся снег предстаёт как нечто «осевшее» – *осадка* в сев.-пск. (Карт. ПОС), «сбитое» – *набой* в полес. бел. (Тур.Сл., 3: 109) говорах. В украинской лексикографии отмечено такое наименование этой разновидности снега, как *натопень* (Гринч., 2: 527). На жёсткость слежавшегося снега указывают лексемы *дерун* в бр. (Карт. СБГ), *різак* в ср.- и зап.-полес. укр. (Могила: 144), *želazník* в каш. (Sychta, 6: 288) говорах. В русско-западнославянском ареале в качестве мотивирующего признака используется сходство наста со льдом (очевидно, по жёсткости): *ледник* в бр. (Карт. СБГ), *леденец*, *ледяник* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *lodowa*, *lodowaczna* в пол., *zledowatelec* в чеш. говорах. В болг. говорах названия наста могут отражать предполагаемую причину его образования, а именно то, что это замёрзший снег – *за(по)мръзляк*. В полес. бел. говорах в указанном значении используется лексема *цалік* (Янк.: 398). В обозначениях наста могут присутствовать и скрытые сравнения, например, с корой: *кора* в яросл. (ЯОС, 5: 63), ср.-полес. укр., волын., *шкоруна* в ср.-полес. укр. (Могила: 112), *скаруба*, *скоруна* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 441),

skorupa повсеместно в пол., *szkorupa* в вел.-пол., левобережных маз., силез. (Кур. 1969: 101) говорах.

В нем. говорах Силезии слежавшийся снег может обозначаться как «крестьянский» - *Burschnie* (Mitzka: 172), *Parschnee* (Mitzka: 969).

2.2.3. «Нетронутый, рыхлый снег»

Нетронутый, рыхлый снег может обозначаться за счёт указания на его «целостность»: *celec*, *celina*, *celizna* в мор. говорах (Bartoš: 35); *целец* в миз., балк., руп., сев.-зап. болг. говорах, *цалец* в ю.-зап. болг., *цшец* в балк., *цялец* в балк. и сев.-зап. болг. говорах (Архив СУ); *цижелац* в серб.-хорв. говорах (Кар.: 811).

Нетронутая снежная поверхность может быть названа как ровная: *равнец* в балк. болг. говорах (Koseska: 58).

2.2.4. «Иней, изморозь»

Значительную часть славянской метеорологической лексики составляют обозначения инея, изморози как разновидности снежного покрова. Это явление природы может быть представлено лексемами, производными от *kydati: *окидь* в яросл. (Карт. ЯОС), вост.- и ср.-полес. укр., волын., бойк., зак., *кидия* в бук. (Могила: 62) говорах; в значении «иней на деревьях» - *okišć* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 108), *okyd'* в чеш. говорах.

В ю.- и ср.-пск. говорах в значении «изморозь» отмечена лексема с другим корнем - *облой* (Карт. ПОС). В.И. Даль связывает её с глаголом *обливать* (Даль; 2, с.596). Тот же корень представлен в вост. бел. говорах – *аблой* «изморозь» (Касьп.Виц.Сл.: 4).

В своём названии данное природное явление может указывать на одну из причин появления – мороз: *заморозь* в яросл. (ЯОС, 4: 87), *изморозь* в бр. (Карт. СЫ'), *мороз* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *морозы* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *наморозь* в полес. бел., *намаразь* в вост. бел., *за(по)морозь*, *морозец* в ср.-поднепр., *наморозь* в волын. и покут., *приморозь* в бук., *морозок* в лемк., *zamróz* в пол., *psimroz* в н.-луж., *namrąza* в слвц.говорах; иногда может подчёркиваться иная составляющая инея – *росики* в ср.-поднепр. и *роса* в болг. говорах.

Связь с другими, смежными метеорологическими явлениями содержится в лексемах *дажджавіца* в вост.бел и *посніжок* в подол. говорах.

Достаточно распространёнными оказываются наименования инея по цвету: *белый* (субст.) в ю.-пск., *белун* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *siwizna* в пол., *sivk* в каш. говорах.

В украинско-лехитском ареале иней представлен как некий дед, старичок: *did* в зап.-полес. укр. и *sěvi starušk* в каш. говорах.

Изморозь может обозначаться в славянских говорах и по особенностям внешнего вида – *голки, колючки* в покут. говорах (Могила: 106).

Это явление может быть связано в своём обозначении с определённой стороной света и характерными для неё метеорологическими особенностями: *сіверка* в полес. бел. (Янк.: 324) и *сјеверина* в серб.-хорв. (Кар.: 683) говорах.

Из лексем с единичным мотивационным признаком следует отметить ю.-пск. *утренник* (Карт. ПОС) и серб.-хорв. *prvina* (Skok, 1: 727).

В нем. силез. говорах обозначения инея, изморози обладают также самыми различными видами семантической мотивации: это может быть нечто «навешенное» – *Anhang* (Mitzka: 39) (аналогично: *навесь* в яросл., *navісь* в полес. бел., *навись* в полес. укр. говорах). Иней представлен в немецкой народной метеорологии так же, как и в славянской, как «серый» – *Graureif* (Mitzka: 449), как ледяные иголки – *Eisnadeln*, как «мучная роса» – *Mihltau*, как морозный туман – *Frostnabel*, как утреннее явление – *Morgenreif*, а, кроме того, как «цветение» снега – *Schneebliet* (Mitzka: 948).

2.2.5. «Снег с водой»

В славянских говорах тающий, превращающийся в воду снег получает название обычно по одной из составляющих: *волога* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *снежница* в бр. (Карт. СБГ), *снеговіца* в полес.бел., *снежајница* в макед. говорах.

На процесс или на время таяния указывают наименования *талик* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *растарона, ратароница* в сев.-зап. бел. говорах.

В нем. франк. говорах данная семантика представлена лексемами оноματοпозэтического характера : *Gsabb* (Maas: 116), *Gschlapp(e)(ri)*, *Matsch* (Berthold: 80,138), а также лексемой *Suppt* (суп) (Berthold: 228).

2.2.6. «Таяние снега»

Среди лексем, связанных по значению со снежным покровом, в славянских говорах отмечено немало наименований исчезновения, таяния снега. Такие лексемы могут указывать непосредственно на таяние или «ослабление» (смягчение) снега: *ростопель* в бр. (Карт. СБГ), *tajaње* в н.-луж. (Muka, 2: 728), *odmäk* в словц. (SSJ, 2: 492) говорах.

Названия тающего снега могут быть мотивированы, кроме того, временем года: *отзимок, отзимки* на Украине (Могила: 57), образующейся субстанцией – *волога* в сев.-пск. говорах (ПОС, 4: 115).

В некоторых лексемах названия исчезающего снега связываются с процессом таяния более опосредованно: *осадка* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *нажор* в сев.-зап. бел. (Сцяшк. Сл.Гродз.: 275) говорах.

Эта семантика представлена также в нем. силез. говорах: *Monne* (Mitzka: 892), *Schneefresse* (букв.: пожирание снега) (Mitzka: 1230).

2.3.1. «Падать (о снеге в безветренную погоду)»

Количество глаголов, использующихся в славянских и немецких диалектах для обозначения природных явлений, неодинаково. В говорах немецкого языка они используются чаще (в составе безлично-предикативных сочетаний). Для обозначения процесса снегопада в нем. силез. говорах отмечены, в частности, наименования *drecken* (Mitzka: 208), *flammeln* и *grimpeln* (с доп. семой «слабо») (Mitzka: 315,454). Во франк. говорах используются обозначения *rosaja* (Steinmetz-Hoffmann: 130), *saja* (Berthold: 189), *schneing* (Steinmetz-Hoffmann: 151).

Для славянских говоров более характерно использование двучленных предикативных единиц, в состав которых входит глагол, например: *лепить* в яросл. (Карт. ЯОС), *бр.* (Карт. СБГ), ю.- и ср.-пск. (Карт. ПОС), а также *лететь* в сев.-пск. (Карт. ПОС), лад.-тихв. (Карт. СРГК), *ляцець* в сев.-зап. бел., *lecieć* в некоторых пол. говорах. Самостоятельное употребление глаголов, то есть использование их в безлично-предикативных конструкциях отмечается относительно редко, в частности, это глаголы *снежыць* в сев.-зап.бел., *snégowaś se* в н.-луж., *kidnot' se* в чеш. говорах.

2.3.1.1. «Падать крупными хлопьями (о снеге)»

В славянских говорах эта семантика реализуется, главным образом, в совосочетаниях, однако отмечены и некоторые самостоятельные лексемы, например, глагол *шупляваць* в сев.-зап. бел. говорах, который употребляется наряду с оборотом *валіць як з шуфляк* и является, возможно, результатом его компрессии (сама именная лексема, как предполагается, восходит к нем. *Schaufel* «лопата»).

В нем. силез. говорах в данном значении используются лексемы *buweln* (Mitzka: 177), *pulvern* (Mitzka: 1045).

2.3.1.2. «Падать (о мелком снеге)»

На славянской языковой территории, как было отмечено выше, подобные лексемы относительно редки. В составе двучленных конструкций используются такие глаголы, как *брызгать* в бр. (Карт. СБГ), *порошить* в бр. (Карт. СБГ), сев.-пск. (Карт. ПОС), полес. укр. и ср.-поднепр., *proszu* в пол. говорах. В безличных конструкциях используется ограниченное количество глаголов, например, *dëmic sq* в каш. говорах.

В нем. силез. говорах в этом значении зафиксирована лексема *grieseln* (Mitzka: 453).

2.3.1.3. «Выпадать (о граде)»

Эта семантема не представлена на лексемном уровне в славянских говорах. В нем. силез. говорах в этом значении употребляется довольно большое количество безличных глаголов: *graupeln, gritzeln, hagen, hugeln, schlossen, graupe(l)n, hogern, kragen, preigeln, prasseln* (Mitzka: 449), которые можно отнести к *verba meteorologica*. Во франк. говорах отмечены глаголы *finkeln, graupeln, sauen* (Wört.Ufr: 197), *kiesln* (Maas: 136), в говорах южной Баварии - *steinern* (Werdenfelser Alt.Bair.: 61).

2.3.2. «Таять (о снеге)»

В славянской диалектной лексике эта семантема может быть представлена как «смягчение» снега при помощи глаголов *miknqc* в каш. (Sychta, 3: 167), *mëknuś* в н.-луж. (Мука, 1: 878), *спустить* в яросл. (ЯОС, 9: 67) и *spuštati sa* в словц. говорах.

В нем. силез. говорах для передачи этого значения употребляется в безличной конструкции глагол *pranschen* (*s`proanscht*) (Mitzka: 1035).

2.3.3. «Не выпадать (о снеге зимой)»

В нем. говорах Силезии в этом значении используется глагол *festhängen* (*der Schnee hängt fest*) (Mitzka: 794), а также лексема *mahlteuer* (Mitzka: 835).

3. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЛЁД, ЛЕДОВЫЙ ПОКРОВ»

3.1.1. «Тонкий, непрочный лёд»

Заметное место в обозначениях ледового покрова водоёмов занимают в диалектной лексике наименования тонкого льда в противоположность прочному льду. Первый лёд может получать название за счёт указания на следующие его особенности: время образования по отношению к более твёрдому покрову – *перволёдок* в яросл. (ЯОС, 7: 90), *перволедье* в ср.-пск. (Карт. ПОС); непрочность, гибкость – *гнетушка* в полес. бел. (Тур.Сл., 1: 206), *ważawka* в н.-луж. (Мука, 2: 846); характерный звук, возникающий при давлении на такой лёд – *траскун* в полес. бел. (Янк.: 360).

В нем. силез. говорах отмечена семантема «прогибающийся лёд», представленная лексемой *Bugeis* (букв.: гибкий лёд) (Mitzka: 168).

3.1.2. «Прочный лёд»

Значение «прочный лёд» передаётся в ср.- и сев.-пск. говорах при помощи лексемы *ледостав* (здесь антонимами являются лексемы *ледокол* и *ледолом* со значением «лёд во время вскрытия реки») (Карт. ПОС). Признаком и тонкого, и прочного льда может служить его прозрачность: *яснец* «тонкий лёд» в яросл. (ЯОС, 10: 94) и «первый прочный лёд» в бр. (Карт. СБГ) говорах.

3.2.1. «Прозрачный, не покрытый снегом лёд»

Указание на прозрачность льда может являться в славянских говорах самостоятельной семантемой. В названиях чистого льда преобладают лексемы, подчёркивающие его «голоту» или прозрачность: *голощёк* в бр. (СБГ, 1: 36), *голёд* (очевидно, из «голый лёд») в ю.-пск. (ПОС, 7: 47), *голец* в полес. бел. (Тур.Сл., 1: 211), *яснец* в ср.-пск. (Карт. ПОС) и лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах.

3.2.2. «Покрытый снегом лёд»

Это значение реализуется в славянских говорах обычно за счёт указания на характерный цвет: *белина*, *белинка* в сев.-пск. (ПОС, 1: 16), *бельняк* в ср.-пск. (ПОС, 1: 170) говорах.

3.3. «Мелкий весенний лёд»

Данная разновидность льда может быть мотивирована в названии временем года – *весник* (ПОС, 3: 115) в ср.-пск. или характерным звуком – *звенец* (Карт. СРГК) в лад.-тихв. говорах (звуковая мотивация в наименованиях разновидностей льда отмечена и в н.-луж. говорах – *šćinkotka* (от глагола со значением «звенеть») «лед, под который сбежала вода» (Мука, 2: 390). В яросл. говорах мелкий лед весной называется *наплес* (ЯОС, 6: 107).

В сев.-пск. говорах на лексемном уровне представлена семантема «льдина, тающая на глазах» – *свечка* (Карт. СРГК).

3.4. «Лед, образующийся у берегов»

Чаще всего названия льда у берега отражают место его образования: *отбережні, отбережнік* в полес.бел. (Тур.Сл., 3: 274), *акрайніца* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 73), *пасынок* («льдина, оставшаяся у берега») в сев.пск (Карт. СРГК) говорах.

3.5.1. «Часть водоема, свободная ото льда»

Лексемы с данным значением раскрывают в славянских говорах это явление природы, во-первых, как место с быстрым течением: *точа, чэч, чэчка* в полес.бел. (Тур.Сл., 5: 149, 317), *сцякун* (Сл.П.-Зах.Бел., 5: 47), *цякун* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 542) в сев.-зап.бел., *сера* (букв.: течение) в н.-луж. (Мука, 1: 120) говорах; во-вторых, как место незамерзающей части водоема по отношению к берегу: *забережина* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *закрайніца* («полоса воды между берегом и льдом») в яросл. (ЯОС, 4: 76) говорах; в-третьих, как место с более высокой температурой: *теплина* в яросл. (Карт. ЯОС), *опар* в полес.бел. (Тур.Сл., 3: 258) и сев.-зап.бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 304), *патпар* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 446) и *прэліна* (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 175) в сев.-зап.бел. говорах; в-четвертых, как своеобразное воздушное окно: *продух* в яросл. (Карт. ЯОС), *дух* в полес.бел. (Тур.Сл., 2: 47), *уздуха* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 5: 189) и *продуховина* (Нос.: 522), *прыдуха* (Бяльк.Сл.Маг.: 350) в вост.бел. говорах.

3.5.2. «Воздушный пузырь подо льдом»

Эта семантема представлена из исследуемых только в нем. силез. говорах – *Ochsenaug* (букв.: глаз быка) (Mitzka: 944).

3.6. «Сосульки»

Среди славянских названий сосулек встречается большое количество случаев метафорического переноса. Наиболее часто используемые при этом образы – свечка и стрелка: *świece*, *świeczka* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 98), *svéca* в каш. (Sychta, 5: 98), *свещ* в болг., кроме сев.-зап. (Koseska: 59), *стрэлка* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 463), *strieuca* в слвц. говорах.

Кроме названных лексем, следует отметить повсеместно распространённую в пол. говорах лексему *cygary* (Кур. 1969: 98), а также зафиксированные на границе маз. и вел.-пол. говоров *igly* и *cukierki* (последняя лексема известна и мал.-пол. говорам) (Кур. 1969: 98). В слвц. говорах в значении «сосулька» употребляется лексема *šklenica* (от существительного со значением «стекло») (Ripka 1980: 46), в сев.-зап. бел. говорах – *сікяры* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 431), в сев.-зап. болг. – *пищове* (пистолеты) (Koseska: 55); в болгарской лексикографии в указанном значении зафиксирована также лексема *суджук* (разновидность колбасы) (Геров, 5: 284).

3.7. «Гололедица, гладкая корка не покрытого снегом льда на земле»

Среди обозначаемых в диалектной метеолексике разновидностей ледового покрова данная обладает наибольшим количеством наименований с самыми разными способами семантической мотивации. Одним из них является представление этого природного явления как «голового» льда (следует отметить, что наименования данного типа очень часто обозначают и саму тонкую корку льда, и время, когда она образуется): *гололедица* в яросл. (ЯОС, 3: 91), бр. (СБГ, 4: 35), сев.-пск. (ПОС, 7: 65), лад.-тихв. (Карт. СРГК), *галаледзіца* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 408), *гололе(во)диця* в ср.- и зап.-полес. укр., волын., подол., поднестр., гуц, бойк., посан., зак. (Могила: 116) говорах, *gololedzica* в сев.-вост. части маз., *gololod* в силез., мал.-пол., маз., каш. (Кур. 1969: 100), *hololed'* в чеш., *holeledica*, *gololed* в словен. (Plet, 1: 229) и др.

Вместо второй части сложного существительного, включающей корень - лед -, может использоваться другая: *голомуть* в ср.-пск., *голометь* в сев.-пск. (ПОС, 7: 65), *голомёт* в лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах. Кроме того, здесь следует отметить такие наименования, как *галашчок* в полес.бел. (Янк.: 180), *галашчока* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 409-410), *голодошук* в ср.-полес.укр., *голошча(у, и)к* во всех полес.укр., *голощик* в слоб. (Могила: 110) говорах. Основа с корнем - гол - может быть представлена и по-другому в славянской метеолексике: *голец*, *голечье* в бр. (СБГ, 4: 32),

галец в полес.бел. (Янк.: 80), *голоть, голотеча* в слоб. (Могила: 110), *gololizna* в силез. (Кур. 1969: 100), *hole(o)g'* в мор. и чеш. (Kott: 454), (Jungmann, 1: 719) говорах.

Указание на лед содержится и в иных наименованиях этого природного явления: *ледоколица* в яросл. (ЯОС, 5: 124), *верхолёд(зіца)* в полес.бел. (Тур.Сл., 1: 114-115), *верхольод* в волын., *верхольодниця* в ср.- и зап.-полес.укр. (Могила: 109), *по(д)ледено* в миз. (Koseska: 55) говорах.

Другая значительная часть лексем, обозначающих гололедицу, мотивирована таким свойством этого природного явления, как скользкость. К ним относятся *скользь* в яросл. (ЯОС, 9: 38), *скользота* в бр. (Карт. СБГ), *слизота* повсеместно в бел. (Тур.Сл., 5: 56), (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 483), (Бяльк.Сл.Маг.: 411), *слизота* во всех полес.укр., *слизень* в ср.-полес.укр., *слискавиця* в поднестр., *злизанка* в гуц. и зак. (Могила: 111-112) говорах; *ślizava* в каш. (Sychta, 5: 76), *ślizgawica* (Кур. 1969: 99) повсеместно в пол. говорах, кроме силез. и помор.; *слизга* в руп. говорах Болгарии (Koseska: 60).

На скользкость указывают и такие названия, как *катко* в яросл. (ЯОС, 5: 24), *коўзалка, коўзелиця* в полес. укр., *сковзелиця* в подол., *kouzanika* в вост.-слав. говорах района Белостока (Atl.Biał.: 105), *ślizko* повсеместно в пол., *gladko* в вел.-пол. и силез. (Кур. 1969: 99,101), *smyklina* в н.-луж. (букв.: скользко) (Мука, 2: 472), *šmiklavica* в слвц., *тързалка* повсеместно в болг., *пльзганица* в ю.-зап. болг., *пазганица* в макед. (Koseska: 55,58) говорах. Косвенно о скользкости, точнее о необходимости передвигаться ползком, говорят родоп. наименования гололедицы – *ползаница* и *пльзунка* (Koseska: 55,58). В шутовой форме на последствия гололедицы, на опасность подскользнуться указывают лексемы *stluczzydupa* в мал.- и вел.-пол., *zabidupa* в зап. землях Польши (Кур. 1969: 100).

В лехитских говорах как основной признак гололедицы может выделяться ее «гладкость»: *gladzidlo, gladzizna* в силез.(Кур. 1969: 100), *gladzężna* в каш. (Sychta, 1: 332) говорах.

Свет, блеск гладкого льда мотивирует такие её наименования, как *світлиця* в гуц., *šklovizna* в каш. (Sychta, 5: 56) говорах.

В вост.-слав. говорах отмечены лексемы, образованные от глагола со значением «лить»: *(в)облив(ень)* бр. (Карт. СБГ), *облива, обливень* во всех полес.укр.(Могила: 111), *воблиў* в вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 110), *вылівак* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 357) говорах.

Единичные номинационные типы в названиях гололедицы представлены в яросл. *бой* (ЯОС, 2: 9) и каш. *o(b)mětka, obmėkovka* (здесь значение «гололедица» соотносится с представлением об оттепели) (Sychta, 3: 319-320).

В нем. франк. говорах обозначение гололедицы может быть связано с указанием на «гладкость», «скользкость»: *glattig*, кроме того, в этом значении отмечена лексема *rutscherig* (Wört.Ufr: 197).

4. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОБЛАКА»

В состав этого семантического поля входят две группы лексем. Одна из них связана по значению с различными видами облаков, другая – отражает наличие или отсутствие облаков на небе, а также процесс их появления или исчезновения.

4.1. «Туча, облако»

Эта семантема представлена на славянской языковой территории обычно одним из рефлексов **obvolk-* или **xmar-/xmuḡ-*. Однако тип семантической мотивации в обозначениях данного природного явления может отражать и определенный, более непосредственный взгляд на его характерные особенности с точки зрения носителей диалекта. В частности, тучи могут быть представлены как что-то собирающееся на небе: *наволочь* в яросл., *навараць* в сев.-зап.бел. говорах. В каш. говорах туча может получать наименование по ее положению относительно неба - *podńebe* (Sychta, 4: 103).

Иногда название тучи образовано от одной из корневых морфем, имеющих «метеорологическое» значение и широко используемых для обозначения других природных явлений: *teścza* в каш., *паморок* в лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах.

Часто тучи, облака получают наименования на основе сравнения с другой реалией, обладающей характерным внешним видом или иным, ярко представленным признаком: *бархаточка* в яросл. (ЯОС, 1: 38), *клучи, клочок* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *пузыр* в вост.бел., *вал* в гуц., *škala* (скала) (Осташ: 24) в чеш., *stuga* (полоса) в ю. районах мал.-пол., зап. районах вел.-пол. и на Червонной Руси (Mał.Atl., 11: 519), *plam(n)ety* (пятна) в некоторых пол., *hrat* (замок) в мор. (Malina: 34) говорах.

Могут использоваться и цветовые характеристики: *черняшка* в яросл., *бурешка* в ср.-пск. говорах; тучи, облака зачастую выступают в качестве своеобразных небесных

животных и птиц: *барани* в зап.-полес. укр., бук., бойк. (здесь еще *боўкун* из молд. *боў* - «вол»), *beránky* в чеш., *baránky* в словц. говорах - или связываются с иными персонажами народной мифологии: *dziady* в пол., *baby* в чеш. говорах.

4.1.1.1. «Большая туча»

Данное значение передается в славянских говорах, как правило, с помощью словосочетаний. Нами зафиксирована следующая лексема с этим значением, содержащая внутреннее сравнение: в мор. говорах большая туча может сравниваться в наименовании с постройкой - *bouda* (дощатый домик) (Hruška: 14).

4.1.1.2. «Маленькое облако»

Значительную часть лексем, выражающих данное значение в славянских говорах составляют деминутивы от существительных с корнем *obvolk- или *хмаг-/хтиг-. Однако в названиях небольших облаков, кроме того, отмечено, как и среди наименований других их разновидностей большое количество лексем, содержащих внутреннее сравнение: *клочок* (ЯОС, 5: 37) *корзиночки* (ЯОС, 5: 66), *струйка* (ЯОС, 9: 80), *шелкунчики* (ЯОС, 10: 84) в яросл., *валышок* в сев.-пск. (ПОС, 3: 19), *бугарок* в полес.бел. (Янк.: 58), *воўдыр* (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 330), *зарубачка* (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 330), *круганчык* (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 330) в сев.-зап.бел., *вал*, *коминці* (трубы) в гуц. (Могила: 89), *луна*, *лунок* в сев.-зап.бел., *пом'яг* в ср.- и зап.-полес.укр.

Отмечены в данном значении наименования, относящиеся к «животной» тематике: *быки*, *быцко*, *бычок*, *волчок* *коровушка* в яросл., *поўх* (крот) в зап.-полес.укр., *baran(k)u*, *baraneczki*, *jarzqbki*, *jesiotr* в пол., *barance* в словц. говорах.

В нем. говорах Силезии в данном значении зафиксированы лексемы *Lämmelwolken* (Mitzka: 786), *Scharwolken* (Mitzka: 1179) (в указанных говорах сущ. *Schar* является синонимом сущ. *Pflugschar*, обозначающего поворот плуга) и *Schäflein* (овечка) (Mitzka: 1171).

4.1.2.1. «Кучевые облака»

Кучевые облака могут иметь следующие обозначения в славянских говорах: *валы*, *валья* «гряда кучевых облаков» в сев.-пск. (ПОС, 3: 119), *булава* в полес.бел. (Тур.Сл., 1: 91-92), *кучер'аўки* в зак. (Могила: 90), *гузирки* в ср.-полес.укр. (Могила: 95), *koscolě* (костелы) (Syhta, 2: 213) в каш., *kopa* (стог) (Bartoš: 497), *bal'van* (ком, глыба) (Bartoš: 11) в мор.говорах, *барашки* в ю.-пск. (доп. сема «небольшие») говорах.

По характерному цвету кучевые облака могут быть названы *белинки* в ср.-пск. говорах (Карт. ПОС).

В нем. силез. говорах данная семантика представлена лексемами *Kippel*, обозначающей также холмы (Mitzka: 653), и *Päppel*, служащей, кроме того, презрительным обозначением для головы (Mitzka: 966).

4.1.2.2. «Тонкие вытянутые облака»

Данная разновидность облаков обозначается в славянских говорах как *коска, косицы, косичка* в яросл. (ЯОС, 5: 75), *choboty* (вытянутые полосы земли, леса, выступ горы) «облака вертикального развития во время смерча» в чеш. (PSJČ, 2: 1057) говорах.

В нем. говорах Силезии в указанном значении используются лексемы *Hechtwolken* (*Hecht* – «длинный, худой человек») (Mitzka: 500) и *Flämmleinwolken* (Mitzka: 315) (сущ. *Flämmlein* обладает также значением «тонко нарезанный хлеб»).

4.1.3.1. «Туча, предвещающая дождь»

Подобные тучи в славянских говорах могут быть представлены как заволакивающие, затемняющие небо: *наволочь* в яросл. (ЯОС, 4: 87), *наволок* в бр. (Карт. СБГ), *zachmurzenie* в маз., *ста* в мал.-пол. (Кур. 1969: 18,21), *xmurëca* (Sychta, 2: 42), *otročnica* (Sychta, 3: 320) в каш. – или непосредственно указывающие на другое метеорологическое явление - *deszczówki* на пограничье вел.-пол. и маз. говоров, а также *fala, tęcza* в различных пол. (Кур. 1969: 21) говорах.

Маленькое дождевое облако может обозначаться как *памолодь* в ср.-полес. укр., *помолодок* в зак. (Могила: 91) говорах.

Многие наименования дождевой тучи основаны на сравнении с другой реалией: *струйка* в яросл. (с доп. семой «небольшое») (ЯОС; 9: 80), *колода* в гуц. и бук. (Могила: 89), *стоўбури* в гуц. (Могила: 94) говорах, *паметя* (пятно) в зап.-полес. укр., волын. (с доп. семой – «с разрывом»), *комини* в гуц., *kaldun(ek), klęby, szpiegi* в пол., *m'asta* (селения) в каш. (Sychta, 3: 151), *hrad* (город) (Svěrak 1966: 115), *podvala* (подкладка из бревен под домом) (Malina: 87), *lata* (доска) (Осташ: 24) в мор., *zámky* (Slov. ľud. prisl.: 74) в словц. говорах.

В нем. говорах Силезии тёмные облака, предвещающие дождь, обозначаются как *Geräpel* (Mitzka: 399), *Kippel* (Mitzka: 653), *Päppel* (Mitzka: 966); две последние лексемы обладают, кроме того, значением «кучевые облака».

4.1.3.2. «Светлые, недождевые облака»

Это значение передается в славянских говорах при помощи лексем *kozyрек* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *пузырки* в сев.-зап.бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 389), *помолодок* в лемк. (Могила: 91) и *potłodzina* (Кур. 1969: 19) в силез. говорах, *kaldunek* (живот), *pacześnina* (очесы льна), *grzyb, karmany* в маз., *kominki, kominy* (трубы), *dymki, mietły* в мал.-пол., *klęby* в мал.-пол. и маз. (Кур. 1969: 18), *wataha* в зап. землях Польши (Кур. 1969: 10).

4.1.3.3. «Туча, предвещающая грозу»

На славянской языковой территории названия этой разновидности туч, как правило, непосредственно указывают на ее последствия: *гроза* в яросл., *грозобой* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *штурма* в зап.-полес. укр., волын., *гърмонос* («облако, предвещающее бурю») в некоторых болг. (Koseska: 41), *grzmotówki* на пограничье вел.-пол. и маз. говоров (Кур. 1969: 18).

В нем. говорах Силезии это значение может выражаться с помощью лексемы *Päppel* (Mitzka: 966). В говорах Франконии данная разновидность туч обозначается также за счёт «цветовой» мотивации: *Schwerzn* (Maas: 181), *Schwärzn* (Berthold: 210); зафиксирована также лексема *Gewidderbuuzn* (*Buuzn* – толстый, круглый предмет) (Maas: 120).

4.1.3.4. «Туча, приносящая град»

Эта разновидность туч обычно получает наименование по предвещаемому природному явлению: *градовица* в яросл. (ЯОС, 3: 104), *градобит, градовиця* в ю.-зап.укр. (Желех., 1: 157). Однако отмечены лексемы и с другой внутренней формой: *пом'яг* в ср.-полес., *дiди* в степ. говорах Украины.

4.1.3.5. «Туча, предвещающая снег»

В славянских говорах отмечены особые лексемы в данном значении: *платета* (пятно) (с доп. семой – «с разрывом») в волын., *син'ава* в бук. и гуц. (Могила: 94) говорах.

В нем. говорах Силезии на лексемном уровне представлена семантика «затягивающие небо облака, предвещающие снег» - *Schneeblühen* (цветение снега) (Mitzka: 1230).

4.1.3.6. «Туча, предвещающая ветер»

Из славянских говоров данное значение манифестируется в мал.-пол. говорах - *wiatrówki* (Кур. 1969: 18).

4.1.4. «Туча, закрывающая солнце»

Туча, освещённая солнцем, получает в славянских говорах следующие наименования: *перевала* в яросл. (ЯОС, 7: 91), *валок* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *пона(е)л* в гуц. (со значением «туча, красная от восхода или захода солнца»), *памета* в волын. (Могила: 95) говорах.

Освещённые солнцем дождевые облака в нем. силез. говорах обозначаются при помощи лексемы *Regengalle* (Mitzka: 1099).

4.1.5. «Прочие виды облаков»

В нем. говорах Силезии различаются вечерние и утренние облака – соответственно: *Abendlämmlein* (Mitzka: 15) и *Morgenlämmlein* (Mitzka: 894).

4.2.1. «Небо, затянутое облаками»

В славянских говорах это значение передаётся обычно при помощи словосочетаний. Из лексем нами зафиксировано только обозначение этого явления в гуц. говорах – *молодо*.

В нем. силез. говорах значение «небо, затянутое лёгкими, светлыми облаками» передаётся лексемой *Kühtappet* (*Küh* – корова, *tappen* – тяжело идти, тащиться). Во франк. говорах в указанном значении отмечена лексема *Wolkenspiel* (игра облаков) (Wört.Ufr: 197).

4.2.2. «Небо, не затянутое облаками»

На лексемном уровне эта семантика представлена в пск. говорах – *видно* во всех пск., *ясьвинно* в ю.-пск., *вольно* в ср.-пск., *ясень* в сев.-пск. (Карт. ПОС).

В нем. говорах Силезии отсутствие облаков на небе обозначается при помощи лексемы *Gehelle* (Mitzka: 383).

5. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ВОЗДУШНЫХ МАСС, ВЕТЕР»

Среди лексем, обозначающих в славянских говорах разновидности ветров, можно выделить несколько групп по актуализируемому признаку, а именно: обозначения ветров по степени интенсивности, по направлению, по сопутствующему или предвещаемому метеорологическому явлению.

5.1.1. «Сильный ветер»

Сильный ветер, с точки зрения внутренней формы наименования, может быть некоей ломающей, валящей, сокрушающей силой: *листоде́р* во вл.-пов. (ЯОС, 6: 6), *ветролом* в бр. (Карт. СБГ), ср.-пск. (Карт. ПОС), сев.-пск. (Карт. СРГК), *бурелом* в бр. (Карт. СБГ), ср.- и сев.-пск. (Карт. ПОС), а также в некоторых укр. (СУМ, 1: 257) говорах, *ветравал* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 85), *лістабой* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 238) в сев.-зап. бел., *vál* (Sychta, 3: 51), *obkidník* (Sychta, 3: 270) в каш., *polom* в мор. (Kott: 83), *drvolam* в чеш. говорах.

По выворачивающему действию сильный ветер может быть назван *выворот* в бр. (Карт. СБГ) или *круча* во всех полес. укр., волын., гуц., покут., зак. (Могила: 167), *завъртка* в родоп. (Koseska: 16) говорах.

Как нечто веющее, дующее представлен ветер в следующих наименованиях: *крутавей* в сев.-зап.бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 219), *вітровій* в бойк., *буревій* в бойк. и волын. (Могила: 162,163), *wejus* в варм.-мазур., *vejńica*, *vexa* в каш. (Sychta, 6: 129), *vějanka*, *vějice*, *vějicka* в чеш. (PSJČ, 6: 857-859), *дуйка* в бойк. (Могила: 163), *дуявка* в ю.-зап. укр. (Желех., 1: 212), *духло* в болг. (Геров, 1: 381) говорах.

Глаголами со значением «мести», «нести» мотивированы лексемы *понось* в яросл. (ЯОС, 8: 61), *заметь*, *замёт* в бр. (Карт. СБГ).

Как метущий, выметающий, колющий, как веник, представлен сильный ветер в каш.-*m'otla* (доп. сема «отпугивающий рыбу») (Sychta, 3: 174) и в сев.-зап. бел. - *венічнік* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 84) говорах.

Тема быстроты перемещения воздушных масс представлена в полес. бел. – *помча* (Тур.Сл., 4: 156), а также каш. - *běstrosc* (Sychta, 1: 36) говорах.

Как въедливый, «пожирающий рыбу» и потому мешающий лову представлен сильный ветер в других кашубских названиях – *užeráč*, *věžeráč* (Sychta, 6: 43,89). Ещё

одно кашубское название сильного ветра изображает это явление природы дерущим, схватывающим - *šarpavica* (Sychta, 5: 223).

Более редкий принцип номинации положен в основу ср.-пск. лексемы *сивер* (Карт. ПОС), связывающий этот вид ветра с его направлением.

В качестве семантической основы наименования может использоваться и сравнение с другой реалией: *полоса* в степ. говорах Украины (Могила: 167).

5.1.2. «Слабый ветер»

Названия слабого ветра, кроме деминутивных образований типа *válk* «слабый ветер» при *vál* «сильный ветер» в каш. говорах, могут представлять собой лексемы, мотивированные определёнными глаголами, проясняющими характер проявления ветра. Эти глаголы обычно имеют значение «слабо дуть» или «веять»: *душинка*, *продушинка* в сев.-пск. (Карт. СРГК), *павеўнік* в сев.-зап.бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 308), *van(ek)* (PSJČ, 6: 797) в чеш., *повейване*, *подухване*, *понавяване* (Koseska: 20-21) в болг. говорах.

В степ. говорах лёгкий ветер представлен как веющий с низовьев реки – *низовочка* (Могила: 95), в мал.-пол. как нечто тянущее – *ciąg, przeciąg* (Кур. 1969: 55), в каш. говорах это может быть глухой или пылящий ветер - *glëxavica* «лёгкий ветер перед бурей» (Sychta, 1: 323), *kuřelc* «лёгкий летний ветер» (Sychta, 2: 303).

Иногда название лёгкого ветра мотивировано его направлением: *восточок* в степ. (Могила: 152), *изгорок* в некоторых болг. (Арх. СУ) говорах.

5.2.1. «Северный ветер»

Лексемы, называющие разновидности ветра по его направлению, составляют значительную группу метеолексики. Эта группа отличается принципами номинации от соответствующих лексем литературного языка. Различия проявляются, в частности, в том, что в диалектах направление ветра, дующего с юга, севера, востока или запада, может обозначаться не по сторонам света, а по менее отвлечённым признакам.

Указание на сторону света, откуда дует ветер, доминирует в наименованиях северного ветра: *северяк*, *сивер* в яросл. (ЯОС, 9: 23-30), *северняк*, *сивер* в бр. (Карт. СБГ), *северяк*, *север* в пск. (Карт. ПОС) и лад.-тихв. (Карт. СРГК), *север*, *сивер* в вост.бел., *северок*, *сиверец* в ср.-полес. укр., *северок* в волын., *rólnoc* в пол., *norda* в каш., *půlnočník*, *sever*, *severák* в чеш., *severak* в словц., *север*, *северњак* в серб.-хорв., *север*, *северец*, *северник* в макед., *sever*, *severnjak* в словен. говорах.

Более локальные пространственные ориентиры положены в основу наименований *горак*, *горец* в степ., *горак*, *горішненец*, *горішняк* в гуц., покут., *горішнец* в зак., *gorniak* в пол., *горец*, *горняк* в болг., *горник* в макед., *gornjak*, *zgorec* в серб.-хорв., *gornjak* в словен. говорах.

Направление ветра может обозначаться по стороне, где проживают представители определённой национальности: *німець* в степ. (имеются в виду поселения немецких колонистов на юге Украины), *pol'ak* в чеш., *polák* в словц. – или по определённой местности: *kujava* в пол. говорах.

Ряд наименований северного ветра содержит указание на низкую температуру или ненастную погоду, сопутствующую этому ветру: *стужай* в яросл., *зимняк* в сев.-пск., *студен'* в ср.-полес. укр., *студенец* в серб.-хорв. говорах, *torčizna*, *potorszczyzna* в пол. говорах.

Своеобразная мотивация характерна для южнославянских говоров: *кривец* в болг., *krivac*, *krivac*, *krivača*, *krivčina* в серб.-хорв., *krivec* в словен.

«Животная» тема представлена в названиях ветров в болг. – *козица* и серб.-хорв. – *swinjoderac* говорах.

5.2.2. «Южный ветер»

В названиях ветра, дующего с юга, может содержаться указание на сторону света: *юг*, *полдник* в яросл., *полуденник* в пск. и лад.-тихв., *полудьонка* в степ., *południe* в пол., *ji(u)h* в чеш., *юг*, *южнина*, *южняк* в болг., *юг* в макед., *jug* в серб.-хорв. говорах.

Способом семантической мотивации в диалектной метеолексике может быть указание на другие географические ориентиры, а именно: на Белое (Эгейское) море или горный массив Стара Планина – *беланаш*, *беломорец*, *белчо*, *моряк* в болг., *белишник* в макед., *планинец* в болг.; кроме того, на направление сверху или снизу – *долішнец* в зак., *горняк*, *долняк* в болг., *дольяк* в серб.-хорв., *dolec*, *dolenjec* в словен. говорах, а также на солнце – *підсонечнік* в гуц. и зак. говорах.

В названиях южного ветра могут актуализироваться и другие его признаки: так, по температуре воздуха ветер с юга называется *летник* в лад.-тихв., *цяпловік* в сев.-зап. бел., *тепун* в ср.-полес. укр., *топляк* в болг., *palič*, *toplik* в серб.-хорв. говорах. В сев.-пск. говорах южный ветер может называться *зимняк*; в болг. говорах южный ветер рассматривается как приносящий дождь – *дождар*. В южнославянских говорах также подчёркивается его воздействие на объекты природы и деятельности человека:

паликолиба, развигоро, снегоед (доп. сема «тёплый»), *ясник* в болг., *развигора* в макед., *palikiča, razvigor* в серб.-хорв. говорах.

В яросл. говорах отмечена лексема *сладины* (Карт. ЯОС), восходящая, очевидно, к прилагательному *сладимый* и отражающая, таким образом, положительное эмоциональное отношение говорящих к данному явлению природы.

5.2.3. «Западный ветер»

Названия западного ветра указывают, как правило, на сторону света – *запад* в сев.-пск., *западник* в лад.-тихв., *західняк* в ср.-полес. укр., *запад* в степ. и гуц., *западовец* в бойк., *zachodnik* в пол., *vest* в каш., *zapadniček* в чеш., *запад, западняк* в болг., *запад, zapadnjak* в серб.-хорв. говорах.

Направление ветра, дующего с запада, может обозначаться и другим способом, по территории, где проживает соседний народ: *молдаван, молдаўка* в степ. говорах Украины, а также по другим ориентирам, например, *горняк, горнянин* в болг., *горњак, долњак, зморац* в серб.-хорв. говорах.

В основе наименований западного ветра в ряде случаев лежит указание на сопутствующую дождливую погоду: *мокрик* в ср.- и сев.-пск., *дождливый* (субст.) в сев.-пск., *гниліца* в полес. бел., *psotník* в каш. и *ясник* в болг. говорах.

В нем. говорах Силезии западный ветер называется *Abendluft* (то есть как вечерний) (Mitzka: 15).

5.2.4. «Восточный ветер»

Большинство названий этого ветра связано со стороной света или другим географическим ориентиром, указывающими на его направление: *восход* в ю.-пск., *восток, горняк* в сев.-пск., *східняк* в ср.-полес. укр., *восток* в степ., бойк., гуц., *покут., сходовець* в бойк., *(w)schodzień, wschodowiec* в пол., *vychod(nik)* в чеш., *анадолец, долняк, изток, источник, черногорец* в болг., *gornjak, исток, istošnik, sinjomorac* в серб.-хорв. говорах.

Названия восточного ветра могут также отражать предвещаемую или сопутствующую погоду, отрицательное или положительное воздействие этого ветра: *волкоед, чернодыр* в ср.-пск., *зимняк, мокрик, тепляк* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *зимняк* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *козодер, ясньк* в болг., *свинодерац* в макед., *kozodjer(ac)* в серб.-хорв. говорах.

5.2.5. «Северо-западный ветер»

Лексемы с данным значением отмечены нами в сев.-пск. – *вайварка, шелоник* и болг. – *бързец, свиняр* говорах.

5.2.6. «Северо-восточный ветер»

Названия ветра с этим направлением отражают либо сторону, откуда он дует – *pol'ak* в чеш., либо сопутствующую ему ненастную погоду: *зимняк* в ср.- и сев.-пск., *morščěžna* в каш. - или её последствия – *волкодав, волкорез* в сев.-пск. говорах.

В нем. силез. говорах эта семантика представлена лексемами *Hinterwind* (букв.: ветер сзади) (Mitzka: 545), *Pole, Polake* (Mitzka: 1024).

5.2.7. «Юго-западный ветер»

В южнославянских говорах этот ветер связывается в наименовании с определённым направлением: *юга, южняк* в болг., *južina, jadrанин* в серб.-хорв.; кроме того, лексемы с данным значением зафиксированы в лад.-тихв. - *шелоник*, волын. – *клітнянец* и чеш. – *leva* (доп. сема – «тёплый») говорах.

5.2.8. «Юго-восточный ветер»

Названия юго-восточного ветра довольно разнообразны с точки зрения видов семантической мотивации. Лексемы с данным значением могут указывать и на направление – *долняк, синьоморец* в болг., и на сопутствующие метеорологические условия и их последствия – *зимняк* в сев.-пск. и лад.-тихв., *меженец* в лад.-тихв. (меженный день – жаркий день), *кишо, дерибивола* в болг., *козица* в макед., и на время года – *вешник* в ср.-пск. говорах.

Кроме того, в данном значении отмечены лексемы *вахтица* в сев.-пск., *брундук* в степ., *косіўка* в покут. говорах.

5.2.9. «Встречный ветер»

Лексемы с этим значением, указывающие на направление ветра, отмечены в следующих говорах: *стрешник* в яросл., *стречник* в лад.-тихв., *přečivník* в каш., *protivitr* в чеш. говорах.

5.2.10. «Попутный ветер»

Данная семантема может быть представлена лексемами *поветерь* в яросл., ср.- и сев.-пск., лад.-тихв. и *gózba* в н.-луж. говорах.

5.2.11. «Ветер, дующий с низовьев реки»

Лексемы с подобным значением зафиксированы в степ. укр. говорах – *низовка*, *низовочка*.

5.2.12. «Ветер, дующий параллельно берегу»

Это направление ветра актуализируется в яросл. говорах – *косыня* (ЯОС, 5: 79).

5.2.13. «Ветер с моря»

Лексемы с этим значением в славянских говорах указывают или на море как сторону, откуда дует ветер – *моряк*, *морянин* в болг., или на сторону света – *norda* в каш.

В каш. говорах значение лексемы может быть мотивировано названием народа, проживающего по другую сторону моря – *šveda*.

5.3.1. «Осенний ветер»

В основу наименования ветра, который дует осенью, может быть положено указание на время года – *осеник* (доп. сема «сильный, холодный») в ср.-поднепр., *jesińc* в каш. или на силу проявления – *лістабой*, *ліставей* в сев.-зап. бел. говорах.

5.3.2. «Весенний ветер»

Данная семантема представлена лексемами, мотивированными названиями времени года – *весняк*, *вешник* в полес. бел., *podlatnik* в каш., *пролетняк* в болг.; одного из весенних месяцев – *марец* (доп.сема – «сильный, холодный») в ср.-полес. укр., *марцувей* (доп. сема – «сильный, холодный») в волын., а также сопутствующим фенологическим явлением – *вербич* (доп.сема – «сильный, холодный») в подол. или стороной света – *юго*, *южняк* (доп. сема «тёплый») в болг. говорах; в болг. говорах в названии весеннего ветра может отражаться и его предполагаемое воздействие на хозяйственную деятельность людей – *деряре*.

В нем. говорах Силезии весенний ветер обычно репрезентируется как ветер, приносящий весну, оттепель: *Lenzwind* (букв.: весенний ветер) (Mitzka: 807),

Mittagswind (полуденный ветер) (Mitzka: 888), *Schneefresse* (пожиратель снега) (Mitzka: 1230).

5.3.3. «Вечерний ветер»

Лексема с этим значением отмечена в болг. говорах – *вечерник*.

5.4.1. «Ветер, предвещающий дождь»

Название данной разновидности ветра связано с сопутствующим метеорологическим явлением – *дождливый* (субст.) в сев.-пск., *дъждар*, *мъглар*, *мъглец* в болг., *дождар* в макед., *dažddevak*, *oblačnjak* в серб.-хорв.; в макед. и серб.-хорв. говорах может содержаться указание на сторону света, откуда дует этот ветер – *запад*.

5.4.2. «Ветер, предвещающий снег»

На лексемном уровне в славянских говорах данная семантика представлена в болг. говорах – *снегар*.

В нем. силез. говорах также отмечена лексема с аналогичным значением – *Schneejauche* (Mitzka: 1231).

5.5. «Круговое движение ветра, вихрь»

В славянской метеорологической лексике данное явление природы обозначается прежде всего по характерному движению ветра: *кружень* в яросл., *закрут*, *крутало* в поднестр., *крутиль*, *круговий* в зак., *kręciek*, *kręciolek* в сев. части вел.-пол. говоров, *kolowrot* в центральной части Польши, на пограничье мал.-пол., вел.-пол. и маз. говоров (Кур. 1969: 60), *krutilka*, *zakrutina*, *zakrutka* в вост. Словакии, *krut*, *krutnava*, *krutenica*, *krutica* преимущественно в средней Словакии (Габовштяк: 65); тему «вьющегося», «вертящегося» ветра продолжают лексемы *вьюн* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *вертьол* в ср.- и зап.-полес. укр., *завій*, *завійло*, *завіяло* в волын. говорах (Могила: 173), *točak*, *vivijašek*, *vivijaško*, *zavijak*, *zavijašek* в вост. словц. говорах (Габовштяк, с.65).

На высокую интенсивность вихря указывают лексемы *вихролом* в ю.- и ср.-пск. говорах (Карт. ПОС), а также *лихач* в зап.-полес. укр. говорах (Могила: 179).

В ю.-зап. укр. говорах зафиксирована лексема с функционально-метафорическим переносом наименования – *ігрець* (Желех., 1: 320).

В некоторых пол. говорах название кругового движения ветра даётся на основании эмоциональной оценки или обозначения предполагаемого субъекта действия – *paskud* в

вел.-пол., *packudnik* (дьявол) в мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 60). Названия последнего типа широко распространены в славянских говорах.

Кроме того, в обозначениях вихря достаточно часто встречаются примеры уподобления некоей реалии, обладающей характерным внешним видом: *стоўб* в полес. бел. (Тур.Сл., 5: 102), *stup* (столб) в восточных районах Мазовии (Кур. 1969: 60), *труба* в ср.-полес. укр. (Могила: 180), *trąba* (труба) повсеместно в пол. (Кур. 1969: 59), *kominek* (труба) в маз. (Кур. 1969: 60), *lej* (воронка) и *łynek* (жернов) в мал.-пол. и силез. говорах (Кур. 1969: 60).

В нем. силез. говорах это также одна из наиболее представленных на лексемном уровне семантем: *Drehwind* (вращающийся, крутящийся ветер) (Mitzka: 211), *Getöbse* (другое значение – «шум») (Mitzka: 414), *Querdelwind* (*querdeln* – «бесполезно ходить вокруг чего-либо») (Mitzka: 776), *Quergelwind* (*quergeln* – «бегать вокруг чего-либо») (Mitzka: 777), *Quirlwind* (*quirl* – «мальчик, который не может спокойно сидеть на месте») (Mitzka: 780), *Plustrich* (другое значение лексемы – «сердитый или неблагодарный человек») (Mitzka: 1022), *Hex* (ведьма) (Mitzka: 1496), *Windhose*, *Windsaule* (столб ветра) (Mitzka: 1496).

6. Семантическое поле «атмосферные световые и акустические явления»

В состав данного семантического поля входят обозначения таких природных явлений, как раскаты грома и молния в разных её проявлениях.

6.1.1. «Молния»

В названиях молнии в славянской диалектной лексике широко представлены рефлексы праславянских корней **mьldp-* и **blьsk-*. Первый корень встречается в следующих лексемах: *молния* повсеместно в русских говорах, *молнія* в полес. бел. (Янк.: 195), в вост.- и ср.-полес. укр., слоб., степ., ср.-поднепр. (Могила: 118), *молынья*, *молонья* в яросл. (ЯОС, 6: 55), *ма(о)ла(о)нья* в бр. (Карт. СБГ), пск. (Карт. ПОС), лад.-тихв. (Карт. СРГК), *малонья* в полес. бел. (Янк.: 189), сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 22), *молонья* в вост.-бел. (Нос.: 89) и вост.-полес. укр. (Могила: 117) говорах; *молодня* в бр. (Карт. СБГ), вост. бел. (Нос.: 89) и *маладня* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 19) говорах;

маланка в ю.-пск. (Карт. ПОС), сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 21-22), вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 258), вост.-полес. укр. (Могила: 117) говорах; *молна* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 25), *молань* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 76) в сев.-зап. бел., *mlno* в чеш. (PSJČ, 2: 886), *молна* в макед. (Реч. мак. јаз., 1: 420) говорах, а также в других лексемах.

Другой праславянский корень также имеет широкое распространение на славянской языковой территории: *бліскавіца* в полес. бел. (Тур.Сл., 1: 63), сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 195), *блискавица* и *влискавица* в вост. бел. (Нос.: 27) говорах, *бліскавиця* в полес. укр., волын., поднестр. (Могила: 117), *blyskawica* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 62), *blyskavice* в чеш. (PSJČ, 1: 154-155), *bliskavica* в мор. (Svěrák 1966: 99) *блескавица* в балк. и сев.-зап. болг., *блескавец* в макед., в серб.-хорв. и в словен. (Koseska: 37) говорах; *бліскаўка* повсеместно в бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 88), (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 195) и укр. (кроме вост.-полес., слоб., степ.) (Могила: 117), *blyskavka* в чеш. (Осташ: 96) говорах; *блискит* в бойк. (Могила: 118), *blyskot* в пол. и н.-луж. (Кур. 1969: 62), (Мука, 1: 46), *блескот* в макед. (Koseska: 37) говорах, *блескотевица* в балк. (Koseska: 37), *блискач* в бук. и *блискачка* в ср.-поднепр. (Могила: 118) говорах; *лясковица* полес. бел. (Тур.Сл., 3: 58), *lyskawica* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 62), *liskavica* в каш. (Sychta, 3: 22), *лескавец*, *лескавица* в родоп. (Koseska: 49) говорах и др.

В основу наименования молнии может быть положен и такой признак, как мигание, мерцание: *мигаўка*, *миговиця*, *мигуха*, *мигушка* в вост.- и ср.-полес. укр., *моргаўка*, *моргуха*, *моргушка* в укр. Полесье и на Волини (Могила: 119); *маргавица* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 189) говорах.

Светом, который излучает молния, мотивированы ср.-пск. название *светляки* (Карт. ПОС), а также *светкавица* повсеместно в болг. и макед., *светкотевица*, *светлавица* в ю.-зап. болг. (Koseska: 59) говорах.

Ряд наименований молнии отражает особенности воззрений славян на происхождение этого природного явления и связывает его с языческим божеством: *перун* в сев.-пск. (Карт. ПОС), вост. бел. (Нос.: 412), зап.-полес. укр., поднестр., посан., лемк. (Могила: 95), *пярун* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 218), *piorun* повсеместно в пол., *p'orën*, *p'orun* в каш. (Sychta, 4: 284) говорах. В укр. примерах значение лексемы осложнено дополнительной семой – «поражающая, убивающая» (молния).

В нем. силез. говорах наряду с существительными *Gebnitz*, *Feuerstrahl* (огненный луч) используется большое количество глаголов, подчёркивающих световой эффект молнии и раскрывающих это явление природы как освещение неба или свет погоды: *es*

glittnt, leuchtert, watarloot (*Wetter leuchtet* – букв.: погода светится, сияет) (Mitzka: 160-161).

6.1.2. «Молния, не сопровождаемая раскатами грома»

Для обозначения этого природного явления могут использоваться те же лексемы, что и для молнии вообще: *моланья* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *mólnã, molńo* в каш. (Sychta, 3: 44-45), *мълния* в балк., руп. и ю.-зап. болг. (Koseska: 52) говорах.

Названия этого явления могут представлять собой производные и от другого корня: *зареница, зорило, зорники* в яросл. (ЯОС, 4: 97, 126, 127), *за(о)рница, зорянка* (с указанием на то, что она портит хлеб) в ю.- и сев.-пск. (Карт. ПОС), *зарница* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *зарніца* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 248), *зі(а)рница* в степ. и ср.-поднепр. (Могила: 122) говорах.

Эта же разновидность молнии может быть представлена как нечто блестящее, ослепляющее: *слепуха* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *блішчук* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 195), *blyskavice* в чеш. (PSJČ, 1: 154-155) говорах; как нечто светлое, сияющее: *светляки* в яросл. (ЯОС, 9: 16), *světlení* (PSJČ, 5: 942) в чеш., *свјетлица, сијавица* в серб.-хорв. (Кар.: 672, 679); как нечто мигающее: *зихавиця, зихаўка* (Могила: 124), *мигаўка, миговиця, мигуха, мигушка, моргаўка* (Могила: 119) в полес. укр. говорах.

В некоторых вост.-слав. говорах в названии данного вида молнии отражается её предполагаемое воздействие на созревание растений: *зрелянка, спелянка* в ю.-пск., *хлебозорка* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *гречкосмал* в слоб., *кукурузница* в ср.-поднепр. (Могила: 121) говорах.

6.1.3. «Стрела молнии»

В нем. силез. говорах отмечена специальная лексема с данным значением – *Licht* (Mitzka: 810).

6.1.4. «Сверкать (о молнии)»

В каш. говорах эта семантика представлена глаголом *mólnic sq.*

В нем. силез. говорах блеск молнии обозначается при помощи глаголов *himmelritzen* обозначающего буквально разрывание неба, или *himmellitzen* (Mitzka: 539).

6.2. «Раскаты грома»

В обозначениях раскатов грома в славянской диалектной лексике наиболее часто встречаются лексемы, восходящие к праслав. * ггѣм-. Однако в ряде говоров отмечены и другие названия, которые семантически мотивированы громким звуком, сопровождающим атмосферный разряд. К ним можно отнести *выстрел* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *зукот* в бр. (Карт. СБГ), *дундар* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 104) и *дундер* в поднестр. (Могила: 126) говорах.; *trzaskanie* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 57), *třaskot*, *třaskavica* в каш. (Sychta, 5: 398), *трескавец*, *трескотевец* в ю.-зап. болг. (Koseska: 62), *трескавица* в балк. и ю.-зап. болг. (Koseska: 62), *трескотевица* в родоп. (Koseska: 63), *trijesak* в серб.-хорв. (Koseska: 62).

Из звукоподражательных наименований можно отметить н.-луж. *bobotańe* (Мука, 1: 54), чеш. *huroi*, *randabasy* (Осташ: 103), *дуднявица* в перех. болг., *tutnjava* в серб.-хорв. и словен. (Koseska: 42) говорах.

К другой номинационной модели относится каш. лексема *šlaga* (Sychta, 5: 261). Эта лексема характеризует обозначаемое явление, очевидно, по сопутствующему явлению – буре, непогоде.

В балк. говорах болг. языка в указанном значении зафиксирована лексема *шишове* (Koseska: 62) (форма мн. числа от *шиш* «железный прут, вертел»); в данном случае, возможно, имеет место сравнение слуховых впечатлений от раскатов грома и грохота железных прутьев.

В нем. силез. говорах данное значение реализуется чаще за счёт использования глаголов *buhnern* (Mitzka: 169), *bumpern* (с доп. семой «слабо») (Mitzka: 171), *hocheln* (другое значение лексемы – «громко трещать, грохотать») (Mitzka: 549).

7. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРЫ»

Среди разновидностей общего состояния атмосферы в славянской метеорологической лексике чаще всего обозначается ясная, солнечная или пасмурная погода, а также холодная или тёплая погода.

7.1. «Ясная, солнечная погода»

Названия солнечной погоды могут указывать на ясное небо: *ясень* «ясная погода в конце осени перед наступлением зимы» в яросл. (ЯОС, 10: 94) и «ясная погода» в ср.-пск. (Карт. ПОС), *ясина* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *jasność* в н.-луж. (Мука, 1: 534) говорах.

Зачастую ясная, солнечная погода обозначается за счёт выражения положительного отношения к ней: *goźba* (Мука, 1: 308), *zgoda* (Мука, 2: 1084) в н.-луж. говорах.

В нем. силез. говорах названия ясной, солнечной погоды обладают различными способами семантической мотивации. Это может быть погода, благоприятная для сенокоса - *Heuwetter* (Mitzka: 536); ясная погода связывается в наименовании с именем бога - *Herrgottswetter* (Mitzka: 514); для обозначения данного типа погоды могут использоваться слова категории состояния, например, *hemlich* (другое значение лексемы – «приветливый, радостный») (Mitzka: 508).

7.2. «Пасмурная погода»

Данная разновидность погоды также может получать наименование, связанное с эмоциональной её характеристикой: *благодать* (ироничн.) в яросл. (ЯСС, 1: 61), *ліхалецьце* в вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 250-251), *strašnosć, strašnota* (Sychta, 5: 174) в каш., *groźba* (Мука, 1: 334), *niegnada* (немилость) (Мука, 1: 1037) в н.-луж. говорах.

Некоторые лексемы, обозначающие пасмурную погоду, достаточно широко распространены на славянской языковой территории, в частности: *хмурно* в яросл. (Карт. ЯОС), бр. (Карт. СБГ), полес. бел. (Тур.Сл., 5: 245), *chmurno* в мал.-пол. и маз. (Кур. 1969: 24), *хмарно* в яросл. (Карт. ЯОС), бр. (Карт. СБГ), ю.- и ср.-пск. (Карт. ПОС), *хмарна* в вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 474), *chmurno* в мал.-пол. (Кур 1969: 24) говорах и др.

Отдельные лексемы имеют ограниченный ареал распространения: *багрэнэ* (Тур.Сл., 1: 35), *ніцо* (Тур.Сл., 3: 207) в полес. бел. говорах.

Так же, как и в славянских, в нем. силез. говорах обозначения пасмурной, ненастной погоды составляют одну из самых значительных по составу групп метеорологической лексики. Эта разновидность состояния атмосферы обозначается по различным характерным для неё признакам: наличию сырости, тающего снега – *Manschwetter* (Mitzka: 846), *Pantschwetter* (Mitzka: 964), грязи – *Dreckwetter* (Mitzka: 1016), *Juxwetter* (*Jux* – грязь). В качестве мотивационной основы используется и эмоциональное отношение говорящих к ненастной погоде: *Hexwetter* (*Hex* – ведьма), *Fundewetter*

(собачья погода), *Sauwetter* (*Sau* - свинья) (Mitzka: 574). (Аналогично во франк. говорах: *Huänwäddä* (*Huä* – *Hure*)) (Reinfelder: 108). При этом во франк. говорах отмечены примеры заимствований - *Malafidswäddä* «очень плохая погода» (Reinfelder: 135). Достаточно широко используются слова категории состояния, например, *bruttnich*, обозначающее, кроме того, невесёлое настроение, или *mott*, называющее состояние погоды перед грозой и обладающее ещё одним значением – «грязь, тина».

7.3.1. «Очень холодная погода, мороз»

Среди обозначений мороза некоторые лексемы отличаются указанием на особенности слухового его восприятия: *трескун* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *трискун* в полес. укр. и ср.-поднепр. (Могила: 140), *трэскоцень* в полес. бел. (Тур.Сл., 5: 161), *трискутень* в зап.-полес. укр., волын., подол. (Могила: 140) говорах.

Обжигающим действием мороза семантически мотивируются наименования *пьякун* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 392), *кiпецень* в полес. бел. (Тур.Сл., 2: 191), *кипитень* в ср.-полес. укр., ср.-поднепр., волын., подол., *кiпi(e)нь* в полес. укр., подол. (Могила: 140,150), *цеплік*, *цепляк* («утренний мороз») в вост. бел. (Нос.: 687,688) говорах.

Связь мороза с ясной погодой отражается в лексемах *ясень* в яросл. (ЯОС, 10: 94) и *яснец* в ю.-зап. болг. (Koseska: 34) говорах.

Состояние человека, испытывающего воздействие мороза, выражают лексемы *колотун* в яросл. (ЯОС, 5: 54) и *зъботраканица* в вост.-фрак. (Koseska: 28) говорах. По воздействию на человека мороз, кроме того, может быть назван как *связажак* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 427) или *šćipavica* (Sychta, 5: 236) в каш. говорах.

Некоторые названия мороза связаны с временем его проявления: *вербич* «мороз в вербную неделю» в вост. бел. (Нос.: 48), *урбан* (по дню религиозного праздника «весенние заморозки» в гуц. (Могила: 145) говорах (в некоторых пол. говорах мотивация подобного типа используется в наименовании *jakubówka* «дождливая погода с 11 мая до дня св. Якоба»).

В славянских обозначениях холодной погоды встречается довольно много слов категории состояния: *зимно* в яросл. (ЯОС, 4: 121), пск. (Карт. ПОС), лад.-тихв. (Карт. СРГК), сев.-зап. бел. (ДАБМ: 321), вост.-слав. говорах Белостока (Atl. Biał.: 105), *zimno* повсеместно в пол., *zi(ë)тно* в каш. (Ramułt: 269) говорах; *знобка* в яросл. (ЯОС, 4: 125), всех пск. (Карт. ПОС), *знобка* в полес. бел. (Нар.лекс.Гомель.: 65) и сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 321); *змеисто* в яросл. (ЯОС, 4: 123), *вольнё* в яросл. (ЯОС, 3: 34) и *вольненко* в сев.-пск. (Карт. СРГК) говорах; *се(и)верно* в яросл. (ЯОС, 9: 30) и бр. (Карт.

СБГ) говорах; *морозяно, холодновито* в бр. (Карт. СБГ), *marzńo* в н.-луж. (Мука, 1: 865), *chłodnawo* в варм.-мазур. (Кур.-Więг.-Jan. Sl. Waгm.: 49), *холоднисто* в сев.-пск. (Карт. СРГК), *морозливо* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *заморозно* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *sero* (серо) в н.-луж. (Мука, 2: 631) говорах.

Обозначения сильного холода, мороза составляют значительную группу метеорологической лексики и в нем. силез. говорах. Здесь наряду с существительными, например, *Hagelmann* (Mitzka: 475), также широко используются слова категории состояния: *blitzkalt, knitterkalt* (*knitterla* – расколотое на части полено) (Mitzka: 694).

7.3.2. «Морозная погода при отсутствии снежного покрова»

На лексемном уровне этот вид холодной погоды представлен на славянской языковой территории в яросл. говорах - *голомёрзко* (ЯОС, 3: 91).

В нем. силез. говорах данное значение передаётся обычно словосочетаниями. Однако зафиксированы и лексемы, обозначающие это явление природы: *Bodenfrost* (мороз на земле), *Glattfrost* (гладкий, скользкий мороз), *Nacktfrost* (голый, «обнаженный» мороз) (Mitzka, с.92).

Ряд наименований морозной и бесснежной погоды указывает на отношение к ней говорящих: *Hundekälte, Lausekälte Saukälte* (соответственно: собачья, паршивая погода) (Mitzka: 92). Аналогичные способы семантической мотивации отмечены и в метеорологической лексике франк. говоров: *Hundswedder* (Maas: 130).

7.4. «Оттепель»

Обозначения оттепели в диалектной славянской лексике часто мотивированы более высокой по сравнению с предыдущим периодом температурой: *оттеплина* в яросл. (ЯОС, 7: 68) и сев.-пск. (Карт. ПОС), *тепель* в сев.-пск. (Карт. ПОС), *зацепель* в полес. бел. (Тур.Сл., 2: 131), *оттепель* в ю.- и сев.-рус., вост.- и ср.-полес. укр., слоб., степ., *відтепіль* в бойк. (Могила: 148), *ocieplenie* в вел.-пол. (Кур. 1969: 110), *čaplěca* в каш. (Sychta, 1: 146) говорах.

Названия оттепели могут указывать на испарение от почвы: *вітпаркі* на Львовщине (Могила: 148) и *rozpâr* в каш. (Sychta, 4: 359) говорах.

В качестве мотивационной основы используется и «смягчающее» воздействие подобной погоды: *одмяка* в ср.-полес. укр., *помніка* в гуц., *відмяка* в бук., поднестр., лемк., *пом'яка* в бук., бойк., поднестр., зак. (Могила: 147), *odmięk* в вел.- и мал.-пол., силез., зап. землях Польши, *odmięcz* в мал.-пол. и ю.-вост. районах маз., *odzmięk* в зап.

землях Польши (Кур. 1969: 109), *odměk* в чеш. (PSJČ, 3: 862), *odmňa(e)k* в мор. (Malina: 71) говорах, кроме того, *miqcz* на пограничье вел.-пол. и мал.-пол., в маз., *zmięk* в силез. и ю. районах мал.-пол., *zmiqcz* в маз. и вел.-пол., *zmiqczka* в мал.-пол. говорах и зап. землях Польши (Кур. 1969: 109), *mit(k)(č)a* в каш. (Sychta, 2: 168) говорах.

Ряд названий оттепели связан с таянием снега, наступающим в этот период: *тайло*, *талиба*, *талица* в яросл. (ЯОС, 9: 96,97), *проталки* в ср.-полес. укр., *роз(с)таль* в вост.-полес. укр., слоб., степ. (Могила: 148), *roztop* в варм.-мазур. (Кур.-Więg.-Jan. Śl. Warm.: 73), мал.-пол., вост. районах вел.-пол., *roztopa* в мал.-пол., *tajka* в вел.-пол., *tajaczka* в мал.-пол. (Кур. 1969: 110), *topńisko* в каш. (Sychta, 5: 370) говорах.

С таянием снега связаны и такие явления, как капель или половодье, отсюда следующие названия оттепели: *капиль* в яросл. (ЯОС, 5: 19), *растока* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 185), *roztok* в вел.-пол. и силез., *roztocka* в мал.-пол. (Кур. 1969: 110), *rozcek* в каш. (Sychta, 3: 345) говорах, а также *полевница* в яросл. (ЯОС, 8: 50) и *uleva* в чеш. (PSJČ, 6: 486) говорах.

В варм.-мазур. говорах оттепель – это «отдых, передышка» природы: *ulga* (Кур.-Więg.-Jan. Śl. Warm.: 73).

Оттепель как смена сезонов представлена в следующих лексемах: *odmian(a)* в варм.-мазур. и мал.-пол., *zmiana* в мал.-пол. и маз. говорах (Кур. 1969: 110).

В южно-западнославянском ареале распространена мотивация названий оттепели южным ветром: *jug* в мал.-пол. говорах и предгорьях Карпат (Кур. 1969: 110), *juh* (Bartoš: 135) в мор., *jugовина* в макед. и *jugovina* в словен., *jugовина*, *жужина* в серб.-хорв. (Кар.: 256), *južina* в словен. (Осташ: 111) говорах.

На Львовщине отмечена номинация оттепели по образующейся субстанции – *волога* (Могила: 146).

Названия другого типа широко распространены в бел.-укр.-пол. ареале: *одвілиш* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 255), *відволож* в поднестр., *відволога* в покут., зак. (Могила: 146), *odwilż* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 108) говорах.

Достаточно широко представлены обозначения оттепели и в нем. силез. говорах, они могут указывать на характерное для оттепели таяние снега: *Matschwetter* (*Matsch* – снег с водой) (Mitzka: 854), *Pantschwetter* (*pantsch* – сырой) (Mitzka: 964), *Schneegratsch* (Mitzka: 1231) – или представлять собой эмоциональные обозначения данного явления природы: *Dreckwetter* (*Dreck* – грязь, нечистота), *Sauwetter* (*Sau* – свинья) (Mitzka: 1016).

7.5. «Погода в апреле»

Эта семантема представлена из исследуемых только в нем. силез. говорах – *Prillerwetter* (Mitzka: 1039).

И. АНАЛИТИЧЕСКИЕ НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Значительное количество метеорологических явлений получает наименование в диалектах в виде сочетаний слов, устойчивых или свободных. Зачастую это единственный способ обозначения соответствующей реалии.

1. УСТОЙЧИВЫЕ ОБОРОТЫ В НАЗВАНИЯХ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В устойчивых оборотах образ, запечатлённый в названии, проявляется особенно наглядно. Одним из свойств устойчивых народных выражений (то есть, бытующих в говорах, а не в литературном языке) является, по мнению некоторых исследователей, их меньшая «фразеологичность» или, иначе говоря, десемантизация компонентов (Подюков: 72). В качестве возможных причин этой специфики народной фразеологии обычно называют особую «этимологическую память», придающую всему устойчивому выражению большую мотивированность, а также живую связь с существующими поверьями и обрядами.

Устойчивые выражения, называющие в славянских говорах природные явления, можно разделить по особенностям их семантической структуры на несколько групп. Это выражения, воспроизводящие в названии внешние признаки явления, выражения, наделяющие природные силы чертами одушевлённости, и выражения, в которых проявление природных сил отождествляется с деятельностью определённого персонажа; особое место занимают сравнительные обороты:

1.1. Устойчивые выражения, воспроизводящие в названии внешний облик природного явления

В славянских говорах в образе прорвавшихся, провалившихся облаков широко представлена семантика «сильный, проливной дождь»: *прорвалася хмара* в поднестр., *урвалася хмара* в гуц. (Могила: 25), *oblok se zerwał* в варм.-мазур. (Kup-Wieg.-Jan. Sl. Warm.: 55), *padaju mroki* (тучи падают) (Muka, 1: 939), *mrokawa jo se rozryła* (туча разорвалась) (Muka, 1: 940) в н.-луж., *mračna se prothrla, nebe se prothrlo* (Čes. sl., 1: с.30) в чеш., *oblaka se prethrla* в словц. говорах, *pšeryše se hoblokow* в н.-луж. (Muka, 2: 230), *prutrž mračien* в словц., *провала облака* в говорах серб.-хорв. языка (Толстой, Толстая 1983: 10). (Образ сильного дождя как прорвавшегося неба, облака может быть представлен в славянских говорах и лексемой - *хмаролом* в гуц. (Могила: 23)).

Образ отверстия, окна в небе является основой названий и других природных явлений: *небесне вікно* «солнце» в зак. (Толстой 1974: 56), *nebeská okna* в чеш. (Staročesk. sl., 8: 31-32) говорах.

В названиях туч, облаков и процесса их появления на небе также отмечен ряд устойчивых выражений. В значении «облака, не предвещающие осадков» – *kwaśne mleko* в мал.-пол. говорах и зап. землях Польши, *siadle mleko* в мал.-пол. говорах (Kup. 1969: 18); в значении «появление туч на небе» – *небо занавесилось* в яросл. (ЯОС, 4: 88), *небо побаранилоси* в гуц., *небо сметаниця* в волын. (Могила: 97) говорах; в значении «красные тучи при восходе и заходе солнца» – *запалілоси небо* в гуц., зак. (Могила: 95); дождевая туча в сев.-пол. говорах – *kościol na niebie* (костёл на небе) (Kup. 1969: 22), с образом неба связано обозначение молнии без грома в н.-луж. говорах – *nebjo se tergoco* (небо раздирается) (Muka, 2: 743).

Устойчивые выражения подобного типа используются и для обозначения радуги. Среди них можно выделить названия, данные по особенностям внешнего вида этого природного явления: *кармісел на небе* в полес. бел., *перевесло у небі повисло* (Могила: 134) и *небо молодіс* (Могила: 92) в ср.-полес. укр., *słyńco smugi pišča* (солнце пускает полосы) в н.-луж.; в русских говорах Карелии отмечено в данном значении выражение *борозда цветная* (Карт. СРГК), а в бойк. – *kryva bedra* (Atl. bojk, 5: 44).

Характерный внешний вид явления служит мотивационной основой для названия снега, падающего крупными хлопьями: *zuma kwišo* (зима цветёт), *sněg kwišo* (снег цветёт), *běle lapy* (белые лапы) в н.-луж. (Muka, 1: 763,804); *белые мухи* во многих русских говорах; *ptasie lby* (птичьи головы) в ю.-зап. зоне маз. говоров; *kurze lby* (куриные головы) в сев.-пол. говорах, *wróblowate lby* (воробьиные головы) на

пограничье мал.-пол. и маз. говоров (Кур. 1969: 28), *kocie pięśće* (кошачьи кулаки) в маз. говорах (Atl. maz., 1: 4).оборот *kocie lby* может использоваться и для обозначения дождевых облаков в зап. землях Польши (Кур. 1969: 21). В каш. говорах летящие снежинки имеют название *p'óra lecq* (перья летят) (Sychta, 4: 281); в этом же регионе «животная» тема продолжается в названии мелких дождевых туч – *ribé ščežule* (чешуя рыбы) (Sychta, 4: 307).

Впечатления от увиденного зафиксированы говорящими и таком устойчивом выражении, как *iraqba dzika* (дикая труба) «вихрь» в сев.-вост. зоне вел.-пол. и маз. говоров (Кур. 1963: 293); обозначение подобного типа отмечено в яросл. говорах – *голая поперёка* «сильный встречный ветер» (ЯОС, 3: 92).

1.2. Устойчивые выражения, в которых природные силы наделяются чертами, свойственными человеку

К устойчивым выражениям подобного типа относятся: *slujnce křěči* (солнце кричит) в каш. (Sychta, 5: 84), *перебігают планеты* (планета – полоса дождя) «идти с перерывами (о дожде)» в гуц. (Могила: 48), *dešč glěpeje* (дождь глупеет) «сильно лить (о дожде)» в каш. (Sychta, 1: 263), *b'odro graje* (погода играет) «солнечная погода весной или летом» в каш. (Sychta, 1: 112), *погода брюзжит* «пасмурная погода» в ср.-пск. (Карт. ПОС), *река дурит* «весеннее половодье» в яросл. (ЯОС, 4: 26) говорах; в значении «состояние погоды перед дождём» – *дождь ноги свесил* в сев.-пск. и *тучи кругом объехали, день теряется* в ср.-пск. (Карт. ПОС) говорах; в значении «измениться (о погоде)» – *погода насемере едет* в яросл. (ЯОС, 6: 113); в каш. говорах сильный ветер может иметь название *тоře sa goři* (море гневается) (Sychta, 4: 110); в вост. бел. говорах таяние снега обозначается оборотом *погода снег турнула*, а ледоход – *води лёд турнула* (Нос.: 644).

Особенно наглядно сближение человеком мира внешнего и внутреннего проявляется в следующих выражениях: *slųńco w domk Źo* (солнце идёт домой) «заход солнца» в н.-луж. (Мука, 2: 443), *слънце влиза във майка* (солнце входит в мать) в том же значении в руп. говорах Болгарии (БДА, 1: 275); *снег домой пошёл* «таять (о весеннем снеге)» в ю.-пск. говорах (Карт. ПОС); в каш. говорах зафиксированы такие устойчивые выражения, как *zěta ze zimkq sq bije*, *zima z v'osnq sq bije* (зима с весной бьётся) «метель весной», *to sq zěta z seplq bije* «холодный и одновременно солнечный день зимой» (Sychta, 6: 212,215-216).

Во франк. говорах состояние погоды, когда грозовой дождь переходит в длительный, обозначается как *Is Weter hout si eighängt* (погода прицепилась, схватила под руку) (Berthold: 251).

В н.-луж. говорах существует выражение *šapař mroki rozegańa* (пастух, то есть, месяц на небе, тучи разгоняет) «проясняться (о небе)» (Мука, 1: 939), в котором проявляются представления о месяце как о небесном пастухе. Кашубы, представляющие себе мороз в образе рогатого быка, живущего где-то в России, приписывают ряду природных сил черты облика именно этого мифологического существа: *mroz skid sobe rogi* (мороз скинул рога) «ослабевать (о морозе)» (Sychta, 3: 127), *v'atr skid sobe rogi* «прекращаться (о ветре)» (Sychta, 6: 121).

1.3. Устойчивые обороты, связывающие проявление природных сил с деятельностью конкретного персонажа

В качестве подобных персонажей могут выступать бог, канонизированные или иные лица, наделённые сверхъестественной силой. Такие наименования представляют в сжатом виде народные поверья и картину мифологических воззрений на природу.

Ряд природных явлений может обозначаться в славянских говорах как результат непосредственного проявления божественной силы или атрибутов бога. Это, например, тёплый дождь в солнечную погоду: *бог землю поливас* и *божі сльози* в ср.-поднепр., *бог землю кропит* в волын. (Могила: 26), *манна божа* в ю.-зап. укр. (Могила: 34) говорах.

В значении «радуга» можно отметить *божі ворота* в подол. (Могила: 134), *божий знак* (Толстой 1976: 43) и *божий пояс* (Толстой 1976: 37) в зак. говорах; *bozi duha*, *bozi metla* в чеш. (Толстой 1976: 43) говорах; *божи лък* повсеместно в болг. (Koseska: 37), *пояс на дядо Господ* в сев.-фрак. и балк. болг. говорах (Koseska: 57), *дедов господьов пояс* в ю.-зап. болг. (Koseska: 41), *božji pas* и *božji luk* в серб.-хорв. (Толстой 1976: 37) говорах, *богоф пояс* в макед. (Толстой 1976: 35), *божа стежка* в ср.-полес. укр. (Могила: 134) говорах.

В значении «раскаты грома» зафиксированы устойчивые обороты *бог сухарі возит* в вост.-полес. укр., *бозя калачі везе* в ср.-полес. укр., ср.-поднепр., волын., подол., покут. говорах, *бозя буде калачами угошчати* в волын., *бозьо гуски возит* в поднепр., *бог колесницею їздить* в слоб., *бозя на конях їде* в ср.-поднепр., *бог гнівасця* в ср.-полес. укр., *бозя свариця* (сердится) в зап.-полес. укр. и волын. (Могила: 127) говорах; *Panbůh hněva se* в чеш. говорах (Čěsk. sl., 1: 32), *Bog pow'eda* (бог сказал) (Мука, 1: 56) в н.-луж. (последнее выражение не только обозначает гром, но и указывает на то, что в

этот момент человек должен молчать); кроме того, *boži posel* (PSJČ, 1: 179-180) в чеш., *божа стрела* в ю.-зап. болг. (БДА, 3: 300).

В значении «гроза» отмечены такие наименования, как *божья милость* в яросл. (ЯОС, 2: 8), *божья воля* в сев.-пск. (Карт. ПОС) (в яросл. говорах последнее выражение имеет значение «молния»).

Бог как причина природных явлений выступает также в нем. силез. говорах: *Pater hat gelacht* (бог смеётся) «сверкать (о молнии)» (Mitzka: 160).

Упоминание о боге содержится также в двух каш. выражениях: *bože m'iljone padaja* «дождь в мае или после весенней засухи» и *boži batug* «град» (Sychta, 1: 56), кроме того, в слвц. *hrozba boža* «сильный ветер» (Ripka 1980: 44).

Ряд устойчивых выражений содержит упоминание о богородице и ангелах: *божа матір плаче* «грибной дождь» (Могила: 26) и *присятої Диви пояс* «радуга» в зак. (Толстой 1976: 37) говорах, в последнем значении, кроме того, *богородичен пояс* в болг. (Koseska: 37), *svete Marije pasec* в словен. (Толстой 1976: 35) говорах, *ańólki podarły pierzune* (ангелы разодрали перину) «снег, падающий большими хлопьями» в зап. землях Польши (Кур. 1969: 85) (с этим выражением связано, очевидно, и другое: *pierzyna się rozpruła* (перина разорвалась) в том же значении, отмеченное на границе Силезии и Малой Польши) (Кур. 1969: 85).

Зачастую проявление природных сил связывается в диалектных названиях с некоторыми христианскими святыми, как правило, это св. Николай и св. Илья у восточных славян, св. Пётр – у западных. В значении «первый снег»: *Никола бородоу сіє, потрес бородоу* в гуц., *Пилип приїхав на білому коні* в волын. говорах (Могила: 58). В значении «сухой, мелкий снег»: *sv'qti P'oter v nebe krëpë šrotuje* (Sychta, 5: 90) в каш. говорах. В значении «раскаты грома» – *Илья гуркі по небу возит* в вост.-полес. укр., *святий Микола калачі везе* в поднестр., *Ілько святий горшкі возить* в слоб., *Ілько їздить на колесниці* в ср.-поднепр., волын., гуц., говорах (Могила: 127), *sv'qti P'oter z kolačami jedže* (Sychta, 2: 190), *sv'qti P'oter kam'en'e karëje* (св. Пётр камни везёт), *zvâlâ* (сваливает) (Sychta, 2: 135,126); *sv'qti P'oter v korkax* (в деревянных башмаках) *po nebe ходи* (Sychta, 2: 201), *sv'qti P'oter bečki kulâ* (св. Пётр бочки катает) (Sychta, 2: 283) в каш. говорах; *Petš bula* (св. Пётр шумит) «редкий гром» в н.-луж. говорах (Мука, 1: 94).

Св. Пётр упоминается в связи с метеорологическими явлениями и у силезских немцев: *Petrus segelt, das die Funken stieben* (Пётр летит, искры летят) «сверкать (о молнии)» (Mitzka: 160).

В диалектных славянских названиях метеорологических явлений проявление природных сил может отождествляться и с различными персонажами народной мифологии: мифическими силами, непосредственно их олицетворяющими, а также инфернальными персонажами и представителями определённых национальностей.

Олицетворения природных сил представлены в оборотах *pan Větrovský nám fouká* «дуть со свистом (о ветре)» в чеш., *nebjaski wosc pogrīma* (небесный воз гремит) «гром» (Мука, 1: 324), *wětoroc Hanso* (прототип Иванушки в русском фольклоре) *mimo jědzo* «свиристовать (о ветре)» (Мука, 2: 85) в н.-луж. говорах; *Mrozěvski jaxał na wojnq* (Мрозевский ехал на войну) «усиливаться (о морозе)», *Mrozěvski wrócił z wojně* (Мрозевский вернулся с войны) «ослабевать (о морозе)» (Sychta, 3: 128) в каш. говорах.

Представители «нечистой силы» выступают в диалектных названиях довольно часто в качестве субъектов такого природного явления, как вихрь. На связь кругового движения ветра и демонических сил указывают многие поверья. Одно из них привёл Д.К.Зеленин: нож, брошенный в середину вихря, покроется кровью, так как он ранит множество злых духов (Зеленин: 417). Тема вихря как проявления действия нечистой силы достаточно широко представлена в славянской лексикографии и фразеологии. В настоящей работе можно привести некоторые примеры наименований, в которых «действующим лицом» является чёрт: *чортово веселье* (Тур.Сл., 5: 298), *сатана віхруе* (Тур.Сл., 1: 128) в полес. бел. говорах; *чорт крутит* в ср.- и зап.-полес. укр., волын., подол. (Могила: 173) говорах, *djabel się cieszy, leci, krięci* (дьявол радуется, летает, крутится) повсеместно в пол. говорах (Кур. 1969: 56), *diablov tanec, čertovo kolo* в слов. говорах (Габовштjak: 65).

Помимо чёрта в названиях природных явлений достаточно часто упоминаются русалки или ведьмы: *н'аўкі танц'уют* в зак. говорах (Могила: 178) в значении «вихрь», *čarovnice čeňňajo* «солнечный дождь» (Sychta, 1: 158) в каш. говорах, *відьма масло б'є* «радуга» в волын. говорах (Могила: 134), *відьми бьют* «сверкать (о молнии без грома)» в покут. говорах (Могила: 121) и др.

Кроме ведьм, «причинами» тех или иных природных явлений могут быть другие женские мифологические персонажи, не обладающие в обязательном порядке отрицательным характером воздействия на людей. В каш. говорах таким персонажем является *cotka* (тётка): *čota na metle tańču* «вихрь», *cotka stara* «дождевая туча», *cotka oščona* и отсюда *oščoni v'ater* «весенний южный ветер» (Sychta, 1: 139). В чеш. говорах это - *Bezručka*, а в бук., гуц. говорах – *Евдоха, Евдокия: Bezručka chodi* (Zaorálek: 741) «дуть со свистом (о ветре)»; *Евдоха гуляє, баба Дукія трусі свої кожухи, Евдока мете,*

филі Евдоха гонит «снег, падающий на первое марта» (Могила: 79-80). В названиях радуги отмечены такие выражения, как *красна дівка* в ю.-зап. укр. (Желех., 1: 375), *красна дівка воду бере* в подол., *дівоче коромисло* в ср.-полес. укр., *сестриці небесні* «двойная радуга» в подол. говорах (Могила: 134, 135).

В диалектных названиях природных явлений встречаются также некоторые другие персонажи, связанные с силами природы, например, *Ясь* в пол. наименованиях вихря: *glupy jasio*, *czarny jasiu* (глупый Ясь, чёрный Ясь) в вел.-пол. или *glupy jaś* в мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 56).

У немцев Силезии для обозначения морозной, но бесснежной погоды используется выражение *blanker Heinrich* (голый Генрих) (Mitzka: 92).

В названиях инея может фигурировать серый, седой старик (дед): *sěvi starušk* в каш. говорах (Sychta, 5: 163) и *šery žed se šerym plaščom se pořa* в н.-луж. говорах (Muka, 2: 631). В каш. говорах отмечено выражение *knapi za ušě šćipq (xvataja)* (парни за уши щиплют (хватают)) «сильный мороз» (Sychta, 2: 177).

В нем. силез. говорах объектом сравнения могут быть крестьянские юноши: *es schneit Bauernjungen* «падать крупными снежинками (о снеге)» (Mitzka: 98).

Субъектом или объектом проявления природных сил в диалектных устойчивых выражениях могут быть также животные, пресмыкающиеся, птицы, рыбы: *змея крутит* «вихрь» в вост.-полес. укр. (Могила: 177) и в том же значении *šwiniacy ogon* (свиной хвост) в маз., *šwiński glut* в вел.-пол. говорах (Кур. 1969: 57); *ovčã sm'erč* «снег с дождём» в каш. говорах (Sychta, 3: 349); *kozji rozi* «юго-восточный ветер» в серб.-хорв. (Koseska: 17); *лисичащи байрек, лесичина свадба, лесичино платно* «радуга» в родоп. говорах (Koseska: 49-59); в значении «грибной дождь» – *lěsa ogrãška trãse* (лихорадка трясёт лиса) (Sychta, 2: 357), *v'ilka ogrãška trãse* (лихорадка трясёт волка) (Sychta, 3: 297), *rěbě majq v'esele* (у рыб свадьба) (Sychta, 4: 204) в каш. говорах; животная тема представлена также в каш. устойчивых выражениях *jidže p'es p'rez v'es* (идёт собака через деревню) «метель с дождём» (Sychta, 4: 262), *pasteř rib* (пастух рыб) «западный ветер» (Sychta, 6: 123), а также в выражениях *gešia kasza*, *gešia bieda* (гусиная каша, гусиная нужда) «мелкий, сухой снег» в южных районах вел.-пол. говоров (Кур. 1969: 85).

В говорах силезских немцев при обозначении природных явлений используются названия таких представителей живой природы, как змеи и комара: в значении «сверкать (о молнии)» – *schmesst Schlanga(en)*, *iz koam ne Schlange* (Mitzka: 160); во

франк. говорах в значении «пройти (о морозящем дожде)» – *Dã had a Schnãg brunsd* (*Schnãg* - комар, *brunsn* – uinieren) (Steinmetz-Hoffmann: 150-151).

В ряде устойчивых оборотов природное явление связывается с представителями некоторых национальностей или жителями определённой местности. Так, в гуц. говорах значение «грибной дождь» передаётся при помощи оборота *циганське весилле* (Могила: 27); в каш. говорах отмечены выражения *švedzë krëpë na žarnach melq* (шведы размалывают крупу на жерновах) «мелкий, сухой снег», *švedzë skubq gqse* (шведы щиплют гусей) «падать хлопьями (о снеге)» (Sychta. 4: 310-311) (характерно, что и в некоторых немецких диалектах Луна называется *Schwedsch Sünn*, то есть шведское солнце); в н.-луж. говорах прояснение неба может получать такое обозначение, как *Budycharë se smeju* (жители Будышина смеются) (Muka, 1: 57).

1.4. Сравнительные обороты в обозначениях природных явлений

Разновидностью устойчивых выражений в славянских метеорологических наименованиях являются сравнительные обороты. Под ними подразумеваются наименования типа *дошч як стiна* «сильный, проливной дождь» в ср.-поднепр. говорах (Могила: 24), в которых объект природы обозначается за счёт сравнения с другой реалией, обладающей, как правило, характерным внешним видом.

А.А. Потебня различал сравнения с точки зрения соответствия символа своему предмету. В полном сравнении, по его мнению, символ является то приложением (конь-сокол), то обстоятельством (зеницею кычать). Более поздним ему представляется сравнение в виде полного или сокращённого придаточного предложения с сравнительным союзом. Присутствие союза, считает А.А.Потебня, доказывает, что между предметами существует большое различие. Выражения, содержащие сравнения в виде существительного в творительном падеже, по мнению А.А.Потебни, демонстрирует превращение одной реалии в другую (Потебня 1989: 286-287).

Для обозначения характеризуемого предмета могут подбираться различные варианты сравнения. Фиксация аналитических элементов (сравнений) номинативной единицы позволяет сделать выводы о круге актуализируемых в говорах признаков при характеристике различных природных явлений. Как правило, природное явление сравнивается либо с конкретным предметом, либо с определённым образом проявления.

Непосредственно некоему предмету природное явление уподобляется в следующих выражениях: *дошч як мак* «мелкий, морозящий дождь» на волынско-западнополесском

пограничье (Могила: 34); в значении «снег, падающий крупными хлопьями» – *сніг як врублі* в волын., *сніг як рукавиці* в поднестр., *сніг як леликі* в зак., *сніг як мухи* в бук. говорах (Могила: 61), *śnieg by tuchi* в маз. и *śnieg jako (by) welne* (снег как шерсть) в мал.-пол. говорах и зап. землях Польши (Кур. 1969: 85); кроме того, *град як горіхи* (град как орехи) «крупный град» повсеместно в укр. говорах (Могила: 54), *v'atr jak klin, v'atr jak zli dëx* в каш. говорах (Sychta, 6: 121).

Предмет или явление, с которыми сравнивается в названии обозначаемая реалья, именуется иногда в говорах лексемой с тем же значением, что и весь сравнительный оборот в целом. Так, в ср.-поднепр. и подол. говорах в значении «сильный, пронзительный ветер» выступают и лексема *зола*, и сравнительный оборот *вітер як зола* (Могила: 169); аналогично в сев.-пск. говорах в значении «тающий лёд весной» отмечены как сравнительный оборот *лёд как свечка*, так и самостоятельная лексема *свечка* (Карт. СРГК).

Зачастую обозначаемое явление сравнивается не с предметом непосредственно, а с определённым образом проявления, демонстрирующим интенсивность или объём. Большое количество подобных сравнительных оборотов в исследуемых славянских говорах обладает значением «сильный, проливной дождь» или «сильно лить (о дожде)». При этом дождь называется по ёмкости, из которой он как бы выпадает или которую наполняет. Подобное обозначение ливня представлено в следующих выражениях: *лить как из ведра* во всех рассматриваемых нами русских говорах, *лиць (плюжыць) як з ведра* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 19), *дождь плюсь як з ведра* в вост. бел. говорах (Нос.: 420), *дошч ліс як з ведра* повсеместно в укр. (Могила: 24), *дошч полосус як з ведра* в полт., *дошч як з цебра* (как из ведра) в бойк. (Могила: 51) (в бойк. говорах отмечен и глагол *цебрить* в том же значении), *геўшкать як з коноўкі* в гуц. (Могила: 51), *дошч як з коноўкі* в гуц., бук. и бойк. (Могила: 24); *leje jak z cebra* повсеместно в пол. говорах, *leje jakby cebrem* на маз.-сев.-пол. пограничье, *leje jak z wiadra* в ю. и вост. районах Польши, а также в зап. землях (Кур. 1969: 85); *dešč pada jak z cebra* в каш. говорах (Sychta, 1: 116) (здесь сущ. *ceber* уже делексикализовано); *дъжд като из ведро* повсеместно в болг. говорах и *буря из ведро* в балк. говорах (Koseska: 38).

К этой группе наименований относятся, кроме того, следующие обороты: *дождь на полные горшки* в бр. (Карт. СБГ), *лить как из ковша* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *лиць што у каць* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 357), *дошч як з казана* в бук. (Могила: 24) говорах; *leje jak z kadzi, leje jakobyś kadź przewrócił* в мал.-пол. (Кур. 1969: 85); *laś se ako*

z bańami (льётся как горшками) в н.-луж. говорах (Мука, 1: 806); польские названия проливного дождя можно дополнить и другими примерами: *leje jak z kubla* (как из ушата) на маз.-каш. пограничье, *leje jak z beczki* в силез., мал.-пол. говорах и в зап. землях Польши, *ale becha badziami* в Силезии и южной части Малой Польши, *leje jak z rynny* (как из жёлоба) на границе силез. и вел.-пол. говоров (Кур. 1969: 85), *дошч як з ціўке* в бойк. (Могила: 24) и аналогично *leje jak z cewki* в маз. и варм.-мазур., *leje cewkami* в сев.-зап. районах мал.-пол. говоров и прилегающих к ней маз. говорах (Кур. 1969: 85); *ліць што з кары* в вост. бел., *ляць як з луба* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 674), *дошч як з луба* в волын. (Могила: 24) говорах.

В значении «мелкий, морозящий дождь» отмечены названия *дошч як кріз' сито* во всех полес. укр., подол. и бойк., *дошч як сквоз' сито* в ср.-полес. укр., *дошч як курка плаче* в Тернопольской области (Могила: 34), *deszcz jak sitkiem pada* (как ситом) в варм.-мазур. (Кур.-Więg.-Jan. Sł. Warm.: 54), *дождь ситом* в вост. бел. (Нос.: 580), *дошч што веялкой веіць* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 305), *дождь как из кошеля вытряхивает* в сев.-пск. (Карт. ПОС) говорах.

Аналогичную семантическую структуру имеют сравнительные обороты, обозначающие и другие виды осадков: *сипнуло градом як з міха* (как из мешка) в говорах Галиции (Могила: 95), *валіць як з шуфляк* (от нем. *Schaufel* «лопата») в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 5: 510), *biały śnieg jako z woru* (белый снег как из мешка) в пол. (Кур. 1969: 85) говорах.

В качестве объекта сравнения может выступать и состояние атмосферы в определённый момент времени: *śnieg padà jak v zàpustě (zàpustě* – период от воскресенья до праздника, отмечаемого в среду) «падать хлопьями (о снеге)» (Sychta, 6: 185); *погода як на новий рік* в том же значении в вост.-полес. укр., степ., ср.-поднепр. и волын. говорах (Могила: 79).

В ряде случаев отмечены параллельные сравнения предмета (субстанции) и процесса проявления: *дождь по бабьему жамку* «сильный дождь» в ср.-пск., *снег по бабьему глотку* в ю.-пск. и ср.-пск., *снег по мужицким глотням*, *снег по бабьему жамку* в ю.-пск. говорах в значении «снег, падающий хопьями» и *идти по мужицким глотням* в ю.- и ср.-пск. в значении «идти большими хлопьями (о снеге)» (Карт. ПОС).

2. СВОБОДНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Среди диалектных аналитических наименований природных явлений важное место занимают свободные словосочетания. Как правило, объектом диалектной лексикографии становятся лишь те словосочетания, состав которых отличается устойчивостью. Грамматически зависимый компонент словосочетаний (выраженный, например, именем прилагательным) рассматривается в качестве самостоятельного номинативного элемента только в том случае, если в составе словосочетания он обладает фразеологически связанным значением. Однако, уже отмечалось, что степень и форма сужения семантики прилагательного в словосочетаниях может быть различной и в ряде случаев в воспроизводимой номинативной единице оно выступает в свободном значении (Кругликова, Попов, 1975, с.87-92).

Можно говорить о различных функциях синтаксически свободных аналитических наименований, имея в виду характер выражения ими денотата. В разных номинативных контекстах лексема открывает ту или иную сторону образа, передаваемого ею. Например, мороз в особенно сильной форме его проявления может обозначаться в славянских говорах при помощи словосочетаний, в которых актуализируются различные его признаки: *дикой, плящой мороз* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *цежолы мороз* (Янк.: 192) и *люты мороз* (Тур.Сл., 3: 56) в полес. бел. (как и *лютый мороз* в рус., *лютий мороз* в зак. (Могила: 139), *люти мраз* в родоп. (Koseska: 29) говорах, в сев.-зап. бел. говорах зафиксированы словосочетания *велькі* (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 295), *моцны* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 78), *пякушчы* (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 214), *скалецкі* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 433) *мороз*; в зап.-полес. укр. и поднестр. говорах – *тріскучий мороз* (Могила: 139) (как и *трескучий мороз* в рус., *трэскучы мороз* в полес. бел. (Сл.Тур., 5: 161) говорах), в бук. говорах – *дужий мороз*, в вост.полес. укр. говорах мороз, кроме того, может быть *здарови*, в полт., зак. и посан. – *великий* (Могила: 139); в каш. говорах - *stari mroz* (Sychta, 3: 127).

В таких случаях словосочетания не только эмоционально характеризуют понятие (в данном случае очень низкую температуру воздуха), но и служат для обозначения его определённого признака, то есть мороза с высокой степенью интенсивности. В этой функции словосочетания занимают очень важное место среди других номинативных единиц.

В функции обозначения разновидностей тех или иных явлений словосочетания обладают рядом особенностей. Так, диалектные названия часто включают в себя выражение отношения говорящего к природному явлению, в частности, его объяснение: в чеш. говорах иней – *zmrzla rosa* (замёрзшая роса). В словосочетаниях, кроме того, иногда проявляется разница между объективным значением и внутренней формой. В бр. словосочетании *дождь с бурболками*, то есть дождь, во время которого по лужам идут пузыри, означает в первую очередь сильный дождь, падающий мощными струями. С другой стороны, вост.-полес. укр. выражения *блискаўка на жару* (*на посуху, на суху погоду*) (Могила: 120), своей внутренней формой указывающие на последствия молнии, обозначают прежде всего её разновидность – молнию без грома. Кроме того, обозначения одного и того же референта могут обладать сходной, но всё-таки отличающейся внутренней формой. Иней, изморозь, например, обозначается то как белый мороз, то как серый: *белый мороз* в бр. (Карт. СБГ), ю.- и ср.-пск. (ПОС, 1: 167), *biały mroz* в сев.-пол. и маз. (Кур. 1969: 107), *báli mroz* в каш. (Sychta, 3: 127), *bilý mraz* в чеш. (PSJČ, 2: 271), *sivy, szady mroz* в различных пол. говорах (Кур. 1969: 107), *šěvi mroz* в каш. (Sychta, 3: 127), *šedivý mraz* в чеш. (PSJČ, 2: 971) говорах.

Синтаксически свободные словосочетания по особенностям обозначения референта можно разделить на три группы:

- словосочетания, в которых «метеорологическое» значение является основным для синтаксически зависимого слова (*градовой дождь* в ю.-пск. говорах);
- словосочетания, в которых «метеорологическое» значение является переносным для синтаксически зависимого слова (*пякушчы мароз* в сев.-зап. бел. говорах);
- словосочетания, в которых зависимое слово не обладает «метеорологическим» значением (*великий дождь* в степ. говорах Украины).

2.1. Словосочетания, в которых зависимое слово обладает основным метеорологическим значением

Подобные словосочетания, в составе которых синтаксически зависимые слова относятся именно к определённой тематической группе, составляют значительную часть метеорологических наименований.

2.1.1.1. Обозначения сильного, проливного дождя

В наименованиях сильного, проливного дождя можно выделить несколько мотивационных групп.

Одинаково распространёнными в вост.- и зап.-слав. говорах является название этого типа осадков с использованием прилагательных, производных от глагола *liti: *заливной дождь* в яросл. (ЯОС, 4: 81), всех пск. (Карт. ПОС), лад.-тихв. (Карт. СРГК), *заливный дождь* в бр. (Карт. СБГ), ю.-пск. (Карт. ПОС), *заливний дощ* в ср.- и зап.-полес. укр., ср.-поднепр. (Могила: 22), *залівны дождж* в полес. бел. (Тур.Сл., 2: 105) и сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 46) говорах; *залевный дождь* в яросл. (ЯОС, 4: 81), *заливанный дождь* в ср.- и сев.-пск. (Карт. ПОС), *заливунный дождь* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *заливающий дождь* в сев.-пск. и лад.-тихв. (Карт. СРГК), *заливнущий дождь* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *зливний дощ* в зап.-полес. укр. и гуц. (Могила: 22), *zlewny deszcz* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 32), *слевной дождь* (доп. сема – «затяжной») и *сливный дождь* в яросл. (ЯОС, 9: 45), *сливной дождь* в бр. (Карт. СБГ), сев.-пск. и лад.-тихв. (Карт. СРГК), *ливный дождь* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *ліўны дождж* в полес. бел. (Тур.Сл., 3: 34), *ліўнявы дощ* в ср.-полес.укр. (Могила: 22), *налойный дождь* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *nalewny deszcz* в вел.-пол. и маз. (Кур. 1969: 32), *улаўний дощ* в зап.-полес. укр. (Могила: 22), *уле(i)ўны дождж* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 5: 204-205), *ulewny deszcz* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 32), *uliszny deszcz* в силез. (Кур. 1969: 32), *ulišny dešt'* в чеш., *проливной дождь* повсеместно в рус., *праліўны дождж* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 85), *проливний дощ* в бойк. (Могила: 22), *проливенный дождь* в бр. (Карт. СБГ) и сев.-пск. (Карт. ПОС) говорах.

Проливной дождь также может быть представлен названиями, содержащими производные от глагола *biti: *забоистый дождь* в яросл. (ЯОС, 4: 54), *забойный дождь* в бр. (Карт. СБГ) и ср.-пск. (Карт. ПОС), *забойны дождж* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 182), *забивной дождь* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *набитый дощ* в бук. (Могила: 20) говорах.

Как бурный, стремительный представлен проливной дождь в словосочетаниях *gwaltowny deszcz* в вел.-пол. (Кур. 1969: 58), *гвалтоўны дождж* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 438), *буйный дождь* в бр. (Карт. СБГ), ю.-пск (здесь с дополнительной семой – «затяжной») и вост. бел. (Нос.: 38), *напірний дощ* в зак. (Могила: 22), *бурен дъжд* в ю.-зап. болг. (Koseska: 37), *oberv'isti dešč* в каш. (Sychta, 3: 68), а также в других словосочетаниях.

На связь с другими явлениями природы указывают такие словосочетания, как *градовой дождь* в ю.-пск., *буеражный дождь* (*буераки* – порывы ветра) в ср.-пск. (Карт. ПОС), *тучный дощ* в ср.-поднепр. (Могила: 22) говорах.

На основе эмоционального сближения по интенсивности проявления проливной дождь может быть назван *жаркій дощ* в зап.-полес укр. (Могила: 22), *парной дождь* в лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах. (В яросл. говорах отмечено словосочетание со сходным видом семантической мотивации – *знойный дождь* «осенний затяжной дождь» (ЯОС, 4: 125)).

2.1.1.2. Обозначения мелкого, морозящего дождя

В наименованиях мелкого, морозящего дождя отмечены наименования, противопоставляющие этот вид дождя проливному: *непроливенный дождь* в бр. (Карт. СБГ) и *незабойный дождь* в ср.- и сев.-пск. (Карт. ПОС) говорах.

Словосочетания, обозначающие морозящий дождь, мотивируют своё значение и размером капель: *морозящий дождь* повсеместно в рус. говорах, *мараслівы* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 253), *міглавы* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 65) *дождж* в сев.-зап. бел., *deszcz mglisty* в сев.-пол. и маз. (Кур. 1969: 26), *kuřawowaty dešť* в н.-луж. (Мука, 1: 48) говорах; *паморочный дождь* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *сиплий дощ* в зак. (Могила: 33) говорах; *капленный дождец* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *кропельный дожджик* в вост. бел. (Нос.: 254) говорах.

В зависимости от длительности выпадения морозящий дождь может иметь название *мочливый дождь* в яросл. (ЯОС, 6: 64), *мачкатий дощ* в гуц., *слотовий дощ* в бук. (Могила: 33, 36) говорах, если он затяжной, и *проносный дождь* в яросл. (Карт. ЯОС), если он кратковременный.

2.1.1.3. Обозначения длительного, затяжного дождя

Длительность выпадения дождя является в славянских говорах отдельной семантемой. Наиболее распространённый способ обозначения дождя со значительной длительностью выпадения – использование словосочетаний следующего типа: *окладной дождь* в яросл. (ЯОС, 7: 39) и всех пск. (Карт. ПОС), *акладны дождж* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 72), *обкладны(о)й дождь* в бр. (Карт. СБГ), ю.- и ср.-пск. (Карт. ПОС), а также *аблажны*, *абложны дождж* в вост. бел. (Касьп.Віц.Сл.: 25-26), *обложной дождь* в различных рус., *обложний дощ* в ю.-вост. и ср.-полес. укр. говорах.

В обозначениях затяжного дождя могут также использоваться прилагательные, производные от глагола со значением «лить»: *заливной дождь* в ср.-пск. (Карт. ПОС) и лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах, в говорах Псковской области встречается, кроме того, словосочетание *запывной дождь* (Карт. ПОС).

Некоторые прилагательные в составе таких словосочетаний могут быть мотивированы существительным со значением «затяжной дождь», «погода» и т.п.: *погодливый дождь* в ю.- и ср.-пск (Карт. ПОС), *погодный дождь* в ю.-пск. (Карт. ПОС), *šlagovi dešč* в каш. говорах (Sychta, 5: 261).

Иногда зависимое слово непосредственно указывает на длительность: *затяжной дождь* в рус. говорах, *зацяжны* (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 268), *працяглы, працягушчы* (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 106) *дождж* в сев.-зап. бел., *зат'яжни дошч* в Ровенской обл. Украины (Могила: 42), *deszcz ciągly, ciągowy* (тянущийся) в мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 41); в ср.-полес. укр., степ. и волын. говорах зависимое слово указывает на длительность дождя более конкретно – *сутковий дошч* (Могила: 42).

2.1.1.4. Обозначения дождливой погоды

В обозначениях погоды, изобилующей дождями, преобладают прилагательные, мотивированные существительными со значением «дождь»: *дождливая погода* в различных рус., *даждлівая пагода* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 14), *дожделивый день* в ю.-пск., *дождивый день* в ср.- и сев.-пск. (Карт. ПОС), лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах, *дажджавы дзень* в сев.-зап. бел. (Шат.Сл.Черв.: 176) и вост. бел. (Касьп.Віц.Сл.: 90) говорах; *pogoda dżdżysta* в вел.-пол., *czas deszczowy* в силез., *deszczowate dni* в варм.-мазур. и маз. говорах (Кур. 1969: 41); *dejścowaty cas, deščowate w'edro* в н.-луж. говорах (Мука, 1: 167); *plugawe dni* в варм.-мазур., *pluskotliwy czas* в маз., *psotny czas* в силез., *dni slotne* в вел.-пол. и мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 41).

О воздействии на природу длительных дождей говорят следующие словосочетания: *мочливое время* в яросл. (Карт. ЯОС) и бр. (Карт. СБГ), *мочливая погода* в лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах, *маклявы год* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 250) и *мачлівы год* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 52), *макрывы год* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 16) в сев.-зап. бел. говорах, *mokré v'odro* в каш. (Sychta, 6: 163), *mokšowate w'edro* в н.-луж. говорах (Мука, 1: 926).

На «субстанцию» такой погоды указывают словосочетания *водивая погода* в ю.-пск. (ПОС, 4: 73), *водотопная погода* (ПОС, 4: 79), *водяная погода* (ПОС, 4: 80) в ср.-пск., *водоплавный год* (ПОС, 4: 78-79) в сев.-пск. говорах.

2.1.1.5. Обозначения кратковременного дождя

В названиях кратковременного дождя преобладают словосочетания, значение которых мотивировано быстротой, скоротечностью этого вида осадков: *набегной дождь* (ЯОС, 6: 79) и *проносный дождь* (Карт. ЯОС) в яросл., *прайсьёвы* (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 81), *праходны* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 504) *дождж* в сев.-зап. бел. говорах, здесь также *перарыўны дождж* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 499-500).

Названия кратковременного дождя могут быть мотивированы и его внезапностью: *раптовий дощ* в различных укр., *наглий дощ* на гуц.-зак. пограничье (Могила: 25).

В яросл. говорах отмечена ещё одна разновидность семантической мотивации кратковременного дождя – *облачно(ы)й, оболочной дождь* (ЯОС, 7: 12).

2.1.1.6. Обозначения дождя, сопровождаемого ветром

Дождь, сопровождаемый ветром, обозначается либо по процессу его выпадения – *заливной дождь* в ю.-пск. говорах (Карт. ПОС), либо по сопутствующему метеорологическому явлению – *вітровий дощ* в зак. говорах (Могила: 29).

Названия этого вида дождя могут быть мотивированы траекторией падения капель: *бічний дощ* в ср.-полес. укр., *коский дощ* в слоб. говорах (Могила: 29). В некоторых говорах этому явлению соответствует семантема «дождь, падающий косо»: *косый дождь* в бр. (Карт. СБГ), *косикастый дождь* в ю.-пск. (Карт. ПОС), *падрэзны дождж* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 319) говорах.

2.1.1.7. Обозначения дождя, выпадающего по прямой траектории

Противоположный в семантической системе говоров дождь, падающий прямо, называется *ровенький дождь* в бр. (Карт. СБГ) и ю.-пск. (Карт. ПОС) говорах, а с представлением этой семантемы как «дождь в безветренную погоду» – *баганы* (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 146), *плаўны* (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 532) *дождж* в сев.-зап. бел. и *цихинький дождж* в вост. бел. (Нос.: 689) говорах.

Отдельные семантемы, например, «дождь, падающий двумя скрещивающимися потоками», выделяются лишь в одной группе говоров – лад.-тихв. *крестовой дождь* (Карт. СРГК). Эту особенность диалектов можно наблюдать и в обозначениях других природных явлений: только в сев.-пск. из исследуемых говоров выделяются «молния, освещающая всё небо» – *незажигательная молния* и «кратковременная молния с ударом грома» – *зажигательная молния* (Карт. СРГК).

2.1.2. Обозначения сухого снега

Этот тип снежных осадков может называться по сопутствующему состоянию атмосферы: *морозный снег* в ю.-пск. (Карт. ПОС), *mrozni śnieg* в каш. (Sychta; 3, с.127) говорах, а также по особенностям его агрегатного состояния: *suchy śnieg* повсеместно в пол., *śronowaty śnieg* в мал.-пол. (Кур. 1969: 86) говорах; *sěxi śnieg* в каш. (Sychta, 3: 127), *суф снег* в макед. (Архив СУ) говорах.

На характерный внешний признак сухого снега указывают словосочетания *крупчаты снег* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 531), *крупнастий сніг* в поднестр., *круповий сніг* в посан. (Могила: 54), *kaszaty, kaszowy śnieg* в мал.-пол., *kaszkowaty śnieg* в вел.-пол. и маз., *krupasty, krupnisty śnieg* в мал.-пол. говорах и зап. землях Польши, *krupowaty śnieg* в вел.-пол., *krupkowaty śnieg* в маз. говорах (Кур. 1969: 86), *krupkovity snih* в мор. говорах (Bartoš: 292). В маз. говорах и зап. землях Польши этот вид снега может быть назван *gradowy śnieg* (Кур. 1969: 86).

2.1.3. Обозначения сильного ветра

Это значение реализуется обычно с помощью прилагательных, обозначающих высокую интенсивность, скорость ветра, быстроту перемещения или сокрушающую силу: *гонкий ветер* в бр. (Карт. СБГ), *промётны ветер* в вост. бел. (Нос.: 502), *разрыўны ветер* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 404) говорах.

2.2. Словосочетания, в которых метеорологическое значение синтаксически зависимого слова является переносным

Помимо словосочетаний, называющих разновидность природного явления при помощи зависимого слова, употреблённого в прямом значении, встречаются словосочетания, в рамках которых зависимый компонент (обычно имя прилагательное) испытывает некоторую семантическую трансформацию. Вне словосочетания такие прилагательные обладают либо оценочным значением («ужасный», «страшный», «хороший», «приятный» и т. п.), либо значением с более определённой денотативной основой. В составе словосочетания эти прилагательные трансформируют своё значение, связывая его с обозначением природного явления. Например, прилагательное *łagodny* в пол. языке имеет значение «мягкий, добрый», а прилагательное *gruby* – «толстый, значительный». Словосочетание *chmura łagodna* в мал.-пол. говорах означает тучу, не предвещающую осадков, а *chmura gruba* в вел.-пол. и мал. -пол. говорах - тучу, предвещающую дождь.

2.2.1.1. Обозначения сильного, проливного дождя

Сильный, проливной дождь может быть представлен в славянских говорах как щедрый, сочный: *пажадлівы дождж* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 324), *рысний дошч* в бойк. и ю.-вост. укр. (Могила: 20), *obfity deszcz* в памятниках пол. языка (Кур. 1969: 32), *sytny dešť* в чеш. говорах; а также как ужасный: *окропный дождж* в вост. бел. (Нос.: 362) и *deszcz srogi* в силез. (Кур. 1969: 32) говорах.

Проливной дождь может быть назван также густым, толстым: *густой дождь* в бр. (Карт. СБГ) и ср.-пск. (Карт. ПОС), *густий дошч* повсеместно на Украине (Могила: 20), *gruby deszcz* (Кур. 1969: 32) в варм.-мазур., маз. и силез., *частой дождь* в яросл. (ЯОС, 3: 117) говорах.

Кроме того, ливень может быть представлен как острый дождь – *ostri dešč* в каш. говорах (Sychta, 1: 263).

В ряде случаев проливному дождю приписываются черты, свойственные самому человеку: *шалной дождь* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *упрямий дошч* в бойк. (Могила: 22), *tvrdošijny* (упрямый) *dešť* в чеш. говорах.

2.2.1.2. Обозначения мелкого, морозящего дождя

Моросящий дождь может быть назван как *грибний дошч* в ср.-полес. укр., *скупий дошч* в степ. (Могила: 33) говорах. В каш. говорах это ангельский дождь - *ańelskà dâka* (Sychta, 1: 186), в силез. – редкий: *deszcz rzadki* и солнечный: *deszcz słoneczny* (Кур. 1969: 26), в маз. говорах – майский: *deszcz majowy* (Кур. 1969: 26), в ю.-пск. – прямой, тонкий: *пряменький дождик*, *тоненький дождик* (Карт. ПОС).

В сев.-зап. бел. говорах данной семантеме может соответствовать другая – «дождь, падающий тонкими струйками» *ніцяны дождж* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 298).

2.2.1.3. Обозначения затяжного дождя

В бр. говорах длительный дождь имеет название *лежачий дождь* (Карт. СБГ), в ю.-пск. - *самостоятельный дождь* (Карт. ПОС).

2.2.1.4. Обозначения кратковременного дождя

В бойк. говорах это значение передаётся при помощи словосочетания *напрасний дошч* (Могила: 25).

2.2.1.5. Обозначения тёплого дождя в солнечную погоду

Названия солнечного дождя обладают различными видами семантической мотивации. Это *игривый дождь* и *радужный дождь* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *солнечный дождь* в ю.-пск. (Карт. ПОС), *солнэчны дож* в полес. бел. и зап.-полес. укр. (Азимов: 214), *сонечни дошч* в вост.-полес. укр., *сонячний дошч* в ср.-поднепр. (Могила: 25), *sloneczna huška* в каш. (где *huška* – «кратковременный морозящий дождь») (Sychta, 2: 16), *летны* и *пасеўны дождж* в сев.-зап.бел (Сцяшк.Сл.Гродз.: 237,492), *жнiўнiй дошч* в подол. говорах (Могила: 34), *боровичный дождь* в бр. (Карт. СБГ), *волнушный* и *рыжечный дождь* в русских говорах Карелии (Карт. СРГК), *kapustni dešč* в каш. говорах (Sychta, 2: 134), *гнилой дождь* в сев.-пск. и *сеногнойный дождь* в ю.-пск. (Карт. ПОС), *падалишнiй дошч* в полес.укр. и подол. (Могила: 26) говорах.

2.2.1.6. Обозначения приятного дождя

В н.-луж. говорах эта семантема представлена словосочетанием *boży dešč* (Muka, 1: 68). В ср.-пск. говорах отмечено словосочетание *уладный дождь* в значении «дождь, прошедший вовремя» (Карт. ПОС).

2.2.1.7. Обозначения дождя в безветренную погоду

Для обозначения этой разновидности дождя в миз. говорах Болгарии существует словосочетание *кротък дъжд* (Koseska: 48).

2.2.2.1. Обозначения сильного ветра

Сильный ветер может быть представлен в славянских говорах, как и сильный дождь, в качестве страшного, ужасного: *wiatr okropny, straszny* повсеместно в пол. говорах (Кур. 1969: 47), острого: *гостры вецер* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 468), *ostrzy wiatr* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 44), слепого: *сляпы вецер* «сильный ветер со снегом или песком» в сев.-зап. бел. говорах (Сцяшк.Сл.Гродз.: 443).

2.2.2.2. Обозначения лёгкого, слабого ветра

Эта разновидность ветра обладает в славянских говорах положительной семантикой: *wiatr dobry, lagodny, piękny* повсеместно в пол., *powietrze ladne* в мал.-пол. и сев.-пол., *powietrze mile* в мал.-пол. на пограничье с Украиной, *powietrze lagodne* в вел.-пол. говорах (Кур. 1969: 53,55).

Лёгкий ветер может также называться острым – *powietrze ostre* в вел.-пол., мал.-пол. и маз. говорах (Кур. 1969: 46) или связываться в названии с характерным для него временем года - *wiatr letni* (Кур. 1969: 53).

2.2.2.3. Обозначения холодного, пронизывающего ветра

Холодный ветер обозначается в славянских говорах как неприятный - *wiatr przykry* (Кур. 1969: 47), «грызущий, зубатый» - *ugrězli v'ater* (Sychta, 6: 124) *zebavý, zubátý vitr* в чеш., острый - *гострий вітер* в ср.-полес.укр. и ср.-поднепр. говорах (Могила: 168), тонкий - *тонкий ветер* в яросл. (ЯОС, 9: 109), *vitr tenkyj* (Hruška: 99), *cisnej* (Vydra: 98) в чеш. говорах.

2.2.2.4. Обозначения тёплого ветра

Тёплый, резкий ветер получает особое наименование при помощи словосочетания в яросл. говорах – *густой ветер* (ЯОС, 3: 117). В некоторых славянских говорах в названии тёплого ветра подчёркивается его значение для сельскохозяйственных работ: *жниўний вітер* «тёплый слабый ветер» и «сухой ветер во время жатвы» в бук. (Могила: 171), *жътварския вятър* «летний ветер» в ю.-зап. болг. говорах (Архив СУ).

2.2.2.5. Обозначения ветра, предвещающего бурю

В каш. говорах этот ветер характеризуется в названии как дикий: *płoxi v'atr* (Sychta, 4: 88), неожиданный тёплый ветер, предвещающий бурю, назван живым – *dzěvi v'atr* (Sychta, 6: 123).

2.2.2.6. Обозначения северного ветра

Северный ветер по особенностям его восприятия говорящими в сев.-пск. говорах получил наименование *жёсткий ветер* (Карт. ПОС), в ср.-полес. укр. – *холодний вітер*, в покут. – *студений вітер* (Могила: 154), в руп., родоп., ю.-зап. болг. – *студения вятър* (Koseska: 16). Иногда северный ветер обозначается по локальным ориентирам – *задний ветер* в яросл.говорах (ЯОС, 4: 69).

2.2.2.7. Обозначения южного ветра

Южный ветер так же, как и северный, может получать наименование по характерному для него состоянию атмосферы: *тёплый ветер* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *теплый вітер* в

ср.-полес. укр. и покут. (Могила: 154), *топлия вятър* в балк. болг. и руп. (Koseska: 23), *жежкия вятър* (Koseska: 16).

Кроме того, южный ветер нередко называется по его «смягчающему» воздействию на природу: *мягкий ветер* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *zmiękowy wiatr, ulgowy* (приносящий облегчение, передышку) *wiatr* в мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 46).

В балк. болг. говорах этот ветер получил название бешеного: *людия вятър* (Koseska: 10).

2.2.2.8. Обозначения западного ветра

Западный ветер, как и другие разновидности ветров, зачастую называется по характерной для него температуре – *тёплый ветер* в бр. говорах (Карт. СБГ) или сопутствующим метеорологическим явлениям – *rosovy, psotni v'atr* в каш. говорах (Sychta, 6: 123).

В нем. говорах Чехии зафиксировано обозначение западного ветра как дующего со стороны, откуда приходит непогода и появляются тёмные облака: *aus dem Watterwinkel* (Atl.Mund.Tschech., 2: 143).

2.2.2.9. Обозначения восточного ветра

Восточный ветер может быть представлен в говорах как положительное метеорологическое явление: *благой ветер* в сев.-пск. говорах (Карт.ПОС).

В ю.-зап. болг. говорах ветер данного направления получил наименование по характерному для него времени дня – *вечерняя вятър* (Koseska: 12), в н.-лух. говорах этот же ветер назван утренним – *jutšny wěťš* (Мука, 1: 559), а в каш. – дующим в обеденное время – *ob'adni v'ater* (Sychta, 6: 123).

В бук. говорах отмечено такое наименование восточного ветра, как *підсоішний вітер* (Могила: 156).

Помимо разновидностей ветра по его направлению, выделяемых лексикой различных говоров, существуют и такие, которые представлены в составе соответствующего семантического поля лишь одного говора. Так, например, в каш. говорах на уровне словосочетаний представлены такие разновидности ветра, как ветер, дующий со всех сторон – *xvatni v'ater, tanečni v'ater* (Sychta, 2: 62) и ветер, дующий в одном направлении – *prosti v'ater* (Sychta, 6: 123-124).

2.2.2.10. Обозначения ветра, приносящего болезни

Данная семантема представлена из исследуемых только в болг. говорах. Подобный ветер назван здесь как плохой: *лошия вятър* в ю.-зап. и миз. говорах (Koseska: 18), *бешеный*: *бесен вятър* в сев.-зап. болг. (Koseska: 10).

2.2.2.11. Обозначения кругового движения ветра, вихря

Словосочетания, называющие вихрь, характеризуют данное природное явление с самых разных сторон. Зачастую это злой, плохой ветер: *паганий вітер* в вост.-полес. укр., *лихий вітер* в зап.-полес. укр. (Могила: 179), *wiatr zły* в вел.-пол. и маз., *wiatr paskudny* в мал.-пол., *wiatr niedobry* в маз. говорах (Кур. 1963: 68), *wiatr giablowy* (Кур. 1969: 58).

В пол. говорах этот ветер по характерному способу проявления сравнивается с мельницей - *młynkowy wiatr* (Кур. 1969: 59).

В нем. говорах Силезии вихрь - сумасшедший ветер: *toller Wind* (Mitzka: 1496).

2.2.3.1. Обозначения снега, падающего крупными хлопьями

Снег, падающий хлопьями, может уподобляться в славянских говорах пуху, перьям, лапам, клочьям: *пухлы*, *пульхлы снег* в вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 359), *пухлы*, *пухкі снег* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 195-196), *пухкій*, *пуховий*, *пушїстий сніг* в ср.-полес. укр. (Могила: 60), *śnieg puszysty* в зап. землях Польши (Кур. 1969: 83), *пухкав сняг* в ю.-зап. болг. (Архив СУ) говорах; *лапаний сніг* повсеместно в укр., *лапуватий сніг* в ср.-поднепр., *лапчастий сніг* в вост.-полес. укр., степ., волын., *лабаний сніг* в гуц., бук. говорах (Могила: 60), *лапцяваты снег* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 443), *śnieg łapciaty*, *łapciowaty*, *pluciaty* в зап. землях Польши (Кур. 1969: 83), а также *кляпністий сніг* в волын., *кляпністий сніг* в бук. говорах (Могила: 60), *k(p)lachcia(s)ty śnieg* в маз., мал.-пол. говорах и зап. землях Польши (Кур. 1969: 83);

В яросл. говорах крупные снежинки получают наименование *шляпистый снег* (ЯОС, 10: 78).

2.2.3.2. Обозначения мелкого, сухого снега

Особые словосочетания для наименования этой разновидности снега представлены в различных славянских говорах. В них сухой снег предстаёт как нечто физически воздействующее на человека: *ostri śnieg* в силез. (Кур. 1969: 44), *komarniczy śnieg* в мал.-пол. (Кур. 1969: 24), *żelazny* (железный) *śnieg* в мал.-пол. (Кур. 1969: 86), *грубый снег* в бр. (Карт. СБГ) говорах.

2.2.3.3. Обозначение снега, падающего при ярком солнце

Такая разновидность снега выделяется в качестве особого наименования только в сев.-зап. бел. говорах - *сляпы снег* (Сцяшк.Сл.Гродз.: 443).

2.2.3.4. Обозначения изморози, инея

В славянских говорах значительную часть наименований, обозначающих иней, изморозь, составляют словосочетания с зависимым компонентом, обладающим цветовой мотивацией, а именно: прилагательными со значением «белый» или «серый» - *белый мороз* в бр. (СБГ, 1: 45), ю.- и ср.-пск. (ПОС, 1: 167), *biały mroz* в маз. (Кур. 1969: 107) и варм.-мазур. (Кур.-Wieg.-Jan. St. Warm.: 72), *bãli mroz* в каш. (Sychta, 1: 167), *bilý mraz* (PSJČ, 2: 971) в чеш. говорах; *siwy mroz* в маз., мал.-пол. и в вост. районах вел.-пол. говоров (Кур. 1969: 105), *szady mroz* в варм.-мазур. (Кур.-Wieg.-Jan. St. Warm.: 72) и маз. (Кур. 1969: 105), *mroz szadziasty* в маз. (Кур. 1969: 104-105), *sěvi mroz* (Sychta, 3: 127), *šadi mroz* (Sychta, 5: 209) в каш. говорах.

Наименования подобного типа этой разновидности снежных осадков широко представлены в нем. силез. говорах: *aberne Kälte* (открытый холод), *offenbarer Frost*, *nackter Frost* (голый мороз), *trockener Frost* (сухой мороз), *harter Frost* (жёсткий мороз), *trockene Kälte* (сухой холод), *klirrende Kälte* (звнящий холод), *geschlossener Frost* (закрытый мороз), *grauer Frost* (серый мороз), *kaaler Nabel* (Mitzka: 92).

2.2.4.1. Обозначения туч, предвещающих осадки

Для славянских названий туч характерно подчёркивание их внешних признаков. Эта особенность свойственна и словосочетаниям, обозначающим дождевые тучи, например: *chmura graniasta* в маз. говорах (Кур. 1969: 19).

Так же, как и наименования других видов облаков, обозначения дождевых туч включают в себя примеры внутреннего сравнения: *chmura barankowa* в мал.-пол. (Кур. 1969: 18).

В говорах дождевая туча может получать наименование по своим функциональным признакам: *сеногнойная туча* в лад.-тихв. говорах (Карт. СРГК).

Словосочетания могут обозначать и другие разновидности туч по предвещаемым осадкам: *sněgowy mrok* «туча, предвещающая снег» и *tšañny mrok* «туча, предвещающая грозу» в н.-луж. говорах (Muka, 1: 939).

2.2.4.2. Обозначения светлых, недождевых облаков

В славянских говорах подобные облака могут наделяться характеристиками, свойственными обычно самому человеку: *chmura spacerna* (прогуливающаяся) в мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 18).

В ряде случаев в основу наименования кладётся характерный внешний признак: *гладкие облака* в ю.-пск. (Карт. ПОС), *chmura grudowata* в зап. землях Польши (Кур. 1969: 18) – или уподобление определённой реалии, в частности домашним животным: *баранкуваті хмари* в поднестр. (Могила: 90), *obłoczki baraszkowate* в сев.-пол., *chmura barankowa* в вел.-пол. и зап. землях Польши, *chmura owcowa* в силез. (Кур. 1969: 18) – а также другим предметам: *гурачныя воблакі* в полес. бел. (Тур.Сл., 1: 505) и *chmura pierzysta* в маз. (Кур. 1969: 18).

В некоторых словосочетаниях подчёркивается «бесплодие» этого вида туч: *йалови хмари* в зап.-полес. укр. (Могила: 85) и *jalowa chmura* «небольшое облачко» в зап. землях Польши (Кур. 1969: 18).

2.2.4.3. Обозначения кучевых облаков

Кучевые облака часто получают наименование по особенностям внешнего вида: *пышные облака* в сев.-пск. говорах (Карт. ПОС), *гранаватыя хмары* (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 476) и *кудравыя воблакі* в сев.-зап. бел (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 557) говорах.

Названия кучевых облаков могут заключать в себе также скрытое сравнение: *chmura bałwaniasta* (*bałwan* – волна) в мал.-пол., *снеговые облака* в сев.-пск. (Карт. ПОС).

2.2.4.4. Обозначения неба, затянутого облаками

Покрытое облаками небо может быть названо как *нѣстрое небо* в сев.-пск. говорах (Карт. СРГК) или *jařebate nebjo* (рябое небо) «небо, усеянное перистыми облаками» в н.-луж.говорах (Мука, 1: 543), *карповратыј небо* (очевидно, из *karpovatyj*, где *karpy* – «облака,похожие на чешую» (Hruška: 40)) в чеш., *karpickate (karpowate) nebjo* в н.-луж. (Мука, 1: 578) говорах.

В говорах Южной Баварии облачная погода без солнечного света может получать следующее наименование: *zugschlogner Tag* (закрытый, прихлопнутый день) (Werdenfelser Atl.Bair.: 72).

2.2.4.5. Обозначения неба, не затянутого облаками

В обозначениях этого метеорологического явления преобладает представление неба как рябого, разодранного: *niebo jarzębate* (покрытое точками, «рябое») в маз. и мал.-пол., *niebo dropiate* в маз., мал.- и вел.-пол. говорах, *niebo pacześne* (разодранное) в маз. говорах, *niebo groszkowe* (небо, как горошек) в на пограничье маз., мал.- и вел.-пол. говоров (Кур. 1969: 18).

Во франк. говорах состояние неба, когда ветер разогнал ожидаемый дождь, называется *der Reng is in Wind aufganga* (дождь ушёл в ветер, растворился в ветре) (Steinmetz-Hoffmann: 15).

2.2.5.1. Обозначения ясной, солнечной погоды

Ясная погода получает в говорах название как данная богом: *богоданный день* в яросл. (ЯОС, 2: 6), *божовый день* в ю.-пск. (Карт. ПОС). Эта разновидность состояния атмосферы может быть обозначена также как мягкая погода в каш. говорах – *mitk'i v'odro* (Sychta, 3: 167). Иногда ясная погода наделяется теми же атрибутами, что и человек: *лоўка погода (година)* в полт. (Могила: 14), *весёлая погода* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), ю.- и ср.-пск. (Карт. ПОС) говорах. Эмоциональное отношение к хорошей погоде выражается в словосочетании *pěšne v'odro* (пышная погода) в каш. говорах (Sychta, 4: 53). Ещё одним актуальным для характеристики солнечной погоды признаком является отсутствие облаков на небе: *чиста погода* в бойк. (Могила: 14), *cysty cas* в н.-луж. (Muka, 1: 150), *čěste v'odro* в каш. говорах (Sychta, 6: 163).

2.2.5.2. Обозначения ненастной, пасмурной погоды

Ненастная погода часто характеризуется в говорах как нечто отрицательное с помощью прилагательных, обладающих подобной семантикой: *плохая погода* в рус., *плохе урэм'е* в полес. бел. (Тур.Сл., 5: 210-211), *кешская пагода* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 457), *нераж(н)ая погода* в яросл. (ЯОС, 6: 139), *пагана пагода* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 288), *по(а)гана погода* в полес.бел. (Янк.: 229) и полес. укр., а также в ю.-зап. укр. и ср.-поднепр., *нефайна погода* в волын., бук., покут., бойк., *скверна погода* в ср.-поднепр. (Могила: 15), *нездапа погода* (Могила: 14-15) и *pidla pogoda* (Atl. bojk., 5: 41) в бойк., *strašne v'odro* в каш. (Sychta, 6: 163), *podlá, hnusná, zlá czvil'a* в слвц. говорах (Габовштяк: 65).

В славянских говорах зафиксированы и другие словосочетания, обозначающие состояние природы как плохое и выражающие это значение при помощи

прилагательных с отрицательной семантикой, но несколько суженной и ограниченной предметно-логическими связями в словосочетании: *ненавистная*, *непутная погода* в бр. (Карт. СБГ), *няўзносная пагода* в гомельском Полесье (Нар.лекс.Гомель.: 97), *невыразная пагода* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 203), *ненасітна пагода* в ср.-полес. укр., *невірна пагода* в ср.-поднепр. (Могила: 14), *паршива пагода* в волын. и поднепр., *сирова пагода* в бойк. (Могила: 15) говорах, *неплеśni* (непристойный), *plačni* (плачливый) *dzeń* в каш. (Sychta, 3: 241), (Sychta, 5: 83) говорах.

По восприятию ненастной погоды человеком она может быть названа щиплющей – *šćipajace v'odro* (Sychta, 6: 163) в каш. говорах.

Ненастной погоде, как и солнечной, в говорах зачастую приписываются черты, свойственные человеку: *невесёлая погода* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *smutny* (печальный) *dzień* на границе вел.-пол. и маз. говоров (Кур. 1969: 24).

Невесёлой называется пасмурная погода и в ю.-бав. говорах – *unlustiges Wetter* (Werdenfelser Alt. Bair.: 66).

По характерному признаку, мерцанию, обозначена непогода с громом и молнией в полес.укр. говорах – *паметна погода* (пятнистая погода) (Могила: 94).

2.2.5.3. Обозначения жаркой погоды

Очень жаркая погода может быть названа ужасной: *upal okropny* повсеместно в пол., исключая варм.-мазур. (Кур. 1969: 9).

Кроме того, очень жаркая (как и очень морозная) получает в говорах наименование острой – *востра погода* на Львовщине (Могила: 151).

2.2.5.4. Обозначения морозной погоды

Сильный мороз по его восприятию говорящими может характеризоваться в словосочетании следующим образом: *пякушчы мороз* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 4: 213-214), *свежая погода* в бр. (Карт. СБГ) говорах, *яркая раница* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 5: 558).

Иногда в названии природного явления говорится об отсутствии обычного для него атрибута как о характерном признаке. Так, по отсутствию снега, обычного атрибута зимы, в ряде случаев обозначаются морозы, наступившие до того, как земля покрылась снегом: *голи морози* в гуц., бук (здесь ещё *и сухі морози*), зак. говорах (Могила: 143), *goli mroz, sěxi mroz* в каш. говорах (Sychta, 3: 127).

2.2.5.5. Обозначения дождливой погоды

Дождливая погода может быть обозначена в словосочетаниях при помощи прилагательных с оценочным значением: *гнусная погода* в бр. (Карт. СБГ), *скучная погода* в сев.-пск. (Карт. СРГК) говорах (сходным образом: *мучительная погода* «погода с грозами» в лад.-тихв. говорах (Карт. СРГК)).

На неблагоприятное для хозяйственной деятельности человека влияние погоды с дождями указывает словосочетание *сеногнойный год* «год, изобилующий дождями» в лад.-тихв. говорах (Карт. СРГК), а также более косвенно – *гнилая погода* в ю.- и ср.-пск. (Карт. ПОС), *гнилое лета* в сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 467), *zgnile powietrze* в вел.-пол., маз., варм.-мазур., *pogoda gnila* в маз. говорах и зап. землях Польши, *dni zgnile* в маз. говорах (Кур. 1969: 41), *zgnita pogoda*, *zgnite v'odro* в каш. говорах (Sychta, 6: 212).

В серб.-хорв. говорах подобное состояние атмосферы названо божьей погодой – *bože vrime* (Skok, 3: 626).

2.2.5.6. Обозначения оттепели

В восточно-западнославянском ареале оттепель характеризуется как мягкая погода: *mitk'i čas* в каш. (Sychta, 3: 167), *мніке веремне* в бук., *мяка погода* в бук., зак. (Могила: 148), *wotmėkowate wėdro* в н.-луж. (Мука, 2: 947-948) говорах.

В наименовании в этом природном явлении может подчёркиваться и такой его признак, как таяние снега – *mroznà tajà* в каш. говорах (Sychta, 3: 128).

2.2.5.7. Обозначение переменной погоды

Словосочетание подобного типа с указанным значением зафиксировано в мор. говорах – *aprilovy čas* (Malina: 7).

2.3. Словосочетания, в которых синтаксически зависимое слово не обладает метеорологическим значением

Среди обозначений природных явлений существует немало словосочетаний, в структуре которых непосредственно к метеолексике относится только грамматически главное слово. В роли зависимого компонента словосочетания выступает лексема, широко употребляемая в сочетании со словами из самых разных тематических групп. При этом зависимое слово употреблено в названии природного явления, как и в других словосочетаниях, в прямом значении. Примерами подобных названий являются обозначения дождей, соответственно сильного, умеренного и слабого в бр. говорах:

большой дождь, середний дождь, маленький дождь, а также некоторые названия снежного заноса, сугроба: *глубокий снег* в рус., *глибокий сніг* спорадически во всех украинских говорах.

Значение «ясный, солнечный день» или «хорошая, солнечная погода» может быть выражено в различных славянских говорах с помощью прилагательных, обладающих общей положительной семантикой, следующим образом: *баской* (ЯОС, 1: 40), *ражий* (ЯОС, 7: 112) *день* в яросл., *благие дни* в ср.-пск. (ПОС, 2: 27), *хорошая погода* повсеместно в рус. и *хороша година* в вост.-полес. укр. (Могила: 16); *погода гарна* в ср.-полес. укр. и ср.-поднепр., волын., подол. (Могила: 16), *погода добра* в ср.- и зап.-полес. укр., волын., поднепр. (Могила: 14), *dobry čas* в чеш. и слвц., *погода файна* в волын., бук., покут., бойк. (Могила: 14) говорах, *ладна погода* в бойк., западнее указанных районов встречается другое прилагательное: *п'екна погода* в посан. (Могила: 14), *рѣкні час* в каш. (Sychta, 1: 162), *рѣкнў час* в чеш. и *pekny čas* в слвц. говорах.

Эти словосочетания лишены устойчивости, но заслуживают внимания по нескольким причинам. Одной из них является многочисленность наименований подобного типа во всех славянских говорах, особенно в обозначениях погоды, солнечной или пасмурной. Кроме того, данные словосочетания отражают распределение разнокорневых лексем с общим значением по славянской языковой территории. Так, в значении «мелкий, морозящий дождь»: с одной стороны, *ситен дъжд* в болг., *ситен дожд* в макед. (Реч. мак. яз.: 1303), а, с другой стороны, *дробный дождь* в бр. (Карт. СБГ), *дробнюський дожджик* в вост. бел. (Нос.: 146), *дрібний дощ* в ю.-зап. укр. (Желех, 1: 205), *drobny deszcz* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 26), *drobny dešč* в н.-луж. говорах (Мука, 1: 167).

В ряде случаев подобные словосочетания позволяют судить о круге природных явлений, отмечаемых носителями тех или иных говоров. К числу подобных словосочетаний можно отнести следующие: *неполная радуга* «радуга, не видимая полностью» и *четырёхполосная радуга* «радуга с четырьмя видимыми полосами» в ю.-пск. говорах (Карт. ПОС); *двойная радуга* в бр. (Карт. СБГ) и *двойна, подвійна радуга* (Могила: 135) в некоторых укр. говорах в значении «двойная радуга»; *dluga morka* (где *morka* – «морозящий дождь») «затяжной дождь» в маз. говорах (Atl.maz, 1: 3); *круглая молния* в лад.-тихв. (Карт. СРГК) и *шаровая молнія* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 5: 46) говорах в значении «шаровая молния»; по форме и цвету отмечаются *широкая молния* в ю.-пск., *острая молния, блённая молния* в ср.-пск., на Псковщине отмечены также *голубая молния, красная молния* (Карт. ПОС). В ю.-пск. говорах аналогичным

образом называется волна с пенистым гребнем – *белый вал* (сущ. *вал* здесь имеет значение «волна») (ПОС, 3: 19); в варм.-мазур. говорах замёрзшая без снега земля называется *ziemia twarda, ziemia zamarznięta* (твёрдая земля, замёрзшая земля) (Кур.-Віег.-Jan. Sl. Warm.: 67).

С другой стороны, названия природных явлений, выраженные словосочетаниями, лишёнными признака устойчивости, демонстрируют различное видение некоторых природных явлений в том или ином славянском говоре. Так, согласно письменным источникам, семантема «туча, предвещающая дождь» передаётся при помощи словосочетаний *сивая туча* в ю.- и ср.-пск., *бурая тучина* в ср.-пск., *чёрная тучина* в сев.-пск. (Карт. ПОС); наст в сознании говорящих может быть представлен также по-разному в словосочетаниях: *жёсткий, заскорузлый снег* в бр. (Карт. СБГ), *севший снег* в ю.-пск. (Карт. ПОС), *крэпкі снег* в полес. бел. (Янк.: 169), *мёрзлы снег* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел.. 3: 58) говорах; непогода с грозовой ночью обозначается как *ні(о)чна гроза* в ср.- и зап.-полес. укр, волын. и как *громова ніч* в зап.-полес. укр. говорах (Могила: 129).

Значительную часть прилагательных, выступающих в качестве названия признака природного явления в словосочетаниях, составляют лексемы, обозначающие величину (большой – малый), интенсивность (сильный – слабый), агрегатное состояние (твёрдый– мягкий).

Среди прилагательных, обозначающих величину, можно выделить несколько групп. Первую из них составляют словосочетания, включающие в свой состав прилагательное со значением «большой, значительный, крупный»: *велика хмара* в полес. бел. говорах в значении «большое облако» (Тур.Сл.; 5: 245), *великий град* «крупный град» в различных укр. (Могила: 54), *obłoka wielka* «дождевая туча» в силез. говорах, *великий дождь* «ливень» в зап. части бр. (СБГ, 2: 42), ср.-пск. (Карт. ПОС), *великий дошч* в слоб. (Могила: 22), *великі дождж* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 388), *deszcz wielgi* на пограничье мал.-пол. и укр. говоров (Кур. 1969: 32); в значении «сильный ветер»: *великий ветер* в зап. части бр. (СБГ, 2: 42), *вялікі вецер* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 388), *велики вітер* в полт. (Могила: 162); *upal wielki* «сильная жара» повсеместно в пол. говорах, исключая варм.-мазур., *велькі мороз* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 1: 295) и *велики мороз* в полт., зак., посан. (Могила: 139), *велика вада* «весеннее половодье» в полес. бел. говорах (Тур.Сл., 1: 110).

В обозначениях природных явлений зафиксированы словосочетания и с другими прилагательными с данным значением: *большой дождь* «ливень» в бр. (Карт. СБГ), сев.-пск. (Карт. СРГК) и *взабальшыный дождь* в ср.-пск. (Карт. ПОС) говорах; *бальшы холод* в сев.-зап. и вост. бел. говорах (ДАБМ: 321), *большунная буря* «сильный ветер» в ср.-пск. (Карт. ПОС), *большая погода* «метель» в лад.-тихв. (здесь *погода* – «снегопад») (Карт. СРГК), *голям дъжд* «ливень» повсеместно в болг. говорах (Koseska: 43); в значении «ливень», кроме того, *крупный дождь* в бр. (Карт. СБГ), *крупной дождь* в лад.-тихв. (Карт. СРГК), *крупеный дождь* и *гораздый дождь* в ср.-пск (Карт. ПОС) говорах.

Вторую группу образуют словосочетания с прилагательными, обладающими значением «маленький, незначительный»: в значении «морозящий дождь» – *маленький дождь* в бр. (Карт. СБГ), *масенький дождик* в ср.-пск. (Карт. ПОС), *маціцкый дошч* в зак. (Могила: 33), *deszcz mały* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 26), *maluśki deszcz* в варм.-мазур. (Кур.-Więг.-Jan. Sł. Warm.: 53) говорах; *дрібний дошч* в ю.-зап. укр. (Желех., 1: 205), *deszcz drobniutki* в мал.- и вел.-пол., маз. говорах (Кур. 1969: 26); в значении «мелкий снег» – *śnieg drobny* повсеместно в пол., *śnieg drobniutki* в вел.-пол. и *drobni śnieg* в каш. (Sychta, 5: 166) говорах.

Среди прилагательных, обозначающих интенсивность, следует выделить лексемы со значением, во-первых, «сильный, мощный» и, во-вторых, «лёгкий, слабый».

Первые из них входят в состав следующих словосочетаний: *сильный дождь* в рус., *silny deszcz* в мал.-пол. и вел.-пол. (Кур. 1969: 26) в значении «ливень»; в значении «сильный ветер» - *сильный ветер* повсеместно в рус., *насильный ветер* в бр. (Карт. СБГ), *сильний вітер* повсеместно в укр. (Могила: 162), *wiatr silny* повсеместно в пол. говорах (Кур. 1969: 47), *viatr silny* в чеш. говорах; в значении «морозная погода» – *здорови мороз* в вост.-полес. укр. (Могила: 139), *здарова пагода* в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 2: 297-298); *здорову дождж* в полес. бел. (Тур.Сл., 2: 147), *здоровий дошч* в ср.- и зап.-полес. укр. (Могила: 22) в значении «ливень»; *здоровий град* в значении «крупный град» повсеместно на Украине; *дужий мороз* «сильный мороз» в бук. говорах (Могила: 139), *duży deszcz* «ливень» и *duży wiatr* «сильный ветер» повсеместно в пол. (Кур. 1969: 32,47), *gorączka duża* «сильная жара» в варм.-мазур. (Кур.-Więг.-Jan. Sł. Warm.: 47); *моцный мароз* «сильный мороз» в сев.-зап. бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 3: 78), *міцной мороз* в том же значении в посан. (Могила: 139) говорах, *gorączka mocna*,

ogromna «сильная жара» в варм.-мазур. говорах (Кур.-Więг.-Jan. Sł.Warm.: 47); в варм.-мазур. говорах, кроме того, *deszcz tęgi* «ливень», *gorączka tęga* «сильная жара» (Кур.-Więг.-Jan. Sł.Warm.: 47).

Из словосочетаний с прилагательными, обозначающими незначительную степень проявления признака, можно отметить *deszcz słaby* «морозящий дождь» в силез. говорах (Кур. 1969: 26); *powietrze słabe* в мал.-пол. (Кур. 1969: 55), *wiatr słaby* повсеместно в пол. говорах (Кур. 1969: 53) в значении «лёгкий ветер»; *лёгкий снег* «снегопад без ветра» в бр. (Карт. СБГ); *powietrze lekkie, wiatr lekki, cichy, cichutki, wolny* в значении «слабый ветер» повсеместно в пол. (Кур. 1969: 53,55) говорах.

В буквальном значении употребляется прилагательное в словосочетании *мяккий снег* «пушистый, рыхлый снег» в вост. бел. говорах (Бяльк.Сл.Маг.: 270), а также в словосочетании *тёки снег* в н.-луж. говорах (Мука, 1: 877).

Названия природных явлений, образованные с помощью слов, не имеющих специального отношения к метеорологической тематике, образуют нередко системы, основанные на оппозициях, одно- и разнокорневым. К однокорневым оппозициям относятся пары типа *большой дождь* – *небольшой дождь* в бр. говорах (Карт. СБГ) или *duży (weil(g)ki wiatr)* – *nieduży (niewiel(g)ki) wiatr* повсеместно в пол. говорах (Кур. 1969: 53). Однако чаще эти оппозиции представлены разнокорневыми прилагательными. К числу таких противопоставленных пар следует отнести *тёмная туча* «дождевое облако» – *белая туча* «недождевое облако» в сев.-пск. говорах (Карт. ПОС), *перший сніг* «первый снег» – *пізній сніг* «весенний снег» повсеместно в укр. говорах (Могила: 56), *крута радуга* – *проста радуга* в бр. говорах (Карт. СБГ).

III. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ НАЗВАНИЙ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Диалектные славянские названия природных явлений обладают различными способами семантической мотивации. Однако некоторые мотивационные типы в славянской метеорологической лексике вызывают больший интерес, поскольку, очевидно, связаны с реалиями, особенно актуальными для носителей диалектов в сфере их материальной и духовной жизни. К такой тематике относятся среди прочих и следующие мотивационные темы: «животная», «цветовая», «национальная» и некоторые другие. Говоря о мотивационной теме, мы имеем в виду группу наименований некоторых реалий одного тематического класса, которые мотивированы названиями других реалий, играющих особую роль в жизни людей и потому служащих для объяснения многих явлений, в том числе и природных, а также для семантической мотивации названий этих явлений в языке.

1. «ЖИВОТНАЯ» ТЕМА В НАЗВАНИЯХ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

К данной мотивационной теме мы относим наименования, значение которых мотивировано названиями животных, птиц, рыб, насекомых. К живым существам, упоминаемым в славянских диалектных названиях природных явлений, относятся, с одной стороны, домашние животные и птицы, а, с другой стороны, дикие животные и птицы, а также рыбы и насекомые.

Из домашних животных и птиц в названиях природных явлений упоминаются следующие:

- **баран, овца, ягнёнок:**

агнешки сняг «последний снег» в миз. говорах (Koseska: 34-35), *бабини јарци* «весенний снег» в серб.-хорв. говорах (Кар.: 10), *ягнячий снег* «снег в апреле» в гуц. (Могила: 58), *овџа смѣрџ* «снег с дождём» в каш. (Sychta, 3: 349); *овеча студінь* «заморозок» в бук. (Могила: 145), *бараны* «волны с пенными гребнями» в ср.- и сев.-пск. говорах (Карт.

ПОС), *дерияр(е)* «весенний ветер» и «самый холодный ветер» в ю.-зап. и балк. болг. говорах (Архив СУ);

в значении «туча, облака»: *баранці, барани* в укр. (СУМ, 1: 105), *baránky* в чеш. (ЭСБМ, 1: 310), *barance* в слов. говорах; в значении «кучевые облака» – *барашки, небо барашками* в ю.-пск. говорах (Карт. ПОС), *баранкуваті хмари* в поднебр. (Могила: 23);

в значении «туча, не приносящая осадков» – *йалови хмари* в зап.-полес. укр. (Могила: 85), *chmura jalowa* в зап. землях Польши, *chmura barankowa* в вел.-пол. и зап. землях Польши, *chmura owcowa* в силез. говорах (Кур. 1969: 18), *beruška* (PSJČ, 1: 101), *baranci* (Hruška: 13) в чеш., *baránky, baroš, barošek* в мор. (Bartoš: 12) говорах, *obłoczki baraszkowate* на крайнем северо-востоке Польши (Кур. 1969: 18);

в значении «туча, предвещающая дождь» – *chmura barankowa* в мал.-пол. (Кур. 1969: 19), *barany, baranki* повсеместно в пол., *owce* в силез. говорах (Кур. 1969: 21);

в значении «небольшие облака» – *baranki* повсеместно в пол., *barany* в мал.-пол., маз. и силез., *baraneczki* в вел.-пол., *owieczki* в вел.-пол. и маз. (Кур. 1969: 18);

в значении «появляться (о тучах на небе)» – *barankovat' sa* в чеш. говорах, *побаранилоси небо* в гуц. говорах;

в значении «освободиться от туч (на небе)» – *baruškovatet' sa* (Bartoš: 12) в мор. говорах.

- бык, вол, корова:

быки «светлые, недождевые облака (ЯОС, 2: 9), *быцко, бычок* «небольшие облака», *бычениуться* «хмуриться (о небе)» (ЯОС, 2: 35) в яросл. говорах; *дерибивола* «юго-восточный ветер» в ю.-зап. болг. (Koseska: 15) говорах; *боўкун* (из молдавского *боў* – вол) «туча» в бойк. говорах (Могила: 91); *коровушка* «маленькая туча» в яросл. (ЯОС, 5: 70);

- коза:

козибрид, козидорога «оттепель» в прикарпатских укр. говорах (Могила: 148), *бабини козлићи* «весенний ветер» в серб.-хорв. говорах (Кар.: 10), *козодер* «восточный ветер» и «сильный ветер» в ю.-зап. болг., *kozjački vetar, kozji rozi* «сильный ветер» в серб.-хорв. говорах, *козомор* «сильный ветер» в серб.-хорв. говорах, *козица* «северный ветер» в некоторых болг. (Геров, 2: 383), *koziolatek* «вихрь» в некоторых пол. говорах (Кур. 1969: 58);

- **ко́нь, лоша́дь:**

кляча «морозящий дождь» в вост.-полес. укр. (Могила: 41), *лупикобила* «снег с дождём» в посан. говорах (Могила: 48), *koniaki* «снег, падающий большими хлопьями» в маз. говорах (Atl.maz, 1: 4);

- **ко́т, ко́шка:**

мачешки сняг «последний снег» в ю.-зап. болг. говорах (Koseska: 51), *kocie pięśće* в маз., *kocie lby, koty* «снег, падающий большими хлопьями» в различных пол. говорах (Кур. 1969: 84), *kocie lby* «дождевые облака» в зап. землях Польши (Кур. 1969: 21), *котяча погода* «мелкий, морозящий дождь» в волын. говорах (Могила: 34);

- **осёл:**

магарешкия вятър «западный ветер» в руп. (Koseska: 18) и *магарешкия дъжд* «тёплый дождь в солнечную погоду» в некоторых болг. говорах (Koseska: 50);

- **пёс, соба́ка:**

pogoda pod psem в вел.-пол. и мал.-пол., маз. (Кур. 1969: 41.), *psova pogoda* в каш. говорах (Sychta, 4: 266) в значении «дождливая погода»; *jidze p'es přez vés* «метель с дождём» в каш. говорах (Sychta, 4: 262); *кучешки сняг* «грязный снег» в ю.-зап. болг. (Koseska: 41); *psí čas* «дождь с ветром» в словц. говорах;

- **сви́нья:**

в значении «тёплый дождь в солнечную погоду» – *свиный дождь* в бр. (Карт. СБГ), *свиновый дождь* на Псковщине, *свин(ь)ячы дождж* в полес. бел. и укр., волын., укр. карпатских, *deszcz świński* в пол. говорах (Тур.Сл., 5: 21), (Усачёва: 218); *свинския вятър* «юго-восточный ветер» в некоторых болг., *свиляр* «северо-западный холодный ветер» в ю.-зап. болг. говорах, *свиьодерац* в макед., *свиьоморац* в серб.-хорв. говорах (Koseska: 22); в значении «вихрь» – *wicher świński, świński bobek, świniasy ogon* в мал.-пол. (Кур. 1969: 57), *świnie gówno* в мал.-пол. и варм.-мазур., *świnionka* в сев.-пол. (Кур. 1969: 58);

- **гу́сь:**

husičky «вид облаков» в чеш. (Čes.Sl., 1: 22), *gęsia bieda, gęsia kasza* «мелкий, сухой снег» в вел.-пол. говорах (Кур. 1969: 85);

- **курица:**

курій вітер «вихрь» в укр. говорах (Могила: 181), *kuři v'ater* «встречный, чаще южный ветер» в каш. говорах (Sychta, 2: 302); *курічий дошч, дошч як курка плаче* «морозящий дождь» в говорах Тернопольской области, *курячий дошч* «морозящий дождь» в карпатских укр. говорах, ср.- и зап.-полес. укр., волын. говорах (Усачёва : 217).

Из названий диких животных и птиц, а также пресмыкающихся и насекомых для мотивации обозначения природных явлений чаще всего используются следующие:

- **волк, волчок:**

волчок «маленькое облако» в яросл. говорах (ЯОС, 3: 42), *v'ilče xmurë, v'ilče lby* «большие, тёмные дождевые тучи» в каш. говорах (Sychta, 6: 156), *волкодав, волкорез* «северо-восточный ветер», *волкоед* «восточный ветер» в сев.-пск. говорах (ПОС, 4: 112); в каш. говорах отмечены выражения *v'ilča pogoda* «затяжной дождь» (Sychta, 4: 110), *v'ilka ográžka trąse*, *v'ilk mą ográžką* «тёплый дождь в солнечную погоду» (Sychta, 3: 297), *v'ilče v'odro* «пасмурная погода» (Sychta, 6: 156);

- **заяц:**

зайцы «снег, падающий большими хлопьями» в яросл. (Карт. ЯОС); *заёнчковий, заечковий, зайцёвы дошч* в зап.-полес. укр. говорах (Азимов : 213);

- **крот:**

поўх «небольшая туча» в зап.-полес. укр. говорах (Могила: 90);

- **лиса:**

лісіўка в бойк., *лисичащи байрек, лисичина свадба, лисичино платно* в родоп. (Толстой 1976: 47) говорах в значении «радуга»; в значении «тёплый дождь в солнечную погоду» – *лисица се жени* в родоп. говорах (Толстой 1976: 69), *lësa ográžka trąse* в каш. говорах (Sychta, 2: 357);

- **медведь:**

медвежий дошч в зак. (Могила: 34), *медведичий, медведячий, ледвежий дошч* в укр. карпатских говорах (Усачёва : 217) «тёплый дождь в солнечную погоду»;

- **мышь:**

мишасті хмари «разновидность облаков» в укр. говорах Прикарпатья (Могила: 90);

- **птицы:**

пташний дошч «тёплый дождь в солнечную погоду» в бук. говорах (Могила: 25); *ptasi śnieg* «первый снег» в мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 84); *ptáše v'odro* «ранняя весна или осень» и *piáši v'ater* «южный или западный лёгкий ветер» в каш. говорах (Sychta, 5: 215);

- **анст:**

щъркелов сняг в ю-зап. болг., балк., миз., *щърклешки сняг* в балк., *щърков сняг* в перех. и сев.-зап. болг. говорах в значении «последний снег» (Koseska: 64);

- **воробей:**

воробіная ноч «ночь, когда сверкает молния» в полес. бел говорах (Тур.Сл., 1: 141), *сніг як врублі* в зап.-полес. укр. (Могила: 61), *wróble, wróblowe, wróblowate lby* в маз. говорах в значении «снег, падающий большими хлопьями» (Atl.maz., 1: 4);

- **дрозд:**

drozdovi dešč, drozdove povetře «дождь в то время, когда дрозды готовятся к отлёту» в каш. говорах (Sychta, 1: 245);

- **кукушка:**

кукувичи сняг в балк. болг., *кукувичен сняг* в балк. болг. и ю.-зап. болг. говорах в значении «последний снег» (Koseska: 48);

- **ласточка:**

лястовичи сняг в балк. болг., *лястовичен сняг* в балк. и ю.-зап. болг. говорах в значении «последний снег» (Koseska: 48);

- **сова:**

сова в зак. (Толстой 1976: 49) и *kania* в мал.-пол. (Кур. 1969: 80) говорах в значении «радуга», *уѓр* (филин) «вид туч» в чеш. говорах (PSJČ, 7: 360);

- **стриж:**

стрижачий сніг «снег в мае» в гуц. говорах (Могила: 58);

- **рыбы:**

rybiny «светлые облака» в чеш. говорах (Čes. sl., 1: 22), *chmura rybiata* «недождевое облако» в вел.-пол. говорах (Кур. 1969: 18), *rěbne xmurě* «мелкие, как сеть, облака» в каш. говорах (Sychta, 4: 307), *kapry* «небольшие, похожие на чешую рыбы облака» в чеш. говорах (Hruška: 40), *karpickate nebjo* «небо, затянутое перистыми облаками» (букв.: похожее на чешую рыбы) в н.-луж. говорах (Мука, 1: 578); кроме того, в каш. говорах *ribě ščežule* (рыбья чешуя) «мелкие дождевые тучи», *ribni v'ater* «юго-западный ветер, мешающий лову рыбы» (Sychta, 4: 307), *rěbě maja v'esele* «тёплый дождь в солнечную погоду» (Sychta, 4: 304);

- **ёрш:**

ершовый ветер «северный ветер» в яросл. говорах (ЯОС, 4: 37);

- **осётр:**

jesiotr «небольшая туча» в мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 18);

- **змея и уж:**

змея, *змея крутит* «вихрь» вост.-полес. укр. говорах (Могила: 173), *змеисто* «холодная погода» в яросл. (ЯОС, 4: 123), *молния змейкой* «изломанная молния» в лад.-тихв. говорах (Карт. СРГК); в значении «радуга» – *смок* в сев.-зап. бел. (Сцяшк.Сл.Гродз.: 444) и вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 412), *сток* в маз., сев.-пол. говорах и зап. землях Польши (Кур. 1969: 79), *смик* в говорах Ровенской области (Толстой 1976: 44), *цмок* в полес. бел. (Тур.Сл., 5: 276) и сев.-зап.бел. (Сл.П.-Зах.Бел., 5: 364) говорах;

- **комар:**

комариный вал «мелкие волны» в сев.-пск. говорах (ПОС, 3: 19), *komarniczy śnieg* «мелкий, сухой снег» в мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 84);

- **муха:**

белые мухи «первый снег» в ю.- и сев.-рус. говорах;

- **вошь:**

všani v'ater «северо-восточный ветер» в каш. говорах (Sychta, 6: 124)

2. «РАСТИТЕЛЬНАЯ» ТЕМА В НАЗВАНИЯХ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В славянских диалектных названиях природных явлений зачастую используются наименования предметов растительного мира. Названия растений, как правило, упоминаются в обозначении природного явления в том случае, если в наименовании этого явления говорится о его влиянии на процесс роста или созревания растений, а также в случае внешнего сходства природного явления и объекта растительного мира.

В наименованиях первого типа представлены названия следующих растений:

- **рябины:**

рабінова ноч в полес. бел. (Тур.Сл., 4: 78) и вост. бел. (Бяльк.Сл.Маг.: 379), *(о)ре(а)бинова ноч* в вост.- и ср.-полес. укр., *ніч рабині* в волын., подол. говорах (Могила: 130), *горобина ніч* в ю.-вост. укр., вост.- и ср.-полес. укр., волын., подол., говорах (Могила: 130) в значении «грозовая ночь в конце лета»;

- **липы:**

ліпова ніч «грозовая ночь в конце лета» в ср.-полес. укр. говорах (Могила: 130);

- **кукурузы:**

кукурузниця «молния без грома» в ср.-поднепр. и «далёкая гроза» в ср.-полес. укр. говорах (Могила: 121);

- **капусты:**

капусняк на пограничье поднепр. и волын. говоров (Могила: 34), *kapuśniak* повсеместно в пол. (Кур. 1969: 27), *kapustni dešč* в каш. (Sychta, 2: 134) говорах в значении «морозящий дождь»;

- **брюквы:**

brukevňak (Sychta, 1: 73), *vrěkovi dešč* (Sychta, 6: 106) «моросящий дождь» в каш. говорах;

- **некоторых видов грибов:**

волнушный дождь, *рыжечный дождь* в русских говорах Карелии (Карт. СРГК).

Кроме того, к этой группе наименований природных явлений можно отнести *зречкосмал* в слоб. (Могила: 121) и *хлебозорка* в ср.-пск. (Карт. ПОС) в значении «молния без грома»; *мороз-огуречник* «мороз, вредящий огуречной рассаде» в ср.-пск. говорах (Карт. ПОС), *аріхава маланка* «молния без грома» в вост.-полес. укр. (Могила: 130).

3. «ЦВЕТОВАЯ» ТЕМА В ОБОЗНАЧЕНИЯХ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Названия различных видов цвета благодаря своей многозначности занимают особое место в славянской лексике. Довольно часто имена прилагательные, обладающие цветовым значением, используются в славянских говорах для обозначения других признаков. Так, Ф.И. Буслаев отмечал значение «несчастный, горемычный, злой» у прилагательного *жёлтый* в некоторых русских говорах (Буслаев: 21), в черногорских говорах *црно* имеет значение «ничтожно мало». Слова с цветовым значением широко используются и в названиях природных явлений. Причём в метеорологических названиях использование «цветовой» лексики связано зачастую с представлениями славян об устройстве мира и взаимосвязи природных явлений. В серб.-хорв. говорах, например, цветовая мотивация наименований ветров связана с отражением народных представлений о разделе небосвода на пять цветовых секторов (Михајловић: 100). В названиях туч и облаков, как уже отмечалось, противопоставления белого и чёрного цветов могут отражать не только непосредственные наблюдения говорящих над внешним видом данного явления, но и противопоставление небесного и земного скота (белого и чёрного) (Толстой, Толстая 1981: 55). А.А. Потеня указывал на связь представлений о красном и белом цвете с дневным светом (Потеня 1989: 310). С другой стороны, природное явление может выступать в диалектах в качестве образца определённого цвета: *багва* «туча», существительное, образованное от прилагательного

со значением «коричневый» (PSJČ, 1: 80), стало производящей основой для моравского прилагательного *barnavy* «цвета грозовой тучи» (Bartoš: 12), аналогично в сев.-зап. бел. говорах – *марозавы* «сероватый (о масти)» (Сл.П.-Зах.Бел. , 3: 36).

В славянских говорах при обозначении различных метеорологических явлений используется мотивация, связанная с несколькими видами цвета. Чаще всего используются следующие цвета:

- **белый:**

белая туча «недождевая туча» в сев.-пск. говорах (Карт. ПОС) и в том же значении *chmura biala* в различных пол., *biale falki* в маз., *potglówki bieliste* в мал.-пол. говорах (Кур. 1969: 17-18); *бель* в лад.-тихв. (Карт. СРГК) и *белчу*, *бяцо* в родоп. (Архив СУ) говорах в значении «снег», *белые мухи* «первый снег» в ю.- и сев.-рус. говорах, *білы мороз* «мороз, при котором деревья и земля покрываются инеем» в брестском Полесье; в значении «иней» – *белун* в сев.-пск. (ПОС, 1: 166), *белый* в ю.-пск. (ПОС, 1: 167), *biały mroz* в маз. и варм.-мазур. (Кур. 1969: 107), *bâli mroz* в каш. говорах (Sychta, 1: 127), *bilý mraz* в чеш. говорах (PSJČ, 1: 971); *белая радуга* «радуга, предвещающая грозу» в ср.-пск. говорах (Карт. ПОС), *белый дождь* «ливень» в лад.-тихв. говорах (Карт. СРГК); в значении «тёплый дождь в солнечную погоду» - *белый дождь* в некоторых сев.-рус. (Карт. СРГК), *бялы дожд* в полес. бел. (Азимов: 213) говорах; *белинка* «мелкое кучевое облако» в сев.-пск. (ПОС, 1: 161); *бельняк* в ср.-пск. и *белина* в сев.-пск. (ПОС, 1: 161) в значении «лёд, покрытый снегом»; *белый ветер* «сильный тёплый ветер» в некоторых рус. говорах (Прох: 23);

- **серый:**

в значении «сырая, пасмурная погода»: *серое погodye* в лад.-тихв., *серая погода* в сев.-пск. (Карт. СРГК), *šarè zĕtno* (с доп. семой «поздней осенью или ранней весной») (Sychta, 6: 214), *šari (šaroburi) dzeň* (Sychta, 5: 220,222) в каш. говорах; кроме того, *šero* «мороз» в н.-луж. (Мука, 2: 631), *сивко* «снег» в лад.-тихв. (Карт. СРГК) говорах; в значении «иней, изморозь»: *siwy mroz* в маз., мал.-пол. и вост. районах вел.-пол. говоров (Кур. 1969: 105), *szady mroz* в варм.-мазур. (Кур.-Wieg.-Jan. Sł.Warm.: 72) и маз. (Кур. 1969: 105), *szadz* в сев.-пол. говорах и пограничных с Украиной районах, *mroz szadziasty* в маз. говорах (Кур. 1969: 104-105), *sĕvi mroz* (Sychta, 3: 127), *sĕvi starušk* (Sychta, 5: 153), *šadi mroz*, *šadak*, *šadelc* (Sychta, 5: 209) в каш. говорах, *šerizn*, *šerizna*, *šery žed se šerym plašćom se póra* (Мука, 2: 630-631) в н.-луж. говорах, *šedivec* (PSJČ, 3:

664) в чеш. говорах; в названиях туч: *сивая туча* «туча с градом» в ю.- и ср.-пск. говорах (Карт. ПОС), *chmura siva* «недождевая туча» в вел.-пол. говорах, *šedivak* «серая туча» (Čes. sl., 1: 175) в чеш. говорах.

- **красный:**

красная молонья «вид молнии» в лад.-тихв. говорах (Карт. СРГК), *червенка-зеленка* «радуга» в балк. болг. говорах (БДА, 3: 299), *багрэно* «плохая, пасмурная погода» в полес. бел. говорах (Тур.Сл., 1: 35);

- **чёрный:**

в значении «тёмная туча», «туча, предвещающая дождь»- *черняшка* в яросл. (ЯОС, 10: 56), *чёрная туча* в ср.- и сев.-пск. (в сев.-пск. отмечено также значение «туча с градом») (Карт. ПОС); *чорна хмара* в полес. бел. говорах (здесь «туча, предвещающая грозу») (Тур.Сл., 5: 296), *чорніва* в гуц. (Могила: 89-90), *černava* в чеш. (PSJČ, 1: 303), *čerňava* (Baroš: 46) в мор., *čierňava* в слвц. (Ripka 1980: 43), *chmura czarna* повсеместно в пол. говорах (Кур. 1969: 19), *чорні боўдурі* в бойк. и гуц. говорах (Могила: 93); в значении «тёплый, знойный ветер» – *черния вятър* в руп. и миз., *црниот ветар* в макед. говорах; в значении «южный ветер» – *црнко вятър* в перех. болг. говорах (Архив СУ).

- **синий, голубой:**

в значении «туча, предвещающая дождь» – *синяя туча* в ср.-пск. говорах (Карт. ПОС), *сініўка* в гуц.; в гуц. и бук. говорах лексема *синява* обладает значением «снеговое облако» (Могила: 90); прилагательное голубой отмечено на Псковщине в названии разновидности молнии – *голубая молния*.

4. «НАЦИОНАЛЬНАЯ» ТЕМА В ОБОЗНАЧЕНИЯХ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Поскольку в народном сознании представителям некоторых национальностей свойственны особенные, нередко загадочные качества, названия этих национальностей используются для обозначения различных явлений, в том числе и природных. В качестве объекта сравнения, кроме того, в славянских диалектных названиях природных явлений могут упоминаться соседние народы или жители определённой

местности. Таким образом в собранном материале представлены следующие персонажи:

- **цыгане:**

в значении «тёплый дождь в солнечную погоду» – *цыганский дождь* в бр. (Карт. СБГ), *цыганскі дождж* в полес.бел. (Тур.Сл., 2: 26), *цыганський дощ* в вост.- и ср.-полес. укр. (Могила: 27), в укр. говорах карпатского ареала (Усачёва: 217), *цыганське веремня* в бук., гуц., *цыганське весілля* (Могила: 27); *цыганське тепло* «мороз» (Осташ: 145) в укр. говорах, *cihánská rosa* «сильный мороз» (Осташ: 145) и «иней», «утренний или вечерний заморозок осенью или весной» (Осташ: 49) в чеш. говорах; *цыгански сняг* «первый снег» (Архив СУ), *цыгански ветар* «северо-западный ветер» в сев.-зап. болг. говорах; *цыганска райдуга* «двойная радуга» в волын. говорах (Могила: 135), *цыгани* «град» в серб.-хорв. говорах (Кар.: 839);

- **евреи:**

жыдоўскі дождж «тёплый дождь в солнечную погоду» в полес.бел. говорах (Азимов: 213);

- **шведы:**

в каш. говорах - *švejdzě skuba gąse* «о снеге, падающем крупными хлопьями», *švedzě melq krëpë (na žarnach)* «мелкий, сухой снег», *šveda* «ветер с моря» (Sychta, 5: 311);

- **немцы:**

netesky vitr «северный ветер» в чеш. говорах, *polak* «северо-восточный ветер» в мор. говорах, *німчук, німець* «названия ветров» в степ. говорах;

- **поляки:**

polski vitr «северный ветер» и *polak* «северо-восточный ветер» в мор. говорах (Bartoš: 311), *polak* «северо-восточный ветер» в слвц. говорах (Ripka 1980: 43);

- **жители Будышина:**

Budyhare se smeju «прояснение неба» в н.-луж. говорах (Muka, 1: 91).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в работе славянские и немецкие наименования природных явлений позволяют сравнить на семантическом уровне соответствующие фрагменты языковой картины мира, связанные с народной метеорологией, и выявить особенности сегментации данных участков ЯКМ в каждой из языковых групп.

В целом аналогичные метеорологические явления обозначаются неодинаково в славянских и немецких говорах за счёт актуализации различных их признаков. Сходство в номинации проявляется в совпадении родовых («стержневых»), а также многих видовых семантем и общих дифференцирующих признаков, на основании которых противопоставляются видовые семантемы в границах семантического поля.

В семантическом поле «дождь» общими для славянских и немецких говоров являются следующие семантемы: «дождь, осадки в виде капель воды», «сильный, проливной дождь», «неожиданный проливной дождь», «кратковременный проливной дождь», «морозящий дождь», «дождь, мелкий, как туман», «длительный, затяжной дождь», «тёплый дождь в солнечную погоду», «дождь с градом», «весенний дождь», «осенний дождь», «дождь, прошедший рано утром», «выпадать (о дожде)», «выпадать (о мелком, морозящем дожде)». Такие семантемы, как «кратковременный дождь», «дождь, идущий с перерывами», «дождь, сопровождаемый ветром» и «дождь в безветренную погоду», «летний дождь», «дождь, подмывающий землю», «дождь, наносящий вред растениям», «один приём дождя» представлены, по нашим наблюдениям, только в славянских говорах, причём, если указание на кратковременность дождя содержится в исследуемой немецкой метеорологической лексике на уровне дополнительной семы в обозначениях кратковременного сильного и морозящего дождей, то выделение разновидностей дождей в зависимости от наличия или отсутствия сопутствующего ветра является славянской специфической чертой. Характерным свойством немецкой метеорологической лексики в этом отношении оказывается более сложная дифференциация глаголов, обозначающих выпадение дождя: в немецких силезских говорах отмечены такие семантемы, как «выпадать (о сильном дожде)», «выпадать (о сильном и продолжительном дожде)», «выпадать крупными каплями (о дожде)».

В семантическом поле «снег, снежный покров» общими для немецких и славянских говоров оказываются такие семантемы, как «снег, падающий в безветренную погоду», «снег, падающий большими хлопьями», «сухой, мелкий снег», «град», «весенний снег»,

«снег с дождём», «снегопад с ветром, метель», «снег, поднимаемый ветром с земли, позёмка», «сугроб», «плотный, слежавшийся снег», «иней, изморозь», «снег с водой», «таяние снега», «падать (о снеге в безветренную погоду)», «падать крупными хлопьями (о снеге)», «падать (о мелком снеге)», «таять (о снеге)». Для славянских говоров актуальными оказываются, кроме того, семантемы «первый снег» и «кратковременный снег», «нетронутый, рыхлый снег»; немецкие говоры выделяют в качестве особой разновидности снежных осадков снег, падающий мокрыми хлопьями, а также обозначают с помощью специальных лексем процесс выпадения града и отсутствие снегопада зимой.

В семантическом поле «лёд, ледовый покров» на лексемном уровне манифестируются и на славянской, и на немецкой языковой территории такие семантемы, как «гонкий, непрочный лёд», «сосульки», «гололедица». Не отмечены немецкие соответствия славянским названиям прочного льда в противоположность тонкому, а также мелкого, весеннего льда, льда, покрытого или не покрытого снегом, льда, образующегося у берегов; только в немецких говорах Силезии зафиксировано специальное обозначение для воздушного пузыря подо льдом.

Состав семантического поля «облака» в славянских и немецких говорах в значительной степени совпадает: его образуют семантемы «маленькое облако», «кучевое облако» «тонкие, вытянутые облака», «туча, предвещающая дождь», «туча, предвещающая грозу», «туча, предвещающая снег», «туча, закрывающая солнце», «небо, не затянутое облаками». Только для славянских говоров характерными оказываются обозначения тучи большого размера (один пример в мор. говорах), светлых, недождевых облаков, тучи, приносящей град, тучи, предвещающей ветер. В немецких говорах отмечены особые лексемы для обозначения облаков, появляющихся утром и вечером, а также для неба, затянутого облаками.

В названиях ветров следует отметить в славянских и немецких говорах наличие лексем, обозначающих западный и северо-восточный ветры, весенний ветер, ветер, предвещающий снегопад, и круговое движение ветра, вихрь.

Совпадает в основных чертах в славянских и немецких говорах структура семантических полей «атмосферные световые и акустические явления» и «общее состояние атмосферы». Следует отметить лишь выделение особых семантем «молния, не сопровождаемая раскатами грома» в славянских и «погода в апреле» в немецких говорах.

Другим аспектом настоящей работы стало изучение способов семантической мотивации номинативных единиц. Одной из выявленных характеристик диалектного ландшафта является мозаичность его структуры, связанная с разнообразием способов и принципов номинации объектов внеязыковой действительности. В ходе исследования было отмечено, что в славянских и немецких говорах обозначения природных явлений представляют собой либо отдельные лексемы, либо аналитические наименования, то есть, сочетания слов различной степени устойчивости.

Лексемы, обозначающие природные явления, демонстрируют различные принципы номинации. Однако, среди разнообразия этих принципов можно отметить те, которые представляются в большей или меньшей степени общими для различных славянских и немецких говоров (если они фиксируются в двух или большем количестве языковых микрзон, граничащих друг с другом или удалённых друг от друга в языковом отношении). К таким принципам можно отнести номинацию природных явлений по формам и характеру протекания, по некоторым особенностям внешнего вида, а именно:

- по характерному действию, лежащему в основе явления, например, лить или мочить в обозначениях сильного дождя: *уливень* в яросл. и лад.-тихв., *залева* в полес.бел., *залива* в полес. укр., степ. и ю.-зап. укр. или *замочка* в сев.-пск., *макун* в сев.-зап. бел., *Geflä(e)tzter* в нем. силез., *Giess, Guss, Nassauer* во франк. говорах;
- по характерному месту проявления – *верхалёдзіца* в полес. бел. «вода, выступающая поверх льда во время оттепели», *забережина* «незамерзающее место водоёма около берега» в сев.-пск. говорах и др.;
- по сопутствующему или предвещаемому природному явлению – *градовица* «градовая туча» в яросл., *градовиця* в ю.-зап. укр.; *гърмонос* «облако, предвещающее бурю» в некоторых болг. говорах, *Sonnenregen* «тёплый дождь в солнечную погоду» в нем. силез. говорах;
- по характерному звуку, сопровождающему природное явление – *звенец* «лёд во время вскрытия реки» в лад.-тихв., *šćinkotka* (от глагола со значением «звенеть») «лёд, под который сбежала вода» в н.-луж. говорах, *Sachterege* (тихий дождь) «моросящий дождь» в нем. силез. говорах;
- по длительности протекания или по времени проявления – *суточник* «затяжной дождь» в сев.-рус., *trzydniówka* в маз., *třikralka* «мороз в январе» в мор. говорах, *Priller* «дождь с градом» в нем. силез. говорах, *досветник* в сев.-зап. бел. и *Morgenregen* в нем. силез. говорах в значении «дождь, прошедший рано утром»;

- по воздействию природного явления на различные объекты природы – *сеногной* «тёплый дождь» в сев.-рус. говорах, *Giftregen* (ядовитый, наносящий вред растениям дождь) «тёплый дождь в солнечную погоду» и *Heuwetter* «ясная погода» в нем. силез., *drvolam* «сильный ветер» в чеш. говорах и *лістабой* в том же значении в сев.-зап. бел. говорах, *Laubschwemme* «осенний дождь» (срывающий листья с деревьев) в нем. силез. говорах;
- по предполагаемой причине проявления – *хмаролом* «ливень» в гуц. и *Himmelsträne* «дождь» в нем. силез. говорах;
- по физическому восприятию явления человеком – *колотун* в яросл., *ščipavica* в каш. и *зъботраканица* в вост.-фрак. в значении «сильный мороз», *Scmatzregen* (кусачий дождь) «кратковременный проливной дождь» в нем. силез. говорах;
- по особенностям внешнего вида – *яснец* «лёд, не покрытый снегом» в яросл. и *белина* «покрытый снегом лёд» в сев.-пск. говорах, *Eisnadeln* (ледяные иголки), *Mihltau* (мучная роса) «иней, изморозь» в нем. силез. говорах.

Довольно часто, особенно при наименовании туч и облаков, а также других природных явлений, обозначаемое явление уподобляется в названии другой реалии, например, *корзиночки* «небольшие облака» в яросл., *pacześnina* (очёсы льна) «облака, не предвещающие дождя» в пол., *мезга* «снег с дождём» и «древесина сразу под корой» в полес. бел., *пирог* «сугроб» в сев.-пск. говорах, *смыза* «морозящий дождь» и «кустарник» в сев.-зап. бел. говорах, *sigla* «мелкий дождь» и «большой или густой хвойный лес» на чеш.-слвц. пограничье, *swěce*, *swěčki*, *trupk'i* «сосульки» в луж. говорах, *Kippel* «холмы» и «кучевые облака» в нем. силез. говорах.

Среди обозначений природных явлений встречаются случаи опосредованной (косвенной) номинации. К ним можно отнести, в частности, некоторые наименования затяжного дождя: *неўрядиця* в полес. укр., *bieda* в некоторых пол.; метели: *суматоха* в яросл., *běda* в каш.; града: *škodnice* в чеш. говорах - или *Ausche* (неожиданность) «неожиданный проливной дождь» в нем. силез. говорах.

Периодически для обозначения природных явлений в славянских говорах используется такое средство, как лексикализация формы множественного числа. Именно в этой форме лексема зачастую обладает «метеорологическим» значением. Примерами подобных наименований являются лексемы *шишове* «раскаты грома» в балк. говорах

Болгарии (шиш – вертел, заострённый прут), *цигани* «град» в серб.-хорв. говорах, *светляки* «молния без грома» в яросл. говорах и др.

Иногда письменные источники представляют такую разновидность славянских наименований, как существительное с приложением: *дождь-сеногной* «тёплый дождь» в яросл., *мороз-огуречник* «мороз, наносящий вред огуречной рассаде» в ср.-пск., *мароз-пякун* «сильный мороз» в вост. бел., *калашмай-вечер* «сильный ветер» в полес. бел. говорах. и др.

Характерным для метеорологической лексики славянских и немецких говоров явлением оказывается использование таких лексико-грамматических разрядов слов, как глаголы и слова категории состояния. Глаголы, используемые для обозначения природных явлений, относятся к функциональным или собственно метеорологическим (*verba meteorologica*). Функциональные глаголы обычно употребляются в сочетании с существительными, называющими субстанцию, для обозначения процесса проявления этой субстанции (например, глагол *идти* в выражении *дождь идёт*). Функциональные глаголы, используемые в составе метеорологических наименований, с точки зрения семантики, в основном типологически адекватны, так как их употребление основано чаще всего на предметно-логических связях. Собственно метеорологические глаголы, употребляемые в отличие от функциональных самостоятельно, содержат тем не менее указание на субстанцию либо за счёт корневой морфемы (*занаститься* «покрыться настом» в яросл., *засіранець* в том же значении в сев.-зап. бел., *graupeln* «выпадать (о граде)» в нем. силез. говорах), либо за счёт устойчивой ассоциативной связи с подразумеваемой субстанцией (например, *повалило* «начать падать (о снеге)» во многих рус. говорах).

Семантически близкими к собственно метеорологическим глаголам оказываются слова категории состояния. Обычно они обозначают разновидности общего состояния атмосферы: ясную, солнечную или пасмурную, ненастную; тёплую или холодную погоду, например, в значении «очень тёплая погода»: *знойко* в яросл., *gorąco* в варм.-мазур., *горещо* повсеместно в болг. и т.д., *hemlich* (приветливо, радостно) «ясная погода» в нем. силез. говорах; в значении «холодная погода»: *змеисто* в яросл., *северно* в сев.- и ю.-рус., *ядрэно* в полес. бел. и *ядрана* в сев.-зап. бел. и т.д.; в значении «пасмурная погода»: *хмурно* в яросл., бр. и полес. бел., *chmurno* в мал.-пол. и маз. говорах, *bruttlich* (невесёлое настроение) в нем. силез. говорах. Реже встречаются слова категории состояния, обладающие иными лексическими значениями: *подледено* в миз.

и *glattig* в нем. силез. в значении «гололедица», *моросьно* «моросит» в сев.-пск., *молодо* в гуц. и *видно*, *вольно* в пск. в значении «редкие тучи, отсутствие туч на небе», *навеяно* «сугроб» в миз. и рун. говорах.

Помимо лексем, как показывает собранный материал, в славянских названиях природных явлений широко используются аналитические наименования, то есть устойчивые и свободные сочетания слов.

Среди устойчивых сочетаний выделяется несколько групп в соответствии со спецификой обозначения ими природных явлений.

Первую группу составляют устойчивые обороты, воспроизводящие в названии особенности внешнего облика обозначаемого явления: *nebjo se tergoco* (небо раздирается) «молния без грома» в н.-луж., *ribě ščežule* (чешуя рыбы) «дождевые тучи» в каш., *kocie pięście* (кошачьи кулаки) «снег, падающий крупными хлопьями» в маз. говорах и др.

Вторую группу устойчивых выражений составляют наименования, в которых природная сила наделяется чертами, свойственными человеку: *dešč glěpeje* (дождь глупеет) «сильно лить (о дожде)» в каш., *дождь ноги свесил* «состояние неба перед дождём» в сев.-пск., *снег домой пошёл* «таять (о весеннем снеге)» в ю.-пск. говорах, *Is Wetter hout si eighängt* (погода прицепилась, схватила под руку) «состояние погоды, когда грозовой дождь переходит в длительный» во франк. говорах.

Третью группу устойчивых оборотов образуют те диалектные наименования, в которых проявление природных сил связывается с деятельностью или атрибутами определённых персонажей. Это может быть бог: *бог гнівасця* «раскаты грома» в полес. укр., *Panbůh hněva se* в том же значении в чеш. говорах, *boži batug* «град» в каш. говорах, *Matze Cottel Wetterbaum* (или на лексемном уровне - *Matzagotwolke*) (*Matza* – «радость, удовольствие») «тёмные облака» и *Pater hat gelacht* «сверкать (о молнии)» в нем. силез. говорах; некоторые христианские святые: *Никола бородоў потрес* «первый снег» в гуц., *sv'qti P'oter v nebe krěpě šrotuje* (св. Пётр в небе крупу мелет) «мелкий, сухой снег» в каш. говорах, *Petrus segelt, das die Funken stieben* «сверкать (о молнии)» в нем. силез. говорах; различные персонажи народной мифологии: *відьми бьют* «сверкать (о молнии без грома)» в покут., *н'аўкі танцуют* «вихрь» в зак. говорах – и иные лица, «представляющие» природные явления: *glupy jaś* «вихрь» в мал.-пол., *blanker Heinrich* «морозная бесснежная погода» в нем. силез. говорах; представители

определённых национальностей: *švedzě krěpě na žarnach melq* (шведы мелют крупу на жерновах) «мелкий, сухой снег» в каш. говорах.

Одной из разновидностей устойчивых выражений в славянских говорах являются сравнительные обороты. В подобных наименованиях природное явление обозначается за счёт сравнения с другой реалией, например, *дошч як мак* «морозящий дождь» на волынско-западнополесском пограничье, *сніг як мухи* в бук. и *śnieg by tuchi* в маз. говорах в значении «снег, падающий крупными хлопьями», *v'atr jak klin* «сильный ветер» в каш. говорах. Иногда обозначаемое явление сравнивается не с предметом, а с определённым образом проявления, демонстрирующим интенсивность или объём. Достаточно часто таким способом получает наименование сильный дождь: *лить как из ведра* в рус., *ліць як з ведра* в сев.-зап. и вост. бел., *дошч ліє як з ведра* повсеместно в укр., *leje jak z cebra* повсеместно в пол., *dešč pada jak z cebra* в каш., *дъжд като из ведро* в болг. говорах и др.

Собранный материал показывает, что важное место в наименованиях природных явлений занимают свободные словосочетания. Как правило, они называют видовые явления, причём видовое значение передаётся обычно при помощи грамматически зависимого слова.

Среди свободных словосочетаний выделяются такие, в которых зависимое слово относится к метеолексике, то есть связано в первую очередь с обозначением природных явлений. Это, в частности, обозначения сильного дождя, называющие это явление природы по характерному действию, например, *заливной дождь* в сев.-рус., *заливный дождь* в бр. и ю.-пск., *залівны дождж* в полес. и сев.-зап. бел., *зливний дошч* в полес. укр. и зак.; *забойный дождь* в бр. и ср.-пск., *забойны дождж* в сев.-зап. бел. говорах и др. Аналогично в нем. силез. говорах: *ein latschiges Winter* «бесснежная зима». Зависимое слово может указывать, кроме того, на сопутствующие явления природы: *солнечный дождь* в ю.-пск., *сонечни дошч* в вост.-полес. укр., *дождь с припарком* в бр., *радужный дождь* в лад.-тихв. говорах в значении «тёплый дождь»; *морозный снег* в ю.-пск., *trožni śněg* в каш. говорах в значении «мелкий, сухой снег»; *tšaňny trok* «гром без последующего дождя» в н.-луж. говорах.

В ряде случаев для зависимого компонента словосочетания «метеорологическое» значение является переносным. Проливной дождь, например, может быть представлен в некоторых говорах буквально как щедрый, сочный: *пажадлівы дождж* в сев.-зап. бел., *рясний дошч* в бойк., *sytny dešt'* в чеш. В некоторых наименованиях природных

явлений встречаются прилагательные с положительной или отрицательной семантикой, несколько суженной в рамках словосочетания: *непутная погода* в бр. и *ñeplešni dzeñ* (непристойный день) в каш. говорах в значении «ненастная погода»; *мучительная погода* «погода с грозами» в лад.-тихв. говорах, аналогично: *zugschlogner Tag* (закрытый, прихлопнутый день) «пасмурная погода» в ю.-бав. говорах. Обозначаемое природное явление может быть представлено в словосочетаниях как нечто физически воздействующее на говорящего: *želazny śnieg* «сухой, мелкий снег» в мал.-пол., *šćipajqce v'odro* (щиплющая погода) «ненастная погода» в каш. говорах; явление природы в названии может получать определения, приписываемые обычно самому человеку: *шалной дождь* в лад.-тихв., *упрямый дошч* в бойк., *tvrdošijny* (упрямый) *dešt'* в чеш. говорах в значении «сильный дождь»; *toller Wind* (сумасшедший ветер) «вихрь» в нем. силез. говорах; *самостоятельный дождь* «затяжной дождь» в ю.-пск., *скупий дошч* «моросающий дождь» в степ. говорах Украины; *невесёлая погода* в лад.-тихв. и *unlustiges Wetter* в ю.-бав. говорах в значении «пасмурная погода». Благодаря зависимому компоненту словосочетания природное явление может сравниваться с другой реалией или признаком: *мlynkowaty wiatr* (мельничный ветер) в мал.-пол., *ñицяны дождж* «дождь, падающий тонкими струйками» в сев.-зап. бел. говорах, *klirrende Kälte* (звенящий холод) «иней, изморозь» в нем. силез. говорах. Природное явление в словосочетании может также обозначаться по его влиянию на хозяйственную деятельность людей: *пасаёны дождж* в сев.-зап. бел. и *жнiўний дошч* в подол. говорах в значении «тёплый дождь».

Среди обозначений природных явлений, кроме того, встречается немало словосочетаний с зависимым словом, не относящимся к метеолексике и широко употребляющимся в сочетании с лексемами из самых разных тематических групп, например, наименования дождя разной степени интенсивности в бр. говорах: *большой дождь* – *средний дождь* – *маленький дождь*. Особенно часто подобные словосочетания встречаются при обозначении ясной, солнечной погоды: *ражий день* в яросл., *погода добра* в полес. укр., волын., поднестр., *dobry čas* в чеш. и слвц. говорах и др.

Собранный материал показывает, что некоторые типы семантической мотивации встречаются и в отдельных лексемах, и в аналитических наименованиях, например, *тоšna* (кошелёк) в чеш. и *дождь как из кошеля вытряхивает* в сев.-пск. говорах в

значении «кратковременный морозящий дождь»; *snig jak rękawici* в поднестр. и *rękawice* в силез. говорах в значении «снег, падающий крупными хлопьями».

Соответствия подобного рода (равно как и определённое сходство в структуре соответствующих семантических полей) можно наблюдать также между славянскими и немецкими говорами. Речь в данном случае идёт об общих принципах номинации метеорологических явлений и о системе используемых в процессе номинации образов, характерных для немецкого и славянских языков. В этом смысле справедливо замечание Э.Косериу: «языковое познание является ... метафорическим познанием, причём картины так похожи друг на друга, что можно серьёзно думать над универсальным единством человеческой фантазии, которая преодолевает языковые, этнические и культурные различия» (Coseriu: 26). В частности, такими общими для славян и немцев образами являются «цветение» или «поедание, пожирание» снега в обозначениях ряда природных явлений: *zyna kwiśo*, *sněg kwiśo* «снег, падающий большими хлопьями» в н.-луж. и *Schneeblühen* «туча, предвещающая снег», *Schneebliet* «иней, изморозь» в нем. силез.говорах; *snegoed* «южный ветер» в руп., *Schneefresse* «таяние снега» в нем. силез. говорах; образ града как небесных камней: *kameńec* «град» в словц. и *steinern* «выпадать (о граде)» в ю.-бав. говорах; образ облаков как холмов, возвышенностей: *бугарок* «небольшое облако» в полес. бел. и *Kippel* «дождевые тучи» в нем. силез. говорах и др. (Хотя, естественно, что определённая семантика в составе семантического поля (например, *Christnebel* «туман в рождественскую ночь» в нем. силез. говорах) и используемый в номинации образ часто характерны лишь для одной группы говоров, например, образ проливного дождя как дождя, стирающего кители, во франк. говорах - *Kittlwäscher*).

На основании некоторых повторяющихся мотивационных признаков в славянских и немецких обозначениях природных явлений выделяются целые группы наименований, относящихся к определённым мотивационным темам: «животной», «растительной», «цветовой», «национальной» и некоторым другим.

«Зоологический» код вообще довольно широко используется в процессе номинации самых разных объектов. В частности, в системе устойчивых словосочетаний польского языка, как отмечалось в специальном исследовании, среди 15 наиболее активных во фразеобразовательном отношении компонентов 13 – наименования животных и насекомых: собака – 177 УС, волк – 56, свинья – 55, кот – 48, вол – 39, конь – 35, рыба – 28, заяц – 28, муха – 28, вошь – 25, медведь – 23, телёнок – 23 УС (Николаева: 95). Определённая частотность наблюдается в использовании названий животных и в

различных номинативных единицах немецкого языка. Так, в древнегерманских двучленных именах собственных в таблице валентности первых и вторых элементов чаще других фигурируют волк, ворон, змей, кабан, конь, медведь, собака (Топорова: 69, 94).

Употребление зоонимов в лексике народной метеорологии не случайно, поскольку связь между животным миром и явлениями природы в народном сознании является очень тесной, что находит отражение в многочисленных поверьях. Так, хтонические животные и насекомые, например, крот, вошь, фигурируют в различных обрядах вызывания дождя на территории Белоруссии. Закономерным является использование в народной метеолексике и наименований птиц, поскольку их прилёт и отлёт являются одним из главных системообразующих факторов народного календаря. Зоонимы могут использоваться в метеолексике и в силу того, что обозначаемые живые существа обладают рядом характерных внешних признаков (например, заяц – белый, пушистый) или оказывают, согласно поверьям, определённое влияние на хозяйственную деятельность людей, зависящую от погодных условий: так, в России и зап. Белоруссии считалось, что если такая рыба, как ёрш попадётся в первом залове, то промысел будет неудачным (Гура: 754) (отсюда, возможно, *ершовый ветер* «северный ветер» в яросл. говорах). Среди наименований, мотивированных названиями животных, птиц, рыб, насекомых можно назвать следующие: *барани* «тучи, облака» в укр. и *barance* в слвц. в значении «тучи, облака», *owse* «дождевые облака» в пол. силез., *owieczki* «небольшие облака» в вел.-пол. и маз., *Schäflein* «маленькое облако», *Abendlämmlein*, *Morgenlämmlein* в нем. силез. говорах; *быки* «светлые, недождевые облака» в яросл. и *Ochsenauge* «воздушный пузырь подо льдом» в нем. силез., *коровушка* «маленькая тучка» в яросл. и *Kühtappet* «небо, затянутое облаками» в нем. силез. говорах; *мачешки сняг* «последний снег» в ю.-зап. болг., *kocie lby*, *koty* в различных пол. и *Schneekatze* в нем. силез. говорах в значении «снег, падающий большими хлопьями»; *psia pogoda* «дождливая погода» в вел.- и мал.-пол., маз. и *Hundekälte* «сильный мороз» в нем. силез. говорах; *зайцы* «снег, падающий большими хлопьями» в яросл. и *Hasenschnee* «лёгкий снегопад» в нем. силез. говорах; *комариный вал* «мелкие волны» в сев.-пск., *komarniczy śnieg* «мелкий, сухой снег» в мал.-пол., *Schnagabrunser* (*Schnag* – комар) «мелкий, морозящий дождь» во франк. говорах; *všani v'ater* «северо-восточный ветер» в каш. и *Lausekälte* «морозная погода» в нем. силез. говорах.

Из метеонимов, мотивированных словами с «цветовым» значением, выделяются наименования некоторых видов дождя, туч, а также инея, изморози: *белый дождь*

«ливень» в лад.-тихв., *бялы́й до́ж* в полес. бел. и *červený dešť* в чеш. говорах в значении «тёплый дождь в солнечную погоду»; *белинка* «мелкое кучевое облако» в ср.-пск.; *черняшка* в яросл., *чорні́ва* в гуц., *černava* в чеш., *čierňava* в слвц., *Schwe(ä)rzl* во франк. говорах в значении «туча, предвещающая ненастную погоду»; в значении «иней, изморозь» – *белун* в сев.-пск., *белый мороз* в бр. и пск., *biały mroz* в маз. и варм.-мазур., *bilý mraz* в чеш., *siwy mroz* в маз., мал.-пол. и вост. районах вел.-пол. говоров, *szady mroz* в варм.-мазур. и маз., *grauer Frost* в нем. силез. говорах.

В названиях природных явлений могут фигурировать представители некоторых национальностей, а также различных видов хозяйственной деятельности и социальных слоёв – *цигански сняг* «первый снег» в сев.-зап. болг. говорах, *циганське тепло* «мороз» в укр. говорах, *жыдоўскі дождж* «тёплый дождь в солнечную погоду» в полес. бел., *Judenlaterne* «месяц на небе» в нем. силез. говорах, *polak* «северо-восточный ветер» в мор., слвц. и *Polake* в том же значении в нем. силез. говорах; *чумацький дощ* в поднестр., *чобанський дощ* в бук. говорах в значении «затяжной дождь»; *burski sněg* «грубый снег» и *knězski sněg* «пушистый снег» в н.-луж. говорах, *Armeleuteschnee* «лёгкий снегопад», *es schneit Bauernjungen* «падать крупными хлопьями (о снеге)», *Burschnie* «плотный, слежавшийся снег» в нем. силез. говорах.

Таким образом, наименования природных явлений в славянских и некоторых немецких говорах свидетельствуют о значительном совпадении соответствующих фрагментов ЯКМ как с точки зрения структуры семантических полей, так и способов семантической мотивации наименований. Различия проявляются, главным образом, в наличии в семантической структуре каждой из языковых групп особых семантем и характерных образов, служащих основой для наименования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

бав. — баварский	перех. — переходный
балк. — балканский	поднестр. — поднеэтровский
бел. — белорусский	подол. — подольский
бойк. — бойковский	покут. — покутский
Болг. — болгарский	пол. — польский
бр. — брянский	полес. — полесский
бук. — буковинский	полт. — полтавский
варм.-мазур. — варминско-мазурский	посан. — посанский
вел.-пол. — великопольский	пск. — псковский
волын. — воынский	родоп. — родопский
вост. — восточный	руп. — рупский
вост.-слав. — восточнославянский	рус. — русский
вост.-фрак. — восточнофракийский	сев. — северный
гуц. — гуцульский	серб.-хорв. — сербохорватский
зак. — закарпатский	силез. — силезский
зап. — западный	слвц. — словацкий
зап.-полес. — западнополесский	слоб. — слободской
зап.-фрак. — западнофракийский	словен. — словенский
каш. — кашубский	ср.-поднепр. — среднеподнепровский
лад.-тихв. — ладого-тихвинский	ср.-полес. — среднеполесский
лемк. — лемковский	ср.-пск. — среднепсковский
маз. — мазовецкий	степ. — степной
макед. — македонский	укр. — украинский
мал.-пол. — малопольский	франк. — франконский
миз. — мизийский	чеш. — чешский
мор. — моравский	ю. — южный
н.-луж. — нижнелужицкий	

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов — Азимов Э.З. Из полесской народной метеорологии. Слепой дождь.// Полесский этнолингвистический сборник. М. 1983.
- Архив СУ — Архив кафедры болгарского языка Софийского университета. София, университет «Климент Охридски».
- Афанасьев — Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. СПб. 1867-1872.
- Біл.-Нос. — Білецький-Носенко П.П. Словник української мови. Київ 1966.
- Буслаев — Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.1. Лейпциг 1970.
- БДА — Български диалектен атлас. Т. 1-4. София 1964-1981.
- Бяльк. Сл. Маг. — Бялькевич К. Краёвы слоўнік ўсходняй Магілёўшчыны. Мінск. 1970.
- Вендина — Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М. 1998.
- Габовштяк — Габовштяк А. О некоторых причинах лексической дифференциации в словацких диалектах. // Советское славяноведение. 1978. № 6. С. 60-68.
- Геров — Геров Н. Речник на българский язык. Т. 1-5. Пловдив 1893.
- Грінч. — Грінченко Б.Д. Словарь украинской мови. Т. 1-4. Київ 1907-1909.
- Гура — Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М. 1997.
- Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М. 1955.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск 1963.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. 1-3. Київ. 1983-1989.
- Желех. — Желеховський С. Малоруско-німецький словарь. Т. 1-2. Львів 1886.
- Жилко — Жилко Ф.Т. Говори української мови. Київ 1958.
- Зеленин — Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. 1991.
- З нар. сл. — З народнага слоўніка. Мінск 1975.
- Иванов БДА — Иванов Й. Български диалектен атлас. Български говори от Егейска Македония. Т. 1-2. София 1972.
- Кабасанов — Кабасанов Ст. Един старинен български говор. Тихомирският говор. София 1963.
- Кар. — Караџић В. Српски рјечник истумачен немачкијем и латинскијем ријечима. Београд 1898.
- Карт. ПОС — Картотека Псковского областного словаря. Санкт-Петербург, СПбГУ, филологический факультет, межкафедральный словарный кабинет им. Б.А.Ларина.
- Карт. СБГ — Картотека Словаря брянских говоров. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И.Герцена, филологический факультет, диалектологический кабинет.
- Карт. СРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Санкт-Петербург, СПбГУ, филологический факультет, кафедра русского языка.
- Карт. ЯОС — Картотека Ярославского областного словаря. Ярославль, ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, филологический факультет, диалектологический кабинет.
- Касьп. Віц. Сл. — Касьпяровіч М.. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск 1927.
- Лінгв. геагр. бел. — Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск 1968.
- Михајловић — Михајловић В. Српскохрватски називи ветрова. // Прилози проучавању језика. Нови Сад 1966. С. 99-122.

- Могила О.А. — Могила О.А. Метеорологическая лексика украинских говоров (лексико-семантическая, ареальная и генетическая характеристика). Дис. канд. фил. наук. Киев 1984.
- Нар. лекс. Гомель. — Народная лексика Гомельщины. Минск 1983.
- Николаева — Николаева Е.К. К типологии фразообразования устойчивых сравнений (на материале польского языка) // Вопросы языкознания, 1996. №6. С. 95-99.
- Нос. — Носович И. Словарь белорусского наречья. СПб 1870.
- ОДА — Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 4. Львів 1993.
- Онышкевич 1972 — Лексико-семантическая дифференциация слов, обозначающих погоду, в украинских говорах карпатского ареала. // Карпатская диалектология и ономастика. М. 1972. С. 166-178.
- Онышкевич 1984 — Онышкевич М.Й. Словник бойківських говірок. Т. 1-2. Київ 1984.
- Осташ — Осташ И.И. Названия метеорологических явлений в чешском языке. Дис. канд. фил. наук. Киев 1986.
- Подюков — Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь 1990.
- Поповски — Поповски А. Македонскиот говор во гостиварскиот крај. Гостивар 1970.
- Потебня 1914 — Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков 1914.
- Потебня 1989 — Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. // Слово и миф. М. 1989. С. 285-378.
- Преображенский — Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-2. М. 1959.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1- 8. Л. 1967-1990.
- Расторгуев — Расторгуев П.Н. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск 1973.
- Реч.мак.јаз. — Речник на македонскиот јазик со српско-хрватски толкувања. Т. 1-3. Скопје 1961-1965.
- РСКНЈ — Рјечник српскохрватског књижевног и народог језика. Т. 1-12. Београд 1959-1984.
- СБГ — Словарь брянских говоров. Вып. 1-4. Л. 1976-1984.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1-32. Л. 1965-1998.
- СУМ — Словник української мови. Т. 1-10. Київ 1970-1980.
- Сл.П.-Зах.Бел. — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1-5. Мінск 1980-1986.
- Стойков — Стойков Ст. Българска диалектология. София 1954.
- Сцяцко — Сцяцко П. Дыялектны слоўнік (з гаворак Зэльвеншчыны). Мінск 1970.
- Сцяшк. Сл. Гродз. — Сцяшковіч Т.Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск 1983.
- Толстой 1974 — Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований. // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л. 1974. С. 16-33.
- Толстой 1976 — Из географии славянских слов. 8. Радуга.// Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и исслед-я. 1974. М. 1976.
- Толстой, Толстая 1981 — Толстой Н.И., Толстая С.М. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах.// Славянский и балканский фольклор. М. 1981.
- Толстой, Толстая 1983 — Толстой Н.И., Толстая С.М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья.// Полесский этнолингвистический сборник. М. 1983. С. 3-21.

- Топорова — Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М. 1996.
- Тошев — Тошев К. Струшкиот говор. Скопје. 1979.
- Тур.Сл. — Тураўскі слоўнік. Т.1-5. Мінск 1982-1987.
- Усачёва — Усачёва В.В. Из наблюдений над метеорологической лексикой Полесья и Карпат. // Полесский этнолингвистический сборник. М. 1983.
- Утешены — Утешены С. О современной диалектографии чешских говоров.// Советское славяноведение.1978. №5. С. 69-76.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М. 1958-1964.
- Цонев — Цонев Б. История на българский езикъ. София 1919.
- Шат. Кр. Сл. Черв. — Шатэрнік М.В. Краёвы слоўнік Червеншчыны. Менск 1929.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 1-24. М. 1974-1997.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1-3. Мінск 1978-1985.
- Яковлева — Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. 1994.
- Янкова — Янкова Т.С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск 1982.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. 1-10. Ярославль 1981-1991.
- ASJ — Atlas slovenskeho jazyka. D. 4. Bratislava 1984.
- Atl. Mund. Tschech. — Atlas der historischen deutschen Mundarten in der Tschechischen Republik. Fragebuch. B. 2.
- Atl. bojk. — Atlas gwar bojkowskich. T. 5. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1985.
- Atl.maz. — Atlas gwar mazowieckich. T. 1. Wyd. PAN. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1971.
- Atl. Biał. — Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. T. 1. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1980.
- Atl. slov. jaz. — Atlas slovenskeho jazyka. T. 4. Bratislava 1984.
- Baldinger — Baldinger K. Zum Einfluss der Sprache auf die Vorstellungen des Menschen. Heidelberg 1973.
- Bartoš — Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha 1906.
- Berthold — Berthold E. Fürther Mundartwörterbuch. 1975.
- Cosciu — Coseriu E. Sprache: Strukturen und Funktionen. Tübingen.
- Čes. sl. — Český slovník věcný a synonymický. (Zprac. J. Haller). D.1-2. Praha 1969-1974.
- Dallhammer — Dallhammer H. Ansbacher Wörterbuch. Ansbach 1978.
- Geb. — Gebauer J. Slovník staročeský. SPN. D.1-2. Praha 1959.
- Gregor — Gregor A. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha-Brno 1959.
- Herne — Herne G. Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala 1954.
- Horák — Horák G. Nářečie Pohorelcj. Bratislava 1955.
- Hruška — Hruška J. Dialektický slovník chodský. Praha 1907.
- Jungmann — Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1-5. Praha 1835-1839.
- Koseska — Koseska V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1972.
- Kott — Kott F. Dodatky k Bartošovu dialektickému slovníku moravskému. Praha 1910.
- Kup. 1963 — Kupiszewski W. Nazwy wiru powietrznego w gwarach polskich. // Poradnik językowy. 1963. № 7. S. 289-295.
- Kup.1969 — Kupiszewski W. Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków 1969.
- Kup. Więg.-Jan.Sł. Warm. — Kupiszewski W., Więgelek-Januszewska Zdz. Słownictwo Warmii i Mazur. Astronomia ludowa, miary czasu i meteorologia. Wrocław 1974.
- Lamprecht — Lamprecht A. Středořavské nářeči. Praha 1953.

- Linde — Linde B. Słownik języka polskiego. T. 1-6. Lwów 1854-1860.
- Lorentz — Lorentz Fr. Pomoranisches Wörterbuch. B. 1-5. Berlin 1958-1983.
- Maas — Maas H. Ein Nürnberger Wörterbuch. Nürnberg 1978.
- Malina — Malina I. Slovník nářečí mistříckého. Praha 1946.
- Mał.atl. — Mały atlas gwar polskich. T. 1-12. Wrocław-Kraków 1957-1970.
- Matejčík — Matejčík J. Lexika Novohradu. Věcný slovník. Martin 1973.
- Mitzka — Mitzka W. Schlesisches Wörterbuch. B. 1-3.
- Moszyński — Moszyński K. Kultura ludowa słowian. Kultura duchowa. Kraków 1934.
- Muka — Muka A. Słownik dołnoserbskeje řečy a jejc narěcow. T. 1-2. Budyšin 1966.
- Plet. — Pleteršnik M. Slovensko-nemski slovar. T. 1-2. Ljubljana 1894-1895.
- PSJČ — Příruční slovník jazyka českého. D. 1-8. Praha 1935-1958.
- Ramułt — Ramułt St. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków 1893.
- Reinfelder — Reinfelder G. Bamberger Dialekt-Wörterbuch. München 1986.
- Ripka 1975 — Ripka I. Dolnotrenčianskie nárečia. Bratislava 1975.
- Ripka 1980 — Ripka I. Slovník slovenských nářečí. Ukažkový zväzok. Bratislava 1980.
- Schuster-Šewc — Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. B. 1-24. Bautzen 1978-1989.
- Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 1-3. Zagreb 1971-1973.
- Slov. ľud. prisl. — Slovenske ľudové prislovia. Bratislava 1953.
- SSJ — Slovník slovenskeho jazyka. D. 1-5. Bratislava 1959-1965
- Sorb. Atl. — Sorbischer Sprachatlas. B. 9. Bautzen.
- Staročesk. Sl. — Staročeský slovník. S.I-XIY. Praha 1968-1984.
- Steinmetz - Hoffmann — Steinmetz H., Hoffmann H. Windsheimer Mundart Wörterbuch.
- Sychta — Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 1-6. Wrocław 1967-1976.
- Svěrak 1957 — Svěrak F. Karlovičské nářečí. Praha 1957.
- Svěrak 1966 — Svěrak F. Nářečí na Břeslavsku a v dolním Pomoravi. // Sb. prací ped. fakulty Univ. J. E. Purkyně v Brně 1966. Sv. 19. S. 4.
- Vydra — Vydra B. Popis a rozbor nářečí hornoblanického. Praha 1923.
- Werdensfelser Alt. Bair. — Werdensfelser Altes Bairisch. Windach. 1996.
- Wört. Ufr — Wörterbuch von Unterfranken. Würzburg 1996.
- Zaorálek — Zaorálek I. Lidová řeči. Praha 1963.
- Zaręba Atl. — Zaręba A. Atlas językowy Śląska. T. 1-4. Kraków 1969-1974.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

DIE WELT DER SLAVEN SAMMELBÄNDE – СБОРНИКИ

Herausgegeben von Peter Rehder und Igor Smirnov

Band 1:

Anton P. Čechov Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und im Werk

Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov-Symposiums
Badenweiler, 20.–24. Oktober 1994

Herausgegeben von Vladimir B. Kataev, Rolf-Dieter Kluge, Regine Nohejl
1997. Hardcover. XXII, 641 S. 140.- DM. (ISBN 3-87690-675-X)

Band 2:

Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) Band 1

Herausgegeben von Markus Giger und Björn Wiemer
1998. Hardcover. X, 212 S. 86.- DM. (ISBN 3-87690-705-5)

Band 3:

Lebenskunst – Kunstleben Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв.

Herausgegeben von Schamma Schahadat
1998. Hardcover. 229 S. 86.- DM. (ISBN 3-87690-706-3)

Band 4:

Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) Band 2

Herausgegeben von Katharina Böttger, Markus Giger und Björn Wiemer
1999. Hardcover. VIII, 320 S. 112.- DM. (ISBN 3-87690-738-1)

Band 5:

Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag

Herausgegeben von E. Hansack, W. Koschmal, N. Nübler, R. Večerka
1999. Hardcover. 355 S. 120.- DM. (ISBN 3-87690-739-X)

Band 6:

Poetik der Metadiskursivität Zum postmodernen Prosa-, Film- und Dramenwerk von Vladimir Sorokin

Herausgegeben von Dagmar Burkhart
1999. Hardcover. 244 S. 96.- DM. (ISBN 3-87690-745-4)

Band 7:

Kapitel zur Poetik Karel Hynek Máchas Die tschechische Romantik im europäischen Kontext

Beitr. zum Int. Bohem. Mácha-Symposium an der Universität Potsdam 21.–22.1.1995

Herausgegeben von Herta Schmid
in Zusammenarbeit mit dem Ústav pro českou literaturu Akademie Věd České Republiky
und unter Mitwirkung von Holt Meyer und Irina Wutsdorff
2000. Hardcover. 307 S. 120.- DM. (ISBN 3-87690-756-X)

VERLAG OTTO SAGNER

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

Herausgegeben von Peter Rehder
1997–2000

347. **Sipl, Carmen:** Reisetexte der russischen Moderne. Andrej Belyj und Osip Mandel'stam im Kaukasus. 1997. 283 S. 46.- DM. (3-87690-667-9)
348. **Birnbaum, Henrik, Jos Schaeken:** Das altkirchenslavische Wort. Bildung – Bedeutung – Herleitung. Altkirchenslavische Studien I. 1997. 190 S. 36.- DM. (3-87690-668-7)
349. **Israeli, Alina:** Semantics and pragmatics of the 'reflexive' verbs in Russian. 1997. 226 S. 42.- DM. (3-87690-669-5)
350. **Yili, Xhelal:** Das slavische Lehngut im Albanischen. 1. Teil: Lehnwörter. 1997. 344 S. 48.- DM. (3-87690-670-9)
351. **Frei, Bohumil Jiří:** Tschechisch gründlich und systematisch. Ein Lehrbuch. Band I. 1997. 360 S. 36.- DM. (3-87690-671-7) (Studienhilfen. 6.)
352. **Šemjatova, Bärbel:** Sologubs Schopenhauerrezeption und ihre Bedeutung für die Motivgestaltung in seinen Erzählungen. 1997. 451 S. 54.- DM. (3-87690-672-5)
353. **Зализняк, Анна А., Алексей Д. Шмелев:** Лекции по русской аспектологии. 1997. 151 S. 26.- DM. (3-87690-673-3) (Studienhilfen. 7.)
354. **Slavistische Linguistik 1996.** Referate des XXII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Potsdam 17.–20.9.1996. Herausgegeben von Peter Kosta und Elke Mann. 1997. 368 S. 50.- DM. (3-87690-691-1)
355. **Wolf, Markus:** Freimaurertum bei Puškin. Einführung in die russische Freimaurerei und ihre Bedeutung für Puškins literarisches Werk. 1998. 115, LXXIII S. 36.- DM. (3-87690-692-X)
356. **Bohnet, Christine:** Der metafiktionale Roman. Untersuchungen zur Prosa Konstantin Vaginovs. 1998. 293 S. 46.- DM. (3-87690-693-8)
357. **Baumgarten, Caroline:** Die spätklassizistische russische Komödie zwischen 1805 und 1822. Studien zu Šachovskoj, Zagoskin, Chmel'nickij und Griboedov. 1998. XVIII, 322 S. 52.- DM. (3-87690-695-4)
358. **Fenner, Ingrid:** Zur Poetik des Lyrikers Konstantin M. Fofanov. 1998. XII, 232 S. 44.- DM. (3-87690-696-2)
359. **Fischer, Christine:** Musik und Dichtung. Das musikalische Element in der Lyrik Pasternaks. 1998. 358 S. 52.- DM. (3-87690-697-0)
360. **Huber, Katja:** „Aélita“ – *als morgen gestern heute war*. Die Zukunftsmodellierung in Jakob Protazanovs Film. 1998. 129 S. 26.- DM. (3-87690-698-2)
361. **Lindseth, Martina:** Null-subject properties of Slavic languages. With special reference to Russian, Czech and Sorbian. 1998. VIII, 207 S. 42.- DM. (3-87690-699-7)
362. **Маляр, Т.Н., О. Н. Селиверстова:** Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. 1998. 345 S. 48.- DM. (3-87690-708-X)
363. **Seitz, Elisabeth:** Primus Truber – Schöpfer der slovenischen Schriftsprache? Versuch einer Antwort unter besonderer Berücksichtigung seines Satzbaus. 1998. 300 S. 46.- DM. (3-87690-709-8)
364. **Шмигер, Роланд:** Нестрамски говор. Допринос јужнословенској дијалектологији. 1998. 492 S. 60.- DM. (3-87690-710-1)
365. **Demjanow, Assinja:** Eine semantische Analyse der Perfektivierungspräfigierung im Russischen. Fallstudie *pere-*. 1998. 183 S. 36.- DM. (3-87690-711-X)
366. **Hubenschmid, Markus:** Text und Handlungsrepräsentation. Ein Analysemodell politischer Reden am Beispiel V.I. Lenins. 1998. X, 244 S. 44.- DM. (3-87690-712-8)
367. **Russische zeitgenössische Schriftsteller in Deutschland.** Ein Nachschlagewerk. Herausgegeben von Elena Tichomirova unter Mitwirkung von Ute Scholz. 1998. 190 S. 36.- DM. (3-87690-713-6)
368. **Zink, Andrea:** Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietzsches und der Neukantianer. 1998. 387 S. 50.- DM. (3-87690-714-4)
369. **Korom, Marija:** Kroatisch für die Mittelstufe. Lese- und Übungstexte. 1998. IV, 216 S. 34.- DM. (3-87690-715-2) (Studienhilfen. 8.)
370. **Trunte, Nikolaos H.:** Славѣнскій ѳзыкъ. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie. Band 2: Mittel- und Neukirchenslavisch. 1998. XXX, 520 S. 56.- DM. (3-87690-716-0) (Studienhilfen. 9.)

371. **Vojvodik, Josef**: Symbolismus im Spannungsfeld zwischen ästhetischer und eschatologischer Existenz. Motivische Semantik im lyrischen Werk von Otokar Březina. 1998. 357 S. 58.- DM. (3-87690-717-9)
372. **Frei, Bohumil Jiří**: Tschechisch gründlich und systematisch. Ein Lehrbuch. Band II. 1998. 552 S. 46.- DM. (3-87690-718-7) (Studienhilfen. 10.)
373. **Kessler, Stephan**: Erzähltechniken und Informationsvergabe in Vasilij Aksenovs *Ožog, Zolotaja naša železka* und *Poiski žanra*. 1998. 509 S. 66.- DM. (3-87690-719-5)
374. **Drubek-Meyer, Natascha**: Gogol's *eloquentia corporis*. Einverleibung, Identität und die Grenzen der Figuration. 1998. 362 S. 58.- DM. (3-87690-725-X)
375. **Slavistische Linguistik 1997**. Referate des XXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Blaubeuren 26.–28.8.1997. Herausgegeben von Tilman Berger und Jochen Raecke. 1998. 325 S. 54.- DM. (3-87690-726-8)
376. **Kakridis, Yannis**: Wortbildung und Kategorisierung am Beispiel der desubstantivischen Wortbildung des Russischen. 1999. 218 S. 46.- DM. (3-87690-727-6)
377. **Marzari, Robert**: Die Entwicklung des historiographischen Stils im Vergleich zum literarischen bei Lomonosov, Karamzin und Puškin. 1999. 195 S. 42.- DM. (3-87690-728-4)
378. **Дуличенко, Александр Д.**: Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР. Антология запечатленного времени. 1999. VIII, 583 S. 96.- DM. (3-87690-729-2)
379. **Kratochvil, Alexander**: *Mykola Chvyľ'ovyj*. Eine Studie zu Leben und Werk. 1999. VI, 244 S. 48.- DM. (3-87690-736-5)
380. **Slavistische Linguistik 1998**. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Wien 15.–18.9.98. Herausgegeben von Renate Rathmayr und Wolfgang Weitlaner. 1999. 325 S. 52.- DM. (3-87690-737-3)
381. **Dobrowlanska-Sobczak, Monika Joanna**: Das Spiel mit dem Zuschauer. Die Bedeutungs-generierung im polnischen Bildertheater am Beispiel von „Szczelina“ Leszek Mądziks, „Replika“ Józef Szajnas und „Niech szczyzną artyści“ Tadeusz Kantors. 1999. 356 S., zahlr. Abb. 62.- DM. (3-87690-740-3)
382. **Schaeken, Jos, Henrik Birnbaum**: Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern). Alt-kirchenslavische Studien II. 1999. 289 S. 48.- DM. (3-87690-741-1)
383. **Dornblüth, Gesine**: „Poststalinizm – postavangardizm“. Das Subjekt und die Welt der Objekte in der postmodernen frühen Lyrik Andrej Voznesenskij's. 1999. 194 S. 42.- DM. (3-87690-742-X)
384. **Bergmann, Martin**: Eine diskursanalytische Betrachtung des rok-samizdat in der Sowjetunion und ihren Nachfolgestaaten in der Periode zwischen 1967 und 1994. 1999. 235 S. 48.- DM. (3-87690-743-8)
385. **Sauberer, Gabriele**: Die Syntax der „Pis'ma russkogo putešestvennika“ von N. M. Karamzin. 1999. 385 S. 60.- DM. (3-87690-744-6)
386. **Lauterbach, Anastassia**: Anredeformen im Serbischen um 1800. Die Schauspielbearbeitungen von Joakim Vujić (1772–1847). 1999. 288 S. 48.- DM. (3-87690-751-9)
387. **Rippl, Daniela**: Žiznetvorčestvo oder die Vor-Schrift des Textes. Eine Untersuchung zur Geschlechter-Ethik und Geschlechts-Ästheti in der russischen Moderne. 1999. 256 S. 48.- DM. (3-87690-752-7)
388. **Poljakov, Fedor B., Carmen Sippl**: A. S. Puškin im Übersetzungswerk Henry von Heiseler's (1875–1928). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur. 1999. 131 S. 36.- DM. (3-87690-753-5)
389. **Betsch, Michael**: Diskontinuität und Tradition im System der tschechischen Anredepronomina (1700–1850). 2000. 198 S. 42.- DM. (3-87690-754-3)
390. **Brinkjost, Ulrike**: Geschichte und Geschichten. Ästhetischer und historiographischer Diskurs bei N. M. Karamzin. 2000. 225 S. 46.- DM. (3-87690-755-1)
391. **Rajewsky, Alice**: Changes in the Russian Terminology of Economic Law since *Perestroika*. 2000. 208 S. 44.- DM. (3-87690-757-8)
392. **Rybakov, Alexei**: Deutsche und russische Literatur an der Schwelle zur Moderne. „Wilhelm Meisters Lehrjahre“ und „Eugen Onegin“. Zur Entstehung des modernen Weltbildes. 2000. 251 S. 48.- DM. (3-87690-763-2)
393. **Gulawska, Małgorzata**: Aktualität im Polnischen und Deutschen. Eine praktische Untersuchung am Beispiel der Übersetzungen beider Richtungen. 2000. 219 S. 46.- DM. (3-87690-764-0)